ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы

ые сроки.

евания в

ь об этом

е и хище-

ветствии с

сентября

охранность

ПЕТРЪ СИМОНЪ ПАЛЛАСЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ,

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

СОСТАВИЛЪ

В. Маракуевъ.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

МОСКВА.
Типографія А. А. Торлецкаго и К°, Моховая, д. Торлецкой.
1877.

Петръ Симонъ Палласъ

1741—1811.

ПЕТРЪ СИМОНЪ ПАЛЛАСЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ,

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ И ПУТЕШЕСТВІЯ

СОСТАВИЛЪ

В. Маракуевъ

МОСКВА
Типографія А. А. Торлецкаго и К°, Моховая, д. Торлецкой
1877

Дозволено цензурою. Москва, Мая 17 дня, 1877 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ. — Дѣтство и юность Палласа. — Его путешествія по Европѣ; жизнь въ Голландіи и Англіи. — Появленіе его знаменитыхъ первыхъ сочиненій. — Приглашеніе въ Россію. 7

ГЛАВА ВТОРАЯ. — Переѣздъ Палласа въ Россію. — Ученыя экспедиціи при Петрѣ I, Екатеринѣ I, Аннѣ и Екатеринѣ II. — Спутники Палласа: Лепехинъ, Зуевъ, Фалькъ, Георги, Рычковъ, Гмелинъ и Гюльденштедтъ. — Значеніе для науки путешествій академиковъ. 14

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — Уединеніе Палласа въ Крымъ. — Возвращеніе въ Берлинъ. — Послѣдніе дни его жизни и смерть 20

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Значеніе Палласа въ наукѣ. 29

1. Зоологическіе труды Палласа. — Мнѣніе объ этомъ Ж. С. Иллера. — Появленіе знаменитаго сочиненія Elenchus Zoophitorum. — Specilegia Zoologica. — Neue nordische Beiträge. — Novae species quadrupedum. — Описанія его различныхъ вновь имъ открытыхъ Сибирскихъ животныхъ — Энтомологическіе труды. — Наблюденія надъ періодическими явленіями въ жизни животныхъ. — Записки объ измѣненіи нѣкоторыхъ животныхъ. — *Главнѣйшій трудъ* Палласа: «Зоографія Россіи» . . . 30

2. Труды Палласа въ ископаемой зоологіи. — Первый и второй мемуары Палласа о ископаемыхъ животныхъ Сибири. — Замѣчательныя мнѣнія, высказанныя имъ по этому поводу. 42

3. Труды по геологіи. — Исторія геологіи. — Соссюръ. — Основныя положенія геологіи. — Описаніе Тавриды. — Наблюденія надъ образованіемъ горъ. — Изученіе структуры глобуса. 44

4. Ботаническіе труды. — Мнѣніе Ламарка. — Флора Россіи. — Species Astragalorum. — De Halophitis. — Описаніе сада Демидова въ Москвѣ. . . 50

5. Труды Палласа по этнографіи и языкознанію. — Исторія монгольскаго народа. — Словарь двухсотъ словъ европейскихъ и азіатскихъ языковъ. 54

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1. Характеръ и значеніе путешествій Палласа. 59

А. **Путешествія 1768—1769 годовъ.** — 1. Дорога черезъ Ингерманландію, Москву, Владиміръ, Касимовъ, Арзамасъ и рѣку Пьяну. — Осень въ Пензѣ, Мордва, рѣка Сура, Симбирскъ, рѣка Сокъ. — Зимованіе въ Симбирскѣ.—Природа Приволжья. — Описаніе рыбъ Волги. . . 62

2. Хребетъ горъ Самарской луки.—Сѣрный городокъ. — Весна въ Самарѣ, изученіе окрестной природы.—Сызрань.—Сѣрная гора.—Дорога изъ Самары въ Оренбургъ; природа страны между рѣками Самарой и Кинелью. 68

3. Илецкая защита.—Губерлинскія горы. — Яицкіе казаки. — Уральскія рыбы и ихъ ловля.—Ловля въ Каспійскомъ морѣ. — Замѣтки о хозяйствѣ и окрестной природѣ.—Слѣдованіе спутниковъ Палласа отъ Самары до Яика. 73

4. ~~Калмыки и киргизы~~.—Ихъ характеръ, нравы, вѣра, скотоводство и проч. 82

5. Природа долины рѣки Яика.—Калмыкова крѣпость.—Индерскія горы и Индерское озеро. — Низовья Яика. — Пребываніе въ Гурьевѣ для изученія природы устьевъ Яика.—Возвращеніе въ Уфу на зимовку.—Башкиры, ихъ образъ жизни и нравы.—Дорога по предгоріямъ Урала. 86

В. **Путешествія 1770 и 71 года.**—1. Зима въ Уфѣ. — Наступленіе весны и прилетъ птицъ въ Уфѣ и Гурьевѣ.—Дорога въ Исетскую провинцію.—Башкирское пчеловодство; замѣчательныя пещеры.—Мещеряки.—Уралъ-Тау.—Природа Исетской провинціи. 94

2. Природа Исетской провинціи.—Тагильскій заводъ; кедровые лѣса; лаковыя издѣлія.—Магнитная гора и гора Благодать. — Рѣка Тура.—Страна Вогуловъ.—Рѣки Ляла и Лобвь.—Соленыя озера на югѣ отъ Челябинска.—Троицкая крѣпость.—Осенній ловъ гусей и утокъ около Челябинска.—Природа при Яикѣ и Каспійскомъ морѣ. 99

Путь изъ Челябинска до Омска.—Окончаніе первой экспедиціи.—Сборы для изслѣдованія Сибири.—Еще замѣчанія объ Исетской провинціи.—Весна.—Дорога въ Омскъ.—Рѣка Куртамышъ.—Каминская слобода.—Звѣриноголовскъ.—Тобольско-Ишимская линія. — Путешествіе вдоль Тобола.—Илецкій боръ.—Уковскій боръ.—Рѣки Вагай, Карасукъ и Ишимъ. — Бѣлые журавли и летяги. — Остальной путь по Иртышу до Омска. 105

4. Окрестности Омска. — Природа по Иртышу. — Рѣчка Карассукъ. — Степная растительность и птицы; песчаныя степи и проч. — Барнаульскій и Касмалинскій боры. — Грачевскій форпостъ.—Алтайскія горы.—Шулбинскій боръ.—Остатки древнѣйшихъ обитателей горъ.—Рѣка Алея, Уба и другія.—Горныя сопки 114

5. Путешествіе къ Змѣиногородску.—Гольцовскій, Семеновскій и другіе рудники.—Тараканы.—Рѣка Бѣлая.—Тегерецкій форпостъ. — Изслѣдованіе его окрестностей.—Животныя Алтайскихъ горъ.—Известковая плодородная почва.—Колыванскіе заводы. 119

6. Остатки чудскихъ работъ на Алтаѣ.--Описаніе рудъ Змѣиной горы.—Дорога въ Томскъ.—Томскъ.—Дорога въ Красноярскъ. — Рѣки Кій и Чулымъ.—Ачинскъ.—Древнія могилы. — Рѣка Юса. — Качинскіе татары: ихъ обычаи, вѣра, богатство. — Абакинскъ. — Село Овсянское.—Рѣка Макъ.—Красноярскъ. 124

C. **Путешествіе по восточной Сибири и Дауріи въ 1772 г.** — 1. Красноярскъ.—Окрестная природа.—Звѣриные промыслы и рыбная ловля.—Путешествіе студента Зуева на сѣверъ Сибири.—Иртышъ и Обь.—Березовъ.—Птицы сѣвера.—Обдорскъ.—Крайній сѣверъ. — Остяки и самоѣды 133

2. Дорога въ Иркутскъ.—Начало весны.— Байкалъ. — Селенгинская область.—Рѣка Чикой. — Кяхтинскіе китайцы: ихъ обычаи, торговля съ ними и прочее. 144

D. **Странствованіе по Дауріи**.— 1. Рѣки Хилка и Уда. — Хребетъ Яблень-Даба.—Страна между Ингодою и Аргунью.—Рѣка Или. — Охота на дзереновъ.—Рѣдкія птицы по Онону.—Степныя озера: Тарей—Нооръ и другія.—Джигетай.—Рѣдкія птицы по Аргуни. — Звѣрокъ чекушка.—Растеніе Stellera. 149

2. Горы Адонъ-Шало.—Бородачъ или Эллоо и другія птицы.—Каменные бараны.—Даурскіе тунгузы.—Рѣка Ага. — Обратный путь. — Селенгинскъ.—Въ Кяхтѣ. — Общій обзоръ Забайкальскихъ странъ. . . 155

3. Возвращеніе въ Красноярскъ. — Общія замѣчанія о флорѣ Сибири.—Рѣка Енисей.—Поѣздка въ Саяны.—Енисейскіе татары.—Рѣка Абаканъ.—Белтирцы.—Рѣка Таштыпъ.—Койбальскіе татары. — Кашинскіе татары. 164

E. **Обратный путь въ Россію въ 1773 году**.—1. Заселеніе Сибири.—Бараба: озеро Чаны, обиліе птицъ и прочее.—Тара.—Башкирія.—Таныпь.—Вотяки и черемисы. 173

2. Весна въ Сарапулѣ.—Торговля Сарапуля.—Обиліе рыбы.—Земледѣліе по Камѣ. — Возвышенныя страны Пріуралья. — Рѣки Кинель и Таныпь.—Рѣка Самара.—Дикія лошади. — Степи около Сока. — Рѣка Узень. 176

3. Степь Нарынъ или Рынь-Пески. — Холмы Арышъ. — Саджи. — Гора Чапчачи.—Дорога къ Волгѣ.—Племя Кундуру. — Развалины на Ахтубѣ.—Дорога въ Царицынъ.—Сарепта. — Жизнь менонитовъ.—Дно древняго моря. 182

4. Путешествіе студента Соколова изъ Царицына въ Куманскую степь.—Поѣздка Палласа вверхъ изъ Царицына.—Селеніе Дубовка и Антиповка.—Рѣка Еруслань. — Нѣмецкія колоніи. — Саратовъ. — Озеро Эльтонъ-Царицынъ. 190

F. **Путешествія 1774 года.** — 1. Царицынъ. — Климатъ его. — Пролетныя птицы.—Четвероногія.—Насѣкомыя. — Окрестная растительность.—Минеральные источники.—Страна между Дономъ и Волгой. . . . 195

2. Ахтуба.—Дикая шелковица.—Гора Богдо.—Озеро Богдоинъ-Дабассу.—Растительность здѣшнихъ странъ.—Возвратный путь въ Петербургъ и конецъ путешествій. 200

G. **Путешествія Палласа въ 1793 — 94 годахъ по южной Россіи и Крыму.—**
1. Предисловіе Палласа къ «Путешествію по южной Россіи».—Путь отъ Петербурга до Царицына.—Москва.—Приключеніе въ дорогѣ.—Пензенская губернія. — Путешествіе по южной Волгѣ. — Весна въ степи.—Астрахань.—Путешествіе на Кавказъ и т. д. 205
2. Крымъ.—Горы и ихъ строеніе.—Долины Крыма.—Растительность.—Четвероногія, птицы и рыбы. 210

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта назначается для учащагося юношества. Она составляетъ продолженіе изданныхъ мною въ 1873 году біографій Линнея и Бюффона и должна была появиться въ печати тотчасъ же вслѣдъ за ними; но по различнымъ обстоятельствамъ пролежала въ типографіи почти три года.

Между иностранцами, трудившимися на ученомъ поприщѣ на пользу и славу Россіи, Палласу принадлежитъ весьма видное мѣсто. Имя его должно быть хорошо извѣстно юношеству. Жизнь его и дѣятельность почти вся принадлежитъ прошлому столѣтію. Императрица Екатерина II, заботившаяся о славѣ и могуществѣ Россіи, понимала очень хорошо, что величіе государства невозможно безъ мирныхъ успѣховъ науки. Обширная Россія при ней еще мало была изучена, и поэтому былъ составленъ планъ изслѣдованія Россіи во всевозможныхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, примѣръ подобнаго изслѣдованія былъ показанъ еще Петромъ I.

Счастіе благопріятствовало предпріятію Екатерины: въ это время, какъ извѣстно, изученіе природы было

двинуто сильно впередъ безсмертнымъ Линнеемъ, ученики котораго, пламенные и талантливые, жаждали новыхъ странъ для изслѣдованій. Неменѣе благопріятствовало счастіе Императрицѣ и въ пріисканіи человѣка, которому возможно бы было поручить главенство надъ столь многосложнымъ предпріятіемъ: требовался человѣкъ не только обширныхъ познаній, но и геніальныхъ дарованій и безпримѣрнаго, неутомимаго трудолюбія. Такимъ человѣкомъ былъ Петръ Симонъ Палласъ; онъ со славой выполнилъ трудное порученіе и оставилъ намъ массу изслѣдованій о Россіи, своемъ второмъ отечествѣ. Матеріалъ собранный имъ въ теченіи *сорока* лѣтъ легъ въ основаніе дальнѣйшихъ изслѣдованій Россіи. Но главнѣйшая цѣль всей жизни Палласа было описаніе животныхъ Россіи,—его *Зоографія*, судьба которой разсказана дальше.

Вотъ какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своей Зоографіи: «наконецъ, является въ свѣтъ Зоографія, такъ долго лежавшая въ бумагахъ, собранная въ теченіи тридцати лѣтъ. Она содержитъ въ себѣ одну восьмую часть животныхъ всего обитаемаго міра. Если такъ называемыя фауны могутъ имѣть пользу, то, конечно, ее можно скорѣе ожидать отъ таковой, каковую я представляю здѣсь: «не худосочную, какъ прочія фауны, сухіе скелеты именъ и синонимовъ тамъ и сямъ наблюденныхъ и описанныхъ животныхъ; но полную, богатую и такъ составленную, что она можетъ быть пригодна для освѣщенія всѣй зоологіи, и хотя любовь къ растеніямъ и произведеніямъ подземной природы, а также положеніе и нравы народовъ и сельское хозяйство меня постоянно развлекали, однако я съ молодыхъ лѣтъ особенно интересовался зоологіей предпочтительно предъ остальными частями физіографіи».

При составленіи этой книжки авторъ пользовался слѣдующими источниками: словаремъ митрополита Евгенія, диссертаціей Н. А. Сѣверцева, путешествіемъ Сумарокова, біографіей Палласа написанной Рудольфи и Кювье, брошурою академика Бэра, Coxe'a Travels in to Russia, различными статьями иностранныхъ писателей и, наконецъ, всѣми сочиненіями самого Палласа, какъ отдѣльно изданными, такъ и помѣщенными въ различныхъ академическихъ трудахъ. Къ сожалѣнію я не могъ воспользоваться ученой перепиской Палласа, а также и различными бумагами, имѣющимися, вѣроятно, въ архивахъ Академіи Наукъ.

Еще одно замѣчаніе. Что касается слога извлеченій изъ многочисленныхъ путешествій Палласа, то я не считалъ нужнымъ сглаживать его черезъ-чуръ и оставилъ на немъ, по возможности, оттѣнокъ минувшаго столѣтія.

В. Маракуевъ.

Москва,
1-го Іюня, 1877 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Теперь мы представимъ очерки жизни и трудовъ двухъ великихъ натуралистовъ, слѣдовавшихъ за Линнеемъ и Бюффономъ. Изъ нихъ одинъ, ученый XVIII вѣка, подготовилъ почву для окончательнаго переворота въ Естественной Исторіи; другой же, принадлежащій уже XIX вѣку, довершилъ этотъ переворотъ.

«Палласъ своими пріемами въ наукѣ, говоритъ одинъ русскій ученый, Н. А. Сѣверцевъ, смѣлыми идеями, высказанными о связи всѣхъ трехъ царствъ природы, идеями окончательно разработанными въ нашемъ столѣтіи, своими наблюденіями надъ жизнью животныхъ и сравнительно-анатомическими работами стоитъ впереди ученыхъ XIX вѣка. Точность изслѣдованій и вѣрность воззрѣній ставятъ его рядомъ съ Кювье, но внесенная этимъ послѣднимъ реформа въ Зоологію какъ-будто бы заслонила заслугу первенства въ этомъ отношеніи, безспорно принадлежащую Палласу. Близкій къ тому, по признанію самого Кювье, чтобы произвести реформу Зоологіи, онъ произвелъ ее на самомъ дѣлѣ въ *геологіи*, или какъ тогда называли ее—въ *теоріи земли*. Онъ былъ основателемъ палеонтололіи; онъ установилъ такія прочныя воззрѣнія на значеніе метеорологическихъ, почвенныхъ и климатическихъ вліяній, на явленія періодической жизни животныхъ, что къ этому послѣ него прибавлено было мало существеннаго. По духу своему и по неутомимой дѣятельности Палласъ также сходенъ съ Кювье; но не надо забывать, что Кювье вступилъ уже на почву, сильно разработанную Палласомъ, Мюллеромъ, Соссюромъ и другими.»

Непрерывныя изслѣдованія природы на мѣстѣ ея проявленій, а слѣдовательно разносторонняя и разнообразная дѣятельность, недостатокъ ученаго общества, были главными причинами, не позволившими Палласу выработать въ каждой изъ наукъ, въ которыхъ

онъ сдѣлалъ геніальные шаги, цѣльной системы или теоріи. Кювье въ этомъ отношеніи имѣлъ на своей сторонѣ то преимущество, что могъ вполнѣ сосредоточиться на цѣломъ объемѣ науки и вблизи слѣдить за нараждающимися новыми идеями въ науки, которыя, конечно, происходятъ путемъ постепеннаго развитія, а не выходятъ изъ ума ученаго цѣликомъ, готовыми. Мы это видѣли уже надъ развитіемъ ботаническихъ идей въ біографіи Линнея.

Кювье упрекаетъ Палласа за сухость изложенія въ его путешествіяхъ, представлявшихъ ему такія великія картины природы. Но надо помнить, что большинство работъ Палласа, при подавляющей массѣ наблюденій, необходимо были спѣшными. Не смотря на это, онъ такъ умѣлъ группировать факты, что они, помимо прикрасъ краснорѣчія, были полны поэзіи и давали картины, дышащія простотой самой природы.

Палласъ былъ типъ ученаго, всецѣло отдавшагося наукѣ, а потому его внѣшняя жизнь не изобиловала рѣзкими событіями, и современники обращали на него вниманіе исключительно какъ на ученаго. Вотъ почему мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній о его частной жизни и характерѣ.

Всякія литературныя занятія у насъ сопряжены съ большими трудностями вслѣдствіе отсутствія библіотекъ, справочныхъ книгъ, и проч. и проч. Авторъ біографіи Палласа старался собрать изъ русскихъ источниковъ свѣдѣнія о личности и домашней жизни его; но эти исканія дали весьма мало. Единственное имѣющееся свидѣтельство современника о домашней жизни и характерѣ Палласа принадлежитъ Измайлову, посѣтившему Палласа въ Крыму въ 1799 году; и въ иностранной біографической литературѣ Палласу тоже не посчастливилось. Въ 1812 году въ Берлинѣ вышла на нѣмецкомъ языкѣ біографія Палласа, написанная профессоромъ Рудольфи (Beiträge zur Antropologie etc). Онъ зналъ Палласа, посѣщая его почти ежедневно въ Берлинѣ въ послѣдній годъ его жизни. Дочь Палласа сообщала Рудольфи всѣ необходимыя бумаги для составленія біографіи отца своего.

Біографія Палласа, написанная Кювье (Eloges historiques des membres de l'Academie 1819 an.) есть извлеченіе изъ Рудольфи. На русскомъ языкѣ единственный краткій очеркъ его жизни и

сочиненій находится въ словарѣ митрополита Евгенія, да въ диссертаціи Н. А. Сѣверцева оцѣнка его ученыхъ трудовъ.

Палласъ еще ждетъ пока своей полной оцѣнки въ русской научной литературѣ; а послѣдующія поколѣнія, вѣроятно, будутъ справедливѣе насъ къ людямъ, трудившимися на пользу нашего отечества, и поставятъ Палласу памятникъ. Единственнымъ желаніемъ составителя этой книжки было сдѣлать извѣстнымъ среди учащагося юношества славное имя Палласа, а также и его сподвижниковъ. Находящіяся въ этой книжкѣ извлеченія изъ его большаго путешествія по Россіи и Сибири будутъ нелишними для нашихъ читателей, знакомя ихъ съ разносторонностью Палласа и съ обширнымъ нашимъ отечествомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ взято только самое существенное и характеристичное. Небольшой объемъ книжки потребовалъ отъ автора, по возможности, изложенія краткаго и сжатаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ ПАЛЛАСА.

1741—1811.

«Онъ былъ между современниками своими почти безпримѣрный знатокъ и испытатель природы».

Митрополитъ Евгеній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство и юность Палласа.—Его путешествія по Европѣ; жизнь въ Голландіи и Англіи.—Появленіе его знаменитыхъ первыхъ сочиненій.—Приглашеніе въ Россію.

Третій славный естествоиспытатель XVIII вѣка, стоящій рядомъ съ великими Линнемъ и Бюффономъ, былъ знаменитый Петръ Симонъ Палласъ. Онъ прожилъ въ Россіи слишкомъ сорокъ лѣтъ, посвятивъ всѣ свои громадныя способности на изученіе новаго своего отечества.

Палласъ родился въ Берлинѣ 22 сентября 1741 года, значитъ въ то время, когда уже Линней напечаталъ свои первые труды, а Бюффонъ, уже начальникъ королевскаго сада, работалъ надъ будущей естественной исторіей четвероногихъ. Отецъ Палласа былъ родомъ изъ Іоганнисбурга въ Пруссіи. Онъ учился въ свое время въ хирургической школѣ въ Парижѣ; затѣмъ былъ полковымъ хирургомъ въ прусской службѣ, сдѣлался профессоромъ въ Берлинской Медицинской Академіи и кромѣ того имѣлъ другія должности. Эти его роли показываютъ, что онъ пользовался уваженіемъ и обладалъ знаніями. Онъ издалъ нѣсколько сочиненій, которыя показываютъ въ немъ практическаго хирурга и анатома.

Мать Палласа, Сузанна Леонардъ, по происхожденію своему была француженка. Она родилась въ Берлинѣ въ колоніи французскихъ выходцевъ. У Палласа были еще братъ и сестра.

До 1754 года мальчикъ учился дома подъ руководствомъ весьма строгаго и пристрастнаго учителя, который мало обращалъ вниманія на талантливаго мальчика и обращался съ нимъ жестоко. Отецъ совершенно случайно узналъ о такомъ обращеніи учителя съ ученикомъ, потому что сынъ не рѣшался жаловаться на свои страданія. Впрочемъ воспитаніе того времени всюду отличалось жестокостью. Былъ выбранъ другой учитель, подъ руководствомъ котораго мальчикъ сталъ подвигаться быстро впередъ.

Отецъ Палласа держался прекраснаго правила учить сына съ ранняго дѣтства различнымъ иностраннымъ языкамъ. Поэтому Палласъ рано могъ легко писать по латыни, по французски, по английски и по нѣмецки. Греческій языкъ не былъ еще въ то время такъ распространенъ, какъ впослѣдствіи; однако Палласъ и ему учился. Онъ сохранилъ любовь къ латинскимъ писателямъ, особенно къ Овидію и Сенекѣ, на всю жизнь. Каждое изъ его сочиненій имѣетъ по одному или по нѣскольку эпиграфовъ изъ этихъ и другихъ латинскихъ писателей. Знаніе языковъ, такъ легко давшееся въ молодости Палласу, помогло ему быть первымъ между своими товарищами и во всѣхъ остальныхъ наукахъ.

Его ученіе было ведено такъ хорошо, что его тогдашнія познанія были уже глубоки и обширны и составляли твердую основу для будущихъ ученыхъ изслѣдованій. Особенно хорошо указываютъ на его основательное ученіе сохранившіяся его упражненія на нѣмецкомъ языкѣ. Языкъ пятнадцатилѣтняго Палласа отличался опредѣленностью и чистотою выраженій, въ то время вообще довольно рѣдкими качествами нѣмецкихъ писателей. Дѣйствительно, его знаніе нѣмецкаго языка замѣчательно, хотя онъ легко изучалъ и азіатскія нарѣчія. Это знаніе языковъ, какъ увидимъ далѣе, онъ приложилъ оригинальнымъ образомъ къ зоологіи и ботаникѣ. Онъ выставлялъ передъ каждымъ латинскимъ названіемъ животнаго или растенія рядъ названій его на другихъ употребительныхъ въ Россіи и Сибири языкахъ. Этого прекраснаго правила впослѣдствіи стали держаться и другіе зоологіи и ботаники въ Россіи.

Ранняя и сильная страсть къ наукѣ выразилась въ немъ тѣмъ, что еще будучи въ школѣ, онъ не довольствовался одними предметами, преподовавшимися въ коллегіи (гимназіи), и употреблялъ все свободное время на изученіе Естественной Исторіи. Онъ особенно выказалъ свое раннее хорошее образованіе при изученіи насѣкомыхъ. Въ энтомологіи, а равно и въ другихъ частяхъ зоологіи, онъ былъ собственнымъ своимъ учителемъ. Его собственноручныя замѣтки, относящіяся къ 1756 году, когда ему было лишь пятнадцать лѣтъ, показываютъ какъ преуспѣлъ онъ въ этихъ занятіяхъ. Онъ сдѣлалъ весьма точныя наблюденія надъ образомъ жизни гусеницъ, надъ ихъ превращеніями, надъ ихъ чувствительностью къ звукамъ и пр. Затѣмъ, будучи еще почти ребенкомъ,

онъ набросалъ собственное раздѣленіе (классификацію) птицъ. Эта классификація доказываетъ его раннюю *самостоятельность* и независимость отъ авторитетовъ. Мы помѣщаемъ ее внизу въ примѣчаніи *).

Съ 1754 по 1758 годъ онъ посѣщалъ въ Берлинѣ лекціи медико-хирургической коллегіи, гдѣ тогда было нѣсколько замѣчательныхъ преподавателей. Здѣсь Палласъ слушалъ ботанику у Гледича, остеологію у Шпрёгеля, остальныя части анатоміи у знаменитаго Меккеля, физіологію у Ролоффа, хирургію у своего отца и Генкеля. Онъ прилежно занимался въ анатомическомъ театрѣ и въ концѣ 1758 года окончилъ свой анатомическій курсъ. При помощи хорошаго берлинскаго анатомическаго театра и подъ руководствомъ Меккеля, Палласъ сдѣлался хорошимъ анатомомъ. Надо замѣтить, что Ролоффъ при чтеніи своихъ лекцій пользовался прекрасными анатомическими препаратами Люберкюна, что еще болѣе возбуждало въ ученикахъ желаніе заниматься анатоміей. Палласъ сохранилъ навсегда любовь къ анатоміи. Во время же своихъ первыхъ путешествій по Европѣ онъ собиралъ все, относящееся до изготовленія и инъекціи анатомическихъ препаратовъ. Впослѣдствіи онъ сообщилъ свои замѣтки объ этомъ и о бальзамированіи труповъ въ „Стральзундскомъ Магазинѣ“.

Осенью 1758 года Палласъ отправился въ Галле слушать лекціи Сегнера по математикѣ и физикѣ. Въ окрестностяхъ города онъ часто дѣлалъ минералогическія экскурсіи.

Весной 1759 года онъ вернулся въ Берлинъ, а оттуда отправился въ Геттингенъ къ знаменитому Галлеру, которому его рекомендовалъ Меккель **). Здѣсь онъ слушалъ лекціи Редерера и Фогеля; но большую часть времени употреблялъ на пополненіе своего образованія, посѣщая библіотеку.

---

*) 1. Mimae. Psittacus, Strix, Falco. Dermatopodes rostro unco.

2. Picae. Rostro conoideo. Hymenopodes uncungues. Corbus, Mottacilla ect.

3. Hamiotae. Grus, Ciconia, Ardea, Haematopus, Charadrius, Sterna. Nares perviae.

4. Anseres. Rostro unguiculato. Anser, Mergus, Pelecanus, Platalea, Alco, Procelaria.

5. Alcyones. Colymbus, Merops, Upupa, Alcyon, Fulica, Sterna.

6. Geophilae. Otis, Tetrao, Gallus, Struthio.

7. Scolopoces.

8. Grallae.

9 Passeres. Lingua triquestra, rsotro trochoide.

**) Coxe—Travels in to Russia.

Въ іюлѣ 1760 года Палласъ отправился въ Лейденъ, чтобы окончить свое образованіе. Онъ слушалъ здѣсь преимущественно лекціи Гаубія, Альбинуса и Мушенброка. Въ это время, благодаря обладанію многочисленными колоніями въ обѣихъ Индіяхъ и міровой торговлѣ въ теченіи двухъ столѣтій, голландцы собрали въ своихъ натуральныхъ кабинетахъ самыя рѣдкія произведенія природы. Естественная Исторія въ Голландіи пользовалась уваженіемъ значительныхъ лицъ, напр. мать послѣдняго статудера Голландіи была любительницей Естественной Исторіи. Палласъ изучалъ всѣ эти собранія, напр. университетское, принца Оранскаго, коллекціи Грановіуса и др. Вліяніе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ удвоило ученое рвеніе Палласа, и 27 декабря онъ защищалъ свою диссертацію (De insectis viventibus intra Viventia), приготовленную еще ранѣе въ Гетингенѣ.

Палласу было тогда 19 лѣтъ. Все написанное имъ въ диссертаціи, относительно избраннаго предмета, было тогда въ Естественной Исторіи самое новое, лучшее и богатое по содержанію. Линней относительно изслѣдованія этихъ животныхъ (живущихъ внутри другихъ животныхъ, остался позади Палласа, и оставался съ рѣдкимъ упрямствомъ при своихъ, невыдерживающихъ критики, мнѣніяхъ. Палласъ не только показалъ заблужденія Линнея, но самъ изслѣдовалъ, какъ образъ жизни пузырчатыхъ червей, такъ и голову солитера, лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но Палласъ пошелъ далѣе и доказалъ, что весь классъ червей Линнея былъ построенъ ошибочно. Такимъ образомъ это сочиненіе показало свѣту, чего можно ожидать отъ автора впослѣдствіи.

Осмотрѣвъ замѣчательныя города и кабинеты Голландіи, гдѣ онъ пользовался лучшимъ пріемомъ, Палласъ, въ іюлѣ 1761 года, отправился въ Англію. Отецъ желалъ, чтобы онъ осмотрѣлъ всѣ замѣчательные госпитали Англіи; но вмѣсто больницъ Палласъ посѣщалъ здѣсь богатыхъ знаніями англійскихъ натуралистовъ и ихъ замѣчательныя коллекціи. Онъ сдѣлалъ въ Англіи много знакомствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были весьма короткія, какъ напр., съ Коллинсономъ, Эллисомъ, Гекеромъ, Соландеромъ и другими. Петръ Коллинсонъ былъ знаменитый натуралистъ, другъ Слоане, Линнея и др. Онъ велъ громадную переписку въ Европѣ, Азіи, Америкѣ и имѣлъ знаменитое собраніе различныхъ предметовъ природы.

День обыкновенно Палласъ проводилъ въ посѣщеніи кабинетовъ и ученыхъ, а цѣлыя ночи проводилъ въ чтеніи естественно-историческихъ сочиненій. Желая пополнить свои познанія и собрать различные морскіе продукты, Палласъ сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ путешествій къ морскимъ берегамъ Англіи, частію одинъ, частію же съ пріятелемъ.

Въ концѣ апрѣля 1762 г. онъ отправился въ Гарвичъ, чтобы оттуда ѣхать въ Голландію. Но сильные противные вѣтры удержали его въ этомъ городѣ. Палласъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы собрать и изучить подробнѣе нѣкоторыя произведенія моря.

Англія привела его въ восторгъ. Въ записной его книжкѣ сохранились относящіяся къ тому времени слѣдующія замѣтки. «Мнѣ кажется, что въ Голландіи я былъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, бездѣятеленъ и чрезвычайно тяжело настроенъ. Это наблюдалось въ Голландіи со временъ рыцарей тампліеровъ надъ всѣми пріѣзжающими сюда иностранцами, хотя сами голландцы не меланхоличны. Въ Англіи же случается совершенно обратное: здѣсь туземцы подвержены меланхоліи. Я не знаю, могли-ли бы когда-нибудь мои семейныя обстоятельства сдѣлать меня такимъ печальнымъ, какимъ я былъ въ Голландіи. Я былъ здѣсь лѣтомъ и предавался моимъ печальнымъ мыслямъ и лѣни. Въ Англіи, я думаю, я могъ бы разсѣять всѣ мои печальныя мысли.» Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ хвалитъ Англію и ея жителей, онъ прибавляетъ: «Я думаю, что въ англійскомъ воздухѣ я былъ бы гораздо степеннѣе, разсудительнѣе, остроумнѣе и проницательнѣе».

12 іюня Палласъ вернулся черезъ Голландію въ Берлинъ, потому что отецъ, найдя ему въ арміи мѣсто медика, написалъ ему объ этомъ въ Англію и потребовалъ его пріѣзда. Армія находилась тогда въ Голландіи, и Палласъ отправился туда; но скоро былъ заключенъ миръ, и къ счастію науки этотъ планъ не удался. Палласъ поѣхалъ назадъ къ отцу черезъ Ганноверъ, Вольфенбютель, Брауншвейгъ и другія мѣстности.

Въ Берлинѣ Палласъ прожилъ почти годъ. Вѣроятно, этотъ годъ былъ не изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни Палласа. Отецъ требовалъ, чтобы онъ занимался медицинской практикой; всѣ же склонности влекли Палласа къ изученію природы. Въ это время онъ уже велъ обширную переписку съ Англіей, Голландіей и учеными друзьями во Франціи. Ко времени этого его пребыванія въ

Берлинѣ относится его сочиненіе о насѣкомыхъ (Fauna Insectorum Marchica), которое, впрочемъ, не было напечатано. Въ бумагахъ Палласа сохранилась записка, гдѣ имъ собственноручно написано, что это сочиненіе недостойно печати, а потому рукопись эта осталась у его друга въ Лейденѣ. Но судя потому, что Гледичъ, уважавшій Палласа, корректировалъ это сочиненіе въ отсутствіи Палласа въ Голландіи, можно судить, что оно не плохо; да такого и не могъ написать Палласъ. Конечно, въ перечисленіи видовъ и родовъ оно могло отстать отъ послѣдующихъ сочиненій но если судить по интереснымъ замѣчаніямъ, помѣщеннымъ Палласомъ объ насѣкомыхъ въ „Стральзундскомъ Магазинѣ",то вѣроятно и это сочиненіе содержало много драгоцѣнныхъ наблюденій надъ жизнію и строеніемъ насѣкомыхъ.

Рѣшившись посвятить жизнь свою наукѣ, Палласъ просилъ у своего отца позволенія поселиться въ Голландіи. Получивъ разрѣшеніе искать своего счастія въ Голландіи, онъ отправился 30 іюля изъ Берлина и въ концѣ августа 1763 года прибылъ въ Гаагу. Здѣсь онъ рѣшился поселиться и по протекціи доктора Гаубія получилъ мѣсто резидента. Если страна ему и не нравилась, то онъ всетаки надѣялся легче отсюда предпринять большое путешествіе, къ которому теперь были направлены всѣ его стремленія. Ему хотѣлось путешествовать по Америкѣ для изученія Естественной Исторіи. Для приготовленія же къ такому обширному путешествію Голландія была самой удобной во всѣхъ отношеніяхъ страной.

Въ этомъ же году Палласъ былъ сдѣланъ членомъ Лондонской и Римской Королевской Академій Наукъ. Въ Голландіи онъ былъ въ сношеніи со всѣми замѣчательными натуралистами, пользовался всюду большимъ уваженіемъ и могъ легко надѣяться на покровительство своему задуманному путешествію. Ему были открыты всѣ музеи и библіотеки; онъ имѣлъ свободный доступъ въ музей принца Оранскаго; познанія его во всѣхъ частяхъ природы были уже очень обширны. Его собственное собраніе полиповъ было одно изъ лучшихъ.

Плодомъ его пребыванія въ Голландіи былъ цѣлый рядъ, отчасти подготовленныхъ прежде, замѣчательныхъ сочиненій, слѣдовавшихъ быстро одно за другимъ. Такимъ образомъ въ 1766 году въ Гаагѣ появилось его первое большое сочиненіе: «Картина животнорастеній» (Elenchus Zoophitorum). Палласу въ это время бы-

ло 25 лѣтъ. Это замѣчательное произведеніе, которое мы подробно разсмотримъ во второй части нашей книжки, произвело переворотъ въ изученіи этихъ животныхъ. Это сочиненіе, написанное на латинскомъ языкѣ, тогда же было переведено на голландскій языкъ, а потомъ и на нѣмецкій съ рисунками, прибавленными отъ переводчика.

Изданное Палласомъ въ томъ же году другое важное сочиненіе—«Зоологическій Сборникъ» (Miscellanea Zoologica)—еще болѣе упрочило его славу. Въ этомъ сочиненіи увидали молодаго автора, соединявшаго всѣ заслуги великихъ ученыхъ. Палласъ, очевидно, находился тогда подъ вліяніемъ Бюффона и его знаменитаго сотрудника—Добантона. Но Палласъ смѣло взялъ на себя одного ихъ двойную работу и, не ослѣпляясь ихъ авторитетомъ, соединилъ съ глубокою проницательностью одного терпѣливую точность другаго. Это сочиненіе было издано in 4⁰ съ рисунками и посвящено принцу Оранскому, Вильгельму V. Оно не было такъ сильно распространено, какъ предшествующіе, потому что многое изъ него Палласъ перенесъ въ слѣдующее свое сочиненіе, знаменитый сборникъ «Specilegia Zoologica», гдѣ и картины были гораздо лучше.

Палласъ прожилъ въ Гаагѣ три года, и это его трехлѣтнее пребываніе въ Голландіи ознаменовалось для науки сильнымъ движеніемъ впередъ, даннымъ ей Палласомъ. Теперь онъ снова вернулся къ отцу въ Берлинъ и занялся изданіемъ зоологическаго сборника (Specilegia Zoologica) который былъ ничто иное, какъ продолженіе Miscellanea Zoologica, но подъ улучшенною внѣшнею формою и съ прибавленіемъ новаго содержанія.

Въ 1767 году появились на свѣтъ первыя четыре тетради Specilegiae. Послѣднія тетради явились спустя весьма долго. Они содержали въ себѣ описаніе сибирскихъ животныхъ. Specilegia Zoologica останется навсегда украшеніемъ всякой зоологической библіотеки; этотъ сборникъ даетъ для всѣхъ частей этой науки богатый вкладъ.

Въ это же время онъ издалъ первые два тома «Стральзундскаго Магазина», который послѣ его отъѣзда въ Россію продолжался не долго. Первыя тетради «Магазина» заключали въ себѣ ученыя работы Палласа. о зимнемъ мѣстопребываніи ласточекъ, объ гидатидахъ, о нѣкоторыхъ особенныхъ насѣкомыхъ, замѣтки для собирателей коллекцій и т. п.

Онъ перевелъ также съ англійскаго, вѣроятно, по желанію своего отца учебникъ медицины Брука (Brooke). Отецъ продолжалъ настаивать, чтобы Палласъ занимался медицинской практикой. Но въ это время случилось въ жизни Палласа событіе, рѣшившее окончательно будущую его ученую жизнь. Это событіе было приглашеніе его въ Россію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переѣздъ Палласа въ Россію.—Ученыя экспедиціи при Петрѣ I, Екатеринѣ I, Аннѣ и Екатеринѣ II.—Спутники Палласа: Лепехинъ, Зуевъ,励алькъ, Георги, Рычковъ, Гмелинъ и Гюльденштедтъ.—Значеніе для науки путешествій Академиковъ.

Только что разсмотрѣнная жизнь Палласа сдѣлала имя его извѣстнымъ въ Европѣ, какъ путешественника и натуралиста.

Живя въ Гаагѣ въ качествѣ резидента, Палласъ задумалъ путешествіе на мысъ Доброй Надежды и въ Индію. Это его предположеніе одобрили Гаубій и принцъ Оранскій; но отецъ воспротивился этому, и Палласъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ вернуться въ Берлинъ.

Судьба назначила ему другія страны для неутомимыхъ изслѣдованій. Онъ былъ приглашенъ въ Россію въ качествѣ профессора естественной исторіи при Императорской Академіи Наукъ. Поводомъ къ его приглашенію была ученая экспедиція, снаряжаемая Екатериной II въ различныя области Россійской Имперіи.

Мы думаемъ, что для нашихъ читателей будетъ нелишнимъ, если мы сообщимъ имъ краткія историческія свѣдѣнія объ ученыхъ экспедиціяхъ въ Россіи, бывшихъ до царствованія Екатерины II.

Еще Петръ Великій задумалъ снарядить ученую экспедицію для изслѣдованія Сибири. До него ученыя экспедиціи были дѣломъ неслыханнымъ. Во время посѣщенія Петромъ Парижа, французская Академія просила его назначить ученую экспедицію въ сѣверо-восточную Сибирь для рѣшенія вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой. Въ тѣ времена не знали еще, что между Азіей и Америкой находится море. Петръ вызвалъ изъ-за границы знаменитаго въ свое время ученаго Даніила *Мессершмидта*, знатока во всѣхъ областяхъ естественной исторіи и въ астрономіи.

Въ 1718 году Петръ отправилъ Мессершмидта въ Сибирь для физическаго, какъ тогда говорилось, ея описанія, т. е. для изученія ея природы во всѣхъ отношеніяхъ. Мессершмидтъ путешествовалъ по Сибири восемь лѣтъ. Онъ опредѣлялъ астрономически высоту имъ посѣщаемыхъ мѣстностей, изучалъ во всѣхъ отношеніяхъ природу Сибири, изучалъ на мѣстѣ монгольскія и тангутскія нарѣчія и привезъ въ Петербургъ много книгъ на этихъ языкахъ. Онъ составилъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе «*Описаніе Сибири*», изъ котораго извлеченія печатались Академіей Наукъ. Смерть Петра прервала путешествія Мессершмидта, и труды его остались безъ послѣдствій. Поэтому онъ отправился моремъ въ свое отечество, но дорогой кораблекрушеніе лишило его всѣхъ собранныхъ сокровищъ.

Впослѣдствіи въ 1731 году онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ и умеръ въ 1735 году въ крайней бѣдности.

При Екатеринѣ I въ сѣверо-восточной Азіи путешествовалъ Берингъ, окончательно рѣшившій вопросъ объ отдѣленіи материка Азіи отъ Америки.

Въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 году были возобновлены начатыя Петромъ изслѣдованія. Вновь снаряжена ученая экспедиція въ Камчатку, порученная *Стеллеру* и Іоганну *Гмелину старшему* (дядѣ). Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и собрала массу фактовъ для Естественной Исторіи Сибири.

Гмелинъ принадлежалъ къ замѣчательнымъ людямъ своего времени. Подобно Бернульи, Жюссье и др. семейство Гмелиныхъ дало цѣлый рядъ ученыхъ. Іоганнъ Гмелинъ пріѣхалъ въ Россію вслѣдъ за Дювернуа и другими, вызванными въ Петербургъ учеными. Онъ былъ назначенъ профессоромъ химіи и ботаники.

Когда же была снаряжена камчатская экспедиція для изученія Восточнаго Океана и крайняго сѣвера, Гмелину въ ней было поручено изслѣдованіе естественной исторіи, профессору Миллеру— исторія Сибири, прочіе члены экспедиціи имѣли каждый свой отдѣлъ. Эта экспедиція высылала въ академію много ботаническихъ и другихъ сочиненій. Во время этого путешествія зимою 1736 года, въ Якутскѣ, у Гмелина сгорѣли всѣ бумаги, коллекціи и инструменты.

По возвращеніи изъ экспедиціи Гмелинъ издалъ въ 1747 году «Сибирскую Флору» (Flora Sibirica), а интересное предисловіе къ

ней было тогда же переведено на русскій языкъ. Въ 1747 году Гмелинъ уѣхалъ изъ Россіи въ Тюбингенъ, а Палласъ уже послѣ него издалъ его сочиненіе о тайно брачныхъ растеніяхъ Россіи со своими примѣчаніями.

Такимъ образомъ эти экспедиціи уже расширили какъ географическія, такъ и зоологическія и ботаническія свѣдѣнія о востокѣ и сѣверѣ Сибири.

Екатерина II рѣшилась окончить это важное для просвѣщенія Россіи дѣло, начатое Петромъ. Въ 1769 году ожидалось прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. Екатерина приказала снарядить экспедицію для астрономическихъ наблюденій, а также и вообще для изученія Имперіи во всѣхъ отношеніяхъ. Для экспедиціи нужно было ученаго для естественной исторіи. Императрица обратилась къ профессору Людвигу въ Лейпцигъ, и онъ рекомендовалъ ей Палласа.

30 апрѣля 1767 года Палласъ принялъ приглашеніе русской Академіи, и Германія на всегда лишилась въ немъ ученаго. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ занялся приготовленіемъ къ отдаленному путешествію и выказалъ необыкновенную дѣятельность.

Въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ какъ мы увидимъ далѣе онъ высказалъ много новыхъ взглядовъ; особенно былъ замѣчателенъ его мемуаръ объ ископаемыхъ костяхъ Сибири.

Въ 1769 году экспедиція подъ начальствомъ Палласа отправилась изслѣдовать Россію. Съ этихъ поръ началась для Палласа дѣятельная и исполненная трудовъ и лишеній жизнь. Экспедиція состояла изъ Лепехина, Зуева, Рычкова, Соколова, Гмелина-младшаго, Фалька, Георги, Гильденштета и др.; кромѣ того были отправлены семь астрономовъ и геометровъ (Эйлеръ). Всѣ они должны были направиться въ различныя мѣстности.

Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о спутникахъ Палласа, принимавшихъ такое дѣятельное участіе въ изученіи Россіи. Судьба ихъ была не одинакова, хотя рвеніе одушевляло ихъ всѣхъ одинаково.

Лепехинъ, посланный для изслѣдованій нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверныхъ провинцій Россіи, былъ въ свое время весьма дѣятельнымъ ученымъ. До учрежденія Академіи Наукъ онъ былъ цензоромъ Переводческой Академической Коллегіи. Объѣхавъ сѣверныя и восточныя провинціи, онъ составилъ ихъ описаніе, а затѣмъ отправился во второе путешествіе изслѣдовалъ берега Западной

Двины и проч. Онъ участвовалъ въ переводѣ Естественной Исторіи Бюффона, оставилъ въ Актахъ Академіи множество мемуаровъ; кромѣ того печаталъ множество статей, касавшихся промышленности, ремеслъ, хозяйства и пр.

Зуевъ, студентъ Академіи, провелъ шесть лѣтъ съ Палласомъ и пользовался его расположеніемъ за свою ревность и дарованія. Палласъ посылалъ его въ отдѣльныя экспедиціи, которыя онъ всегда исполнялъ прекрасно; результаты этихъ экспедицій находятся въ третьемъ томѣ путешествій Палласа. Изъ отдѣльныхъ сочиненій Зуева упомянемъ объ его «Изслѣдованіяхъ Азіатскихъ областей при Черномъ морѣ». За свое рвеніе и познанія, по возвращеніи изъ путешествія, онъ былъ отправленъ въ Лейденъ оканчивать образованіе. Онъ привезъ диссертацію: «О примѣненіи понятія о превращеніи насѣкомыхъ къ прочимъ животнымъ». Впослѣдствіи онъ путешествовалъ по южной Россіи и Крыму. Онъ помѣстилъ много полезныхъ изслѣдованій въ различныхъ изданіяхъ того времени. Въ педагогическомъ отношеніи дѣятельность его была не менѣе плодотворна: его «Сокращенная Естественная Исторія» цѣлые десятки лѣтъ считалась классическимъ учебникомъ. Кромѣ того онъ издавалъ журналъ «*Растущій виноградъ*».

Рычковъ, сынъ извѣстнаго автора «Оренбургской Топографіи», отправился съ Палласомъ для изслѣдованія южныхъ провинцій Россіи. Онъ изслѣдовалъ теченіе рѣки Бѣлой до впаденія ея въ Каму, описалъ Киргизскую степь и проч. Палласъ хвалитъ его описанія.

励Фалькъ, о которомъ мы уже упоминали въ біографіи Линнея, былъ отправленъ вмѣстѣ съ Георги, Лебедевымъ и другими въ восточную Россію для изслѣдованія Оренбургскаго края. Онъ описалъ вмѣстѣ съ Георги Киргизовъ. Его печальный конецъ извѣстенъ уже. Георги собралъ его бумаги и впослѣдствіи вмѣстѣ съ Баксманомъ привелъ ихъ въ порядокъ и издалъ. О характерѣ его мы также говорили уже въ біографіи Линнея.

Послѣ смерти Фалька, *Георги* одинъ продолжалъ путешествіе. Онъ былъ превосходный рисовальщикъ и составилъ богатую коллекцію рисунковъ народовъ Россіи. Онъ посвятилъ труды свои составленію полнаго описанія и изображенія племенъ, обитавшихъ въ Россіи, ихъ обычаевъ, жилищъ и т. п. Народы имъ распредѣлены по сходству ихъ языковъ и образа жизни. Это его описаніе

народовъ Россіи издано по русски со множествомъ раскрашенныхъ рисунковъ.

Георги отличался необыкновенною дѣятельностью и издалъ много различныхъ сочиненій и переводовъ. Послѣднее его сочиненіе было: «Географическое, физическое и натуральное описаніе Россіи».

Самуилъ *Гмелинъ*-младшій отправленъ былъ въ южную Россію; ему было дано четыре студента, аптекарь и рисовальщикъ. Онъ отправился въ Астрахань, осмотрѣлъ Каспійское море, провинціи по персидской границѣ, посѣтилъ Баку. Оттуда онъ отправился въ Кизляръ, но по дорогѣ горцы захватили его въ плѣнъ, гдѣ онъ и умеръ, опечаленный потерей своихъ записокъ и коллекцій; нѣкоторыя изъ его рукописей удалось спасти. При его жизни были изданы три части его путешествій, четвертая же была послѣ его смерти поручена Гильденштету; но онъ умеръ и доканчивать досталось Палласу.

Приведемъ еще здѣсь біографію одного изъ замѣчательныхъ спутниковъ Гмелина-*Габлица* (Hablizel). Онъ учился медицинѣ въ Московскомъ Университетѣ въ то время, когда Гмелинъ проѣзжалъ черезъ Москву въ 1768 году. Гмелинъ случайно познакомился съ Габлицомъ и предложилъ ему вступить въ число студентовъ экспедиціи. Такимъ образомъ Габлицъ путешествовалъ съ Гмелинымъ по Дону, Азовскимъ берегамъ, въ степяхъ за Астраханью. Во время этихъ путешествій въ немъ развилась страсть къ ботаникѣ. Затѣмъ онъ объѣхалъ западный и южный берегъ Каспійскаго моря. Когда Гмелинъ умеръ, Габлицъ исполнилъ его ученыя порученія и на слѣдующій годъ вернулся въ Академію, которая оцѣнила его труды и прилежаніе. Онъ былъ сдѣланъ переводчикомъ и отправленъ въ Астрахань. Здѣсь онъ пять лѣтъ занимался разведеніемъ винограда, шелководствомъ и садоводствомъ. По взятіи Крыма въ 1784 году отправленъ Потемкинымъ для описанія Крыма, котораго всестороннее описаніе и издалъ въ слѣдующемъ году. Большая часть этого сочиненія, изданнаго прекрасно въ цѣлый листъ, посвящена ботаникѣ. Екатерина II приняла очень благосклонно это сочиненіе и велѣла Габлицу написать историческое описаніе Крыма. Первая часть этого сочиненія была поднесена императрицѣ во время посѣщенія ею Крыма.

Гильденштетъ, родомъ изъ Риги, былъ также отправленъ на югъ, на Кавказскую линію. Онъ осмотрѣлъ земли по Тереку

и другимъ рѣкамъ и сѣверо-востокъ Кавказа, нефтяные источники и проч. Въ 1771 году посѣтилъ Осетію и занялся здѣсь изученіемъ древностей, составилъ словарь осетинскаго языка, открылъ здѣсь древніе слѣды христіанства, собралъ свѣдѣнія о малой Кабардѣ и сѣверо-западныхъ обитателяхъ Кавказа. Затѣмъ посѣтилъ Грузію, Имеретію, Мингрелію и пр. Такимъ образомъ онъ собралъ много интересныхъ свѣдѣній. Посѣтивъ устья Дона, Азовское побережье, онъ возвратился въ Петербургъ. Въ 1780 г. онъ избранъ былъ президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества и оставался имъ до своей смерти. Въ Петербургѣ Гильденштетъ пользовался славой практическаго врача. Онъ умеръ тридцати шести лѣтъ, заразясь горячкой, оплакиваемый многими. Гильденштетъ отличался пріятнымъ и мягкимъ характеромъ. Оставшіяся послѣ него записки привелъ въ порядокъ Палласъ.

Конечно, такой рядъ талантливыхъ ученыхъ подъ руководствомъ знаменитаго натуралиста долженъ былъ обогатить науку о природѣ во всѣхъ направленіяхъ.

«Съ какимъ любопытствомъ, говоритъ академикъ Бэръ*), глаза образованной Европы были обращены на путешествія академиковъ при Екатеринѣ II. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидались отчеты путешествующихъ академиковъ. Ихъ путешествія были переводимы на различныя европейскія языки, издавались во множествѣ извлеченій, вошли въ различные сборники и т. п. До сего времени только, подъ вліяніемъ Линнея, изъ Упсалы были предпринимаемы ученыя путешествія въ отдаленныя страны. Затѣмъ къ этимъ начальнымъ изслѣдованіямъ присоединились изслѣдованія въ средней и сѣверной Европѣ и изслѣдованія въ Россіи. Эти послѣднія изслѣдованія обогатили науку и сдѣлали возможнымъ сразу обозрѣвать распространеніе большей части органическихъ существъ. Теперь можно было съ картою въ рукахъ читать эти путешествія, при чемъ сама собою выступала ясно картина географическаго распространенія животныхъ и растеній. Едва поэтому вышелъ въ свѣтъ третій томъ путешествій Палласа, какъ явилось сочиненіе Циммермана о географическомъ распредѣленіи четвероногихъ, гдѣ былъ представленъ цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій».

Чтобы ознакомить съ разнообразнымъ и богатымъ матеріаломъ,

*) Berichte über die Zoographie Rosso-Asiatica von Pallas. 1831.

собраннымъ во время этихъ путешествій, мы, какъ уже сказали выше, даемъ въ третьей части нашей книжки извлеченія изъ всѣхъ путешествій Палласа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уединеніе Палласа въ Крымъ.—Возвращеніе въ Берлинъ.—Послѣдніе дни его жизни и смерть.

Какъ его путешествія, такъ и всѣ ученые труды цѣнились современниками высоко, а императрица Екатерина II всячески оказывала ему свое расположеніе. Онъ былъ награждаемъ чинами; былъ сдѣланъ исторіографомъ Адмиралтейства съ прибавленіемъ новаго жалованія; къ нему обращались за совѣтами по разнымъ важнымъ вопросамъ внутренняго управленія государствомъ. Императрица поручила ему преподавать своимъ внучатамъ, великимъ князьямъ, Александру и Константину Павловичамъ, естественную исторію и физику, которыя Палласъ и преподавалъ имъ въ 1791 году въ Эрмитажѣ. Она купила у него для Эрмитажа, заплатя щедрою рукою, коллекціи, но оставила ихъ въ его распоряженіи до смерти. Словомъ, Палласъ въ Петербургѣ пользовался полнымъ почетомъ. Его посѣщали постоянно всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ. Но всѣ эти отличія и разсѣянная жизнь большаго города только утомили его. Путешествія сильно разстроили его здоровье. Послѣ перваго онъ вернулся сѣдой; во время же втораго путешествія онъ провалился въ холодную воду, и этотъ случай навсегда оставилъ худые слѣды въ здоровьи Палласа. Утомленный физически и нравственно, тяготясь окружающей его обстановкой, онъ, наконецъ, рѣшился привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе—удалиться въ Крымъ и тамъ, не тревожимый ничѣмъ, окончить главный трудъ своей жизни, т. е. описаніе животныхъ Россіи и Сибири.

Онъ просилъ у Императрицы позволенія переселиться въ Крымъ; получилъ разрѣшеніе и двѣ деревни около Симферополя. Ему также поручено было устройство училищъ садоводства и виноделія въ Крыму, на что было отпущено десять тысячъ руб. Эти

училища были впослѣдствіи, съ открытіемъ Магарачскаго училища винодѣлія, закрыты. Переѣхавъ въ Крымъ, Палласъ весь предался садоводству. Онъ развелъ виноградники въ Судакской и Коозской долинѣ и устроилъ тамъ оранжереи. Онъ много работалъ надъ возвышеніемъ производительности Крыма, что доказываютъ множество его статей о разведеніи винограда, шелка, плодовыхъ деревъ, кукурузы и т. п.

Въ Симферополѣ его домъ былъ открытъ для всѣхъ посѣтителей и у него ежедневно кто-нибудь бывалъ, такъ что и здѣсь знаменитый ученый не нашелъ желаемаго покоя. Между прочими гостями его здѣсь посѣтили: извѣстный тогдашній путешественникъ—англичанинъ Клеркъ (Clarke), а изъ русскихъ—Измайловъ.

Палласъ изъѣздилъ взадъ и впередъ нѣсколько разъ весь Крымъ по самымъ неприступнымъ мѣстамъ. Онъ любилъ сообщать путешественникамъ все касавшееся любимаго имъ полуострова и часто сопровождалъ ихъ самъ по Крыму. «Палласъ вызвался сопровождать насъ, говоритъ Клеркъ *); мы оставили Акмечеть (Симферополь) 7 сентября и, проходя глубокій оврагъ, собрали много попадавшихся здѣсь Salvia Hablitziana и Centaurea muviocephala, такъ любимую овцами. Профессоръ сообщалъ намъ свѣдѣнія о болѣе рѣдкихъ растеніяхъ».

Домашняя жизнь Палласа почти неизвѣстна, такъ какъ все вниманіе его современниковъ сосредоточивалось на его учености.

Онъ былъ женатъ два раза. Первый разъ женился онъ въ 1767 году. Эта первая жена сопровождала его въ путешествіи по Сибири и умерла въ 1782 году, оставивъ ему четырехлѣтнюю дочь. Второй разъ онъ женился въ 1786 году; отъ нея не было у него дѣтей; она пережила его. Въ Крыму Палласъ жилъ большею частію въ Судакской долинѣ, гдѣ съ увлеченіемъ занимался разведеніемъ виноградниковъ, а женѣ своей отдалъ имѣніе и домъ въ Симферополѣ. Дочь его была замужемъ за русскимъ генераломъ Вимфеномъ, раненымъ подъ Аустерлицемъ и умершимъ отъ ранъ. Овдовѣвъ, дочь Палласа, съ единственнымъ своимъ сыномъ, въ 1805 году переѣхала въ Крымъ въ свое имѣніе, а черезъ два года совсѣмъ поселилась у отца.

Долголѣтняя, привычная дѣятельность не покидала его и въ

---

*) Clarke. Travels in various contry of Europa, ect. Vol. I. p. 554.

Крыму. Онъ и здѣсь постоянно путешествовалъ и занимался обработкою своихъ сочиненій.

Въ 1799 году Палласа въ Крыму посѣтилъ русскій путешественникъ Измайловъ и оставилъ намъ нѣсколько драгоцѣнныхъ замѣтокъ о его частной жизни и личности.

«Хотя онъ и приблизился уже, говоритъ Измайловъ *), къ глубокой старости, но еще былъ свѣжъ и бодръ. Умѣренность и воздержаніе поддерживали его слабое здоровье, разстроенное дальними путешествіями. Выраженіе его лица пріятное, но наружность не представляетъ ничего особеннаго. Онъ имѣетъ лицо умное, выраженіе кроткое, и при первомъ взглядѣ можно видѣть, что зло никогда не приближалось къ его сердцу. Рѣчь его проста и занимательна. Въ разговорѣ онъ ровенъ и не переходитъ быстро отъ одного предмета къ другому. Въ произведеніяхъ его видѣнъ ученый, въ разговорѣ же видѣнъ человѣкъ и хорошій философъ. Онъ имѣетъ страсть къ путешествіямъ. Онъ говоритъ, что жизнь его никогда не была такъ пріятна, какъ во время путешествій. Воспоминанія о своихъ путешествіяхъ приносятъ ему болѣе удовольствія, нежели самая слава его. Ни одинъ разъ разсказывалъ онъ мнѣ о тѣхъ удоволствіяхъ, которыя доставляло ему плаваніе по морю. Почти непрерывныя двадцатилѣтнія путешествія не могли ему наскучить. Нынѣ, въ лѣтахъ близкихъ къ глубокой старости, онъ изъѣздилъ цѣпь Крымскихъ горъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ нѣтъ никакой дороги, кромѣ узкой тропинки по обрывистымъ утесамъ вдоль берега Чернаго моря.

«Палласъ отличается необыкновенною скромностью и мало заботится о своей славѣ, не привязанъ къ блеску. Его нравственный характеръ отражается въ его философскихъ мнѣніяхъ. Онъ приписываетъ происхожденіе нравственныхъ золъ безчисленному скопленію людей въ большихъ городахъ, гдѣ пороки соприкасаются другъ съ другомъ, портя нравы, подобно тому какъ испорченныя испаренія заражаютъ воздухъ. Онъ думаетъ, что всеобщее усовершествованіе ума, царство добродѣтели, общее просвѣщеніе— не могутъ никогда быть на землѣ. Наука, по его мнѣнію, должна быть собственностью нѣкоторыхъ избранныхъ умовъ, другіе же должны пользоваться лишь легкою корою истины. На мое возра-

*) Путешествіе въ Полуденную Россію 1799 г.

женіе, что человѣкъ родился съ даромъ чувствовать, мыслить и наконецъ пріобрѣтать просвѣщеніе, онъ отвѣчалъ, что татары со временъ Геродота и до нашихъ дней нисколь не просвѣтились и суть тѣ же грубые Скиѳы, которыхъ описалъ этотъ знаменитый историкъ. Если въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ въ цѣломъ народѣ умственное состояніе нисколько не измѣнилось, то Палласъ полагаетъ, что разумъ можетъ заключаться въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Разсуждая однажды со мною о нравственномъ упадкѣ нашего времени, онъ сказалъ: истина должна бы оставаться только между ними, академиками. Признаюсь, что такая гордая мысль въ самомъ негордомъ человѣкѣ едва можетъ быть въ моихъ глазахъ оправдана и тѣмъ чувствомъ негодованія, которое возбуждала въ немъ кровавая эпоха нашего времени».

«Если Палласъ замѣчателенъ какъ ученый, то онъ замѣчателенъ не менѣе и въ своей частной жизни. Какъ философъ и натуралистъ, онъ предпочитаетъ жизнь въ уединенномъ уголкѣ Тавриды жизни въ шумныхъ большихъ городахъ. Земли въ Крыму даютъ ему хорошій доходъ и дѣлаютъ его жизнь свободной. Всякій день у него здѣсь бываютъ гости; жена и дочь его служатъ душею общества. Въ часы отдыха и онъ приходитъ принять участіе въ общихъ разговорахъ. Въ обществѣ онъ не любитъ разговоровъ о важныхъ предметахъ науки; здѣсь онъ перестаетъ быть ученымъ и является простымъ собесѣдникомъ. Но не нужно думать, чтобы онъ укрылся здѣсь отъ житейскихъ бурь: невѣжество, зависть и злоба ищутъ помрачить дни его. Прибавимъ еще, что характеръ его былъ ровный и веселый, и онъ любилъ удовольствія какъ отдыхъ».

Въ Крыму, какъ мы уже сказали, Палласъ занимался обработкою своихъ сочиненій. Въ 1799—1801 годахъ появилось его последнее путешествіе, затѣмъ нѣсколько важныхъ ботаническихъ сочиненій объ Астрогаловыхъ и Галофитовыхъ растеніяхъ (Zpecies Astrogalorum et Jllustrationes plantarum imperfecta). Разборъ этихъ сочиненій читатель найдетъ въ второмъ отдѣлѣ нашей книжки. Но главнымъ его занятіемъ было приготовленіе фундаментальнаго сочиненія всей его жизни, Описаніе Животныхъ Россіи (Zoographia Rosso-Asiatica), которое, благодаря стеченію различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могло появиться въ свѣтъ втеченіи почти тридцати лѣтъ.

Наконецъ, Палласъ рѣшился покинуть Крымъ и Россію навсегда. Онъ продалъ за безцѣнокъ свои имѣнія въ Крыму и вмѣстѣ съ дочерью отправился въ Берлинъ. Поводомъ къ такому его рѣшенію было то, что Крымъ, такъ плѣнившій его, нисколько не поправилъ его здоровья, потому что окрестности Симферополя страдали злокачественной лихорадкой; кромѣ того онъ имѣлъ столкновенія изъ-за земли съ татарами; наконецъ, онъ чувствовалъ всю тягость разъединенія съ образованнымъ міромъ. Замедлявшееся съ каждымъ годомъ печатаніе *Зоографіи* также побуждало его переѣхать въ Германію: онъ рѣшился теперь лично слѣдить за ея изданіемъ и за изготовленіемъ рисунковъ.

«Итакъ послѣ сорокадвухлѣтняго отсутствія Палласъ былъ снова въ своемъ родномъ городѣ. Здѣсь нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей напомнили ему молодость. Онъ необыкновенно воодушевлялся, когда ему говорили о новыхъ успѣхахъ науки, слухи о которыхъ до него доходили рѣдко. Молодые натуралисты, образованные его твореніями, исполненные удивленіемъ къ его генію, слушали его какъ пришельца съ того свѣта, ибо во время его отсутствія образовалось нѣсколько поколѣній. Онъ одобрительно относился къ новымъ открытіямъ. Въ этомъ старцѣ душа была выше предразсудковъ его возраста: онъ смотрѣлъ на своихъ учениковъ какъ отецъ, а не какъ старый ученый. Извѣстно, что онъ былъ мало расположенъ къ критикѣ другихъ и въ своихъ сочиненіяхъ вездѣ хвалитъ достойныхъ своихъ современниковъ. Быть можетъ по этому самому онъ былъ однимъ изъ ученыхъ XVIII вѣка, на котораго менѣе всѣхъ нападали. Его упрекали въ томъ, что онъ отовсюду собираетъ наблюденія другихъ; но онъ никогда не пользовался ими, не упомянувъ авторовъ; да къ тому же, напр., во время своихъ путешествій, наблюденія, сдѣланныя его товарищами или учениками, дѣлались по его планамъ и программамъ, и такимъ образомъ направленіе въ наблюденіи явленій и собираніе фактовъ вполнѣ принадлежало ему».

«Теперь, находясь въ родномъ кругу, окруженный нѣжными попеченіями дочери, онъ надѣялся наслаждаться жизнью. Онъ читалъ новыя сочиненія по Естественной Исторіи и собирался объѣхать всѣ города Франціи и Италіи, гдѣ находились лучшія коллекціи. Но страдая давно уже припадками диссентеріи, для успокоенія которой онъ принималъ опіумъ, онъ замѣтно сталъ ослабѣвать. Смерть

друга его, аптекаря Мейера, сильно огорчила его и ускорила конецъ великаго ученаго».

«Онъ предвидѣлъ свою смерть за нѣсколько мѣсяцевъ и рѣшился приготовиться къ ней. Тщетно дочь и друзья уговаривали его лѣчиться; онъ уже не вѣрилъ болѣе лѣкарствамъ. Онъ написалъ прощальныя письма своимъ друзьямъ, привелъ въ порядокъ свои рукописи и распредѣлилъ между знакомыми нѣкоторыя изъ оставшихся у него коллекцій. Чувствая приближающуюся смерть, онъ часто слушалъ свой пульсъ и тихо отошелъ въ вѣчность 12 сентября 1811 года».

По его желанію надъ могилой его поставили простой камень съ его именемъ и временемъ рожденія и смерти. Но своими сочиненіями онъ воздвигъ себѣ вѣчный памятникъ.

Большая его коллекція, какъ уже сказано, куплена была Императрицей для Эрмитажа. Библіотеку свою онъ продалъ, по словамъ Рудольфи, въ Харьковѣ. Нѣкоторыя собранія насѣкомыхъ птицъ и растеній раздарилъ въ Берлинѣ друзьямъ своимъ.

Одинъ изъ горячихъ его почитателей, профессоръ Рудольфи, благодаря любезности дочери Палласа, сообщившей бумаги и различныя свѣдѣнія о жизни отца своего, составилъ его краткую біографію. Рудольфи говоритъ, что съ самой своей юности питалъ глубокое уваженіе къ имени Палласа, а въ зрѣломъ возрастѣ, проникая въ тайны природы, нашелъ въ немъ истиннаго ея толкователя. «Неописанна была моя радость, когда я увидалъ его наконецъ въ Берлинѣ. Теперь я научился любить его какъ человѣка, прежде же я удивлялся ему какъ ученому. Не было недѣли, чтобы я хотя разъ не видалъ его. Я приходилъ къ нему поучаться и дорогою уже думалъ о слѣдующемъ посѣщеніи и приготовлялъ вопросы, которыя намѣревался ему предложить. Такимъ образомъ я наслаждался одинъ годъ, но этотъ годъ былъ для меня очень богатъ результатами».

Оба его великіе современники Бюффонъ и Линней относились къ нему съ уваженіемъ. Линней назвалъ въ честь Палласа одно растеніе—Pallasia. Кювье написалъ ему похвальное слово.

И въ Россіи относились къ нему съ великимъ уваженіемъ. Митрополитъ Евгеній говорилъ о немъ, что «онъ былъ между современниками своими безпримѣрный знатокъ и испытатель природы».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ПАЛЛАСА.

Значеніе Палласа въ наукѣ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію ученыхъ трудовъ Палласа. Вотъ что говоритъ объ этомъ Н. А. Сѣверцевъ въ своей диссертаціи: „нѣтъ отрасли естественныхъ наукъ, въ которой Палласъ не проложилъ бы новаго пути, не оставилъ бы геніальнаго образца для послѣдовавшихъ за нимъ изслѣдователей. Онъ подалъ примѣръ неслыханной до него точности въ научной обработкѣ собранныхъ имъ матеріаловъ. По своей многосторонности Палласъ напоминаетъ энциклопедическихъ ученыхъ древности и среднихъ вѣковъ; по точности и положительности—это ученый современный, а не XVIII вѣка. Какъ не велика его ученая слава, она все еще не можетъ сравниться съ его заслугами для науки“.

Какъ географъ онъ объѣхалъ громадныя пространства Европы и Азіи и кромѣ того, что съ точностью описалъ различныя цѣпи горъ, рѣкъ, степи и т. д., онъ высказалъ множество идей новыхъ и вѣрныхъ о строеніи этихъ странъ, произвелъ множество метеорологическихъ и климатическихъ наблюденій, за что получилъ прозваніе Соссюра въ Россіи. Онъ всюду наблюдалъ отношеніе почвы къ растеніямъ, отношенія животной жизни къ метеорологическимъ явленіямъ (прилеты и отлеты птицъ, пробужденія животныхъ) и т. д.

Разсмотримъ же теперь его заслуги въ каждой изъ отраслей Естественной Исторіи.

Кювье говоритъ, что еслибы Палласъ не предался путешествіямъ, то онъ для науки сдѣлалъ бы еще болѣе, благодаря силѣ своего генія.

Полное собраніе сочиненій Палласа находится въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ.

---

1. Зоологическiе труды Палласа.

Мнѣнiе объ этомъ Ж. С. Иллера.—Появленiе знаменитаго сочиненiя Elenchus Zoophitorum.—Specilegia Zoologica.—Neue nordische Beiträge.—Novae species quadrupedum.—Описанiя его различныхъ вновь имъ открытыхъ Сибирскихъ животныхъ.—Энтомологическiе труды.—Наблюденiя надъ перiодическими явленiями въ жизни животныхъ.—Записки объ измѣненiи нѣкоторыхъ животныхъ.— *Главнѣйшiй трудъ* Палласа: «Зоографiя Россiи».

Зоологiя была любимой наукой Палласа. Первые и послѣднiе труды его на ученомъ поприщѣ были посвящены этой отрасли Естественной Исторiи. Жофруа Сентъ Иллеръ *) говоритъ слѣдующее о его зоологическихъ заслугахъ. „Палласъ много сдѣлалъ для классификацiи зоофитовъ и инфузорiй, для анатомiи позвоночныхъ, а также для общей и для ископаемой зоологiи (палеонтологiи). Труды его многочисленны, но не смотря на это такъ совершенны, что они ставятъ его рядомъ съ Линнеемъ и Бюффономъ“.

Первые его труды, какъ мы видѣли, относятся къ безпозвоночнымъ животнымъ. Этотъ отдѣлъ животныхъ находился въ то время, когда Палласъ издалъ свое сочиненiе Elenchus Zoophitorum, въ самомъ хаотическомъ состоянiи. Кораллы слыли вообще тогда за растенiя и открытiе Пейсонелемъ ихъ животной натуры такъ казалось страннымъ въ то время, что Реомюръ, публикуя результаты изслѣдованiй Пейсонеля, не рѣшился называть по имени ихъ автора. Вскорѣ болѣе удивительныя открытiя Траблея о дѣлимости полиповъ и подробныя наблюденiя Бернара Жюсье и Эллиса о кораллахъ береговъ Францiи не оставляли уже болѣе сомнѣнiя о ихъ животной природѣ. Такимъ образомъ съ согласiя всѣхъ естествоиспытателей цѣлый классъ организованныхъ существъ перешолъ изъ одного царства природы въ другое. Линней включилъ ихъ въ число животныхъ, а молодой Палласъ принялъ на себя трудъ обозрѣть и размѣстить ихъ (классифицировать). Коллекцiи Голландiи, какъ мы видѣли, снабдили его богатымъ матерiаломъ, которымъ онъ смѣло и съ большимъ умѣнiемъ воспользовался. Онъ

---

*) Zoologie generale.

смѣло указалъ ложность всеобщаго тогда мнѣнія, что кораллы улья полиповъ. Онъ доказалъ, что ихъ стволъ живетъ, что это родъ животнаго дерева, а каменная часть есть ничто иное, какъ скелетъ. Линней первый подтвердилъ эти идеи.

Въ Elenchus Zoophitorum Палласъ перечисляетъ всѣхъ авторовъ писавшихъ до него и даетъ самъ описаніе 270 видовъ животныхъ, извѣстныхъ тогда подъ весьма разнообразными названіями полиповъ, могдрепоръ, коралловъ, губокъ и друг. Все описанное до него Линнемъ, Эллисомъ и друг., онъ подробно сопоставляетъ; даетъ много видовъ отъ себя и ихъ подробную исторію. Чистота его описаній, тщательность съ которою онъ приводитъ синонимы прочихъ натуралистовъ были весьма замѣчательны въ двадцатипятилѣтнемъ авторѣ. *Введеніе его* къ этому сочиненію считается *классическимъ*. Въ немъ онъ отбросилъ сторонное раздѣленіе тѣлъ природы на три царства. Онъ показываетъ, что растенія не имѣютъ разграниченныхъ классовъ, какъ животныя, а образуютъ лишь одинъ изъ классовъ великаго органическаго царства, подобно тому какъ другіе органическія существа (четвероногія, рыбы, птицы) составляютъ прочіе классы. Допуская это сближеніе обоихъ царствъ природы, Палласъ представляетъ себѣ органическое дерево со многими боковыми вѣтвями. Такимъ образомъ онъ доказываетъ, что зоофиты связываютъ растенія съ животными, что тѣла природы не отдѣльныя нити, но связанная сѣть. Палласъ представляетъ такого рода картину. Система органическихъ тѣлъ подобна дереву, которое стоитъ на неорганической природѣ, какъ бы на почвѣ, начиная съ корня, оно дѣлится на двѣ вѣтви, которыя тамъ и сямъ приближаются другъ къ другу. Первый стволъ идетъ отъ зоофитовъ черезъ моллюсковъ къ рыбамъ; онъ отдѣляетъ большую вѣтвь для насѣкомыхъ. Отъ рыбъ стволъ идетъ чрезъ амфибій къ млекопитающимъ, гдѣ опять отдѣляется большая вѣтвь. Мелкія вѣтви составляютъ роды.“

Если сравнить эти воззрѣнія съ существовавшими въ его время, то какъ возносится надъ нами Палласъ!

Онъ хотѣлъ издать впослѣдствіи большое сочиненіе о зоофитахъ съ рисунками, но непривелъ этого намѣренія въ исполненіе, отвлеченный другими трудами. Его собственный экземпляръ (Elenchus Zoophitorum) испещренъ весь примѣчаніями. Это сочиненіе тогда же было переведено на голландскій, а впослѣдствіи на нѣ-

мецкій языки съ прибавленіемъ рисунковъ, которыхъ у Палласа не было *).

Изданныя имъ затѣмъ сочиненія Miscellanea Zoologica и Specilegia Zoologica, въ которую вошли статьи изъ первой съ прибавленіями и съ улучшенными рисунками, не только внесли новый матеріалъ въ зоологію, но также дали рядъ работъ по сравнительной анатоміи.

Вторая его великая заслуга въ зоологіи безпозвоночныхъ животныхъ оцѣнена Кювье слѣдующимъ образомъ: „но что было еще удивительнѣе въ первыхъ трудахъ Палласа, еслибы только публика того времени могла это чувствовать, такъ это внезапный свѣтъ, брошенный имъ на всего менѣе извѣстный тогда классъ червей. Палласъ не поддался ошибкамъ Линнея и Бюффона, двумъ тогдашнимъ авторитетамъ въ зоологіи. Онъ доказалъ, что не внѣшніе покровы должны служить раздѣленіемъ червей, а аналогіи въ ихъ строеніи. Онъ далъ прекрасную анатомію афродитъ, сблизилъ ихъ съ нереидами и т. д.“

Безъ сомнѣнія подобный натуралистъ, котораго первые ученые труды отличались такою проницательностію и показали въ немъ искуснаго анатома и систематика, разсѣялъ бы окончательно хаосъ, окружавшій безпозвоночныхъ животныхъ. Палласу, конечно принадлежала бы слава реформатора зоологіи, еслибы онъ продолжалъ заниматься этимъ классомъ съ такою же послѣдовательностію. Но Палласъ былъ увлеченъ другими трудами и отдалилъ реформу, на пути которомъ онъ былъ. Слава реформатора досталась Кювье.

Въ сочиненіи Specilegia Zoologica онъ даетъ описаніе шестнадцати видовъ антилопъ, принятыхъ послѣ него всѣми зоологами, эфіопской свиньи, Hyrax capensis, трехъ видовъ Vespertilio, нѣсколькихъ птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ. Затѣмъ даетъ драгоцѣнныя изслѣдованіи о нереидахъ, афродитахъ и другихъ морскихъ животныхъ и кладетъ основаніе сравнительной остеологіи. Рисунки, изображающіе животныхъ, сдѣланы превосходно.

Въ этихъ сочиненіяхъ, равно какъ и другихъ, онъ является писателемъ по зоологіи не бывалымъ. Онъ обходитъ все лишнее и необыкновенно точенъ. По примѣру Добантона онъ даетъ измѣре-

---

*) Различныя библіографическія свѣдѣненія желающіе могутъ найти у Erdmann'а въ Biblioteca historico-naturalis.

ніе всякаго новаго животнаго, что очень важно для заключеній объ отношеніяхъ различныхъ частей животныхъ. Въ Specilegia являются важные результаты для зоологіи, ибо онъ здѣсь при сравненіи афродитъ и нереидъ пользовался сравнительно-анатомическими пріемами для установленія правильнаго взгляда на сродство животныхъ. Обыкновенно (особенно французскими писателями, ревнивыми къ своимъ великимъ соотечественникамъ) вся заслуга въ разработкѣ сравнительной анатоміи приписывается Кювье; но въ наукѣ ничего не дѣлается вдругъ, безъ постепенной подготовки. Такъ и въ сравнительной анатоміи Отто Фридрихъ Мюллеръ и Палласъ многое сдѣлали ранѣе Кювье. Точно также для моллюсковъ Палласъ сдѣлалъ много и справедливо помѣстилъ лучистыхъ рядомъ съ ними. Конечно, Кювье для цѣлой сравнительной анатоміи и особенно для моллюсковъ сдѣлалъ необыкновенно много, о чемъ будетъ говорено въ его біографіи.

Кромѣ того Палласъ издавалъ сборникъ своихъ и сообщаемыхъ ему статей подъ заглавіемъ „Neue nordische Beiträge.“ Помѣщавшіеся имъ здѣсь статьи никогда не потеряютъ своего научнаго значенія.

Во время своихъ путешествій, какъ читатели увидятъ изъ третій части нашей книжки, Палласъ наблюдалъ такъ много новыхъ животныхъ, что одни грызуны дали ему матеріаловъ на превосходную монографію, которую онъ издалъ въ 1777 году. Это сочиненіе называется: „Новые виды четвероногихъ изъ отряда грызуновъ“ (Novae species quadrupedum ex ordine glirium). Подобной монографіи до него не бывало ни на одномъ языкѣ и не многія зоологическія сочиненія могутъ съ нимъ сравниться. Но духъ, вѣющій въ этомъ сочиненіи, надолго остался чуждымъ для многихъ натуралистовъ. Въ этомъ сочиненіи Палласъ далъ не только точное описаніе, но и анатомію этихъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ животныхъ. Онъ весьма вѣрно изобразилъ ихъ образъ жизни, производилъ физіологическіе опыты надъ температурою ихъ тѣла и проч. Сочиненіе это напечатано in – 4° съ превосходными раскрашенными рисунками грызуновъ и съ эпиграфомъ изъ Сенеки. Онъ даетъ здѣсь описаніе пяти видовъ тушканчиковъ (Lepus); затѣмъ идетъ описаніе мышей, раздѣленныхъ на *шесть* группъ. По своему обыкновенію Палласъ прибавляетъ ихъ названія на русскомъ и различныхъ азіятскихъ языкахъ, анатомію внутренностей, конечностей и особенно интересный сравнительный рядъ череповъ.

И другія, паблюдаемыя имъ во время этихъ путешествій, четвероногія дали ему богатый матеріалъ для исторій отдѣленныхъ животныхъ, гдѣ онъ показалъ всю силу своего генія *). Эти исторіи четвероногихъ Сибири (медвѣдя, бѣлки, россомахи, соболя и др.), такъ полны, такъ хороши, что ни одно животное не было съ тѣхъ поръ такъ хорошо извѣстно, какъ эти описанныя Палласомъ. Затѣмъ онъ описалъ встрѣченное имъ однокопытное животное, среднее между осломъ и лошадью, родъ дикаго мула (Equus hemionus), живущаго во внутренней Татаріи;—новой видъ дикой кошки (Felismanul), отъ которой онъ производилъ ангорскую кошку; - дикаго осла;—быка съ лошадинымъ хвостомъ (Bos gruniens); — небольшихъ желтыхъ лисицъ сѣверной Индіи (Canis corax) и множество другихъ звѣрей и птицъ, которыя упоминаются въ его путешествіяхъ и приведены нами въ третьей части нашей книжки. Бюффонъ не зналъ этихъ драгоцѣнныхъ описаній четвероногихъ, простой переводъ которыхъ былъ бы украшеніемъ его Естественной Исторіи.

Мы видѣли, что Палласъ еще въ дѣтствѣ занимался изученіемъ насѣкомыхъ, затѣмъ печаталъ свои изслѣдованія о нихъ въ „Стральзундскомъ Магазинѣ.“ Путешествія и изученіе Россіи и Азіи дали ему большой энтомологическій матеріалъ. Часть его описаній насѣкомыхъ помѣщена въ его путешествіяхъ. Кромѣ того онъ издалъ отдѣльное изображеніе жуковъ (Jcones insectorum), на 8-ми раскрашенныхъ таблицахъ. Нѣкоторыя изъ его рукописей о насѣкомыхъ были потеряны впослѣдствіи.

Наблюденія Палласа надъ періодическими явленіями жизни животныхъ, разсѣянныя всюду въ его путешествіяхъ, такъ замѣчательны, что мы останавливаемъ на нихъ особое вниманіе читателей. Здѣсь онъ является творцомъ новой методы наблюденій, указывающихъ на связь явленій органической жизни съ явленіями неорганической природы. Вотъ что по этому поводу говоритъ Н. А. Сѣверцевъ, занимавшійся самъ подобнаго рода наблюденіями.

„Еще Бюффонъ обратилъ вниманіе на различныя условія распространенія животныхъ сухопутныхъ и водяныхъ, на вліяніе внѣшнихъ условій (климата и мѣстности, на животную жизнь. Онъ ста-

*) Указаніе этихъ его статей, разсѣянныхъ въ различныхъ академическихъ изданіяхъ, желающіе могутъ найти въ изданномъ санкпетербург. Академіей Наукъ «Tableau generale des matiers contenues dans les publications de l'Academie.»

рался описать климатическія условія наружныхъ признаковъ каждаго вида и обратилъ вниманіе на изслѣдованіе періодическихъ явленій въ животной жизни. Относительно климатическихъ измѣненій наружныхъ признаковъ у него много ошибокъ, которыя объясняются тогдашнимъ недостаткомъ фактовъ.

„Наблюденія же въ этомъ отношеніи Палласа отличаются необыкновенною точностью и дѣльностью. Двѣ воспомогательныя науки, необходимыя для точныхъ и подробныхъ изслѣдованій вліянія внѣшнихъ условій—*климатологія и физическая географія*—не существовали до Палласа. Онъ болѣе всѣхъ своихъ современниковъ занимался ими и былъ въ этомъ отношеніи достойнымъ предшественникомъ Гумбольдта, который въ первой четверти нынѣшняго столѣтія обработалъ въ научной формѣ ботаническую географію. Палласъ первый сталъ наблюдать періодическія явленія въ жизни животныхъ. Онъ составилъ въ 1769 году для членовъ экспедиціи планъ этихъ наблюденій, которому слѣдовали всѣ путешественники по Россіи въ 1769—74 годахъ и къ которому до сихъ поръ ничего дѣльнаго не прибавлено. Только наблюденія со временъ Палласа распространились на большее число мѣстностей и видовъ животныхъ, особенно же птицъ. Палласъ установилъ слѣдующія правила: записывали ходъ температуры, особенно весной, вскрытіе рѣкъ, современность прилета птицъ съ цвѣтеніемъ растеній и пробужденіемъ отъ зимней спячки другихъ животныхъ, звѣрей, гадовъ и насѣкомыхъ. Онъ обращалъ болѣе вниманія на весенній прилетъ птицъ, нежели на осенній ихъ отлетъ; — болѣе на пробужденіе, чѣмъ на засыпаніе, потому что прилетъ и пробужденіе легче замѣтить подъ опредѣленнымъ числомъ мѣсяца“.

Наши читатели увидятъ далѣе въ третій части нашей книжки способъ его наблюденій, напр. въ статьѣ: „весна подъ Царицыномъ“.

Палласу же принадлежитъ блистательный рядъ наблюденій надъ домашними животными и мыслей о ихъ измѣненіи и происхожденіи. Онѣ находятся въ его сочиненіи „Memoire sur les variations des animaux“, напечатанномъ въ 1780 *). Откуда мы ихъ и заимствуемъ. Онѣ тѣмъ болѣе достойны вниманія, что ихъ можно сравнить съ настоящимъ состояніемъ этого вопроса, возбужденнаго новыми зоологами (Дарвинъ и др.).

---

*) Acta Ac. Pp. II. Hist p. 69.

Въ этомъ мемуарѣ Палласъ говоритъ слѣдующее.

„Хотя науки обязаны генію своимъ прогрессомъ, но часто случается такъ, что геній необдуманными гепотезами можетъ нѣкоторымъ образомъ задержать ходъ наукъ. Такъ случилось съ вопросомъ объ измѣненіи и вырожденіи видовъ. Два великихъ натуралиста настоящаго времени, Линней и Бюффонъ, противуположные между собой по характеру ученой дѣятельности, оба сходятся въ своихъ взглядахъ объ измѣненіи и выраженіи видовъ, одинъ въ растительномъ, другой въ животномъ царствѣ. Я съ трудомъ отдѣлался отъ путаницы, установленной авторитетомъ этихъ двухъ великихъ натуралистовъ по вышеупомянутому вопросу, послѣ долгихъ собираній и сличеній фактовъ. Я усвоилъ себѣ объ общихъ причинахъ измѣненія органическихъ существъ, о непостоянствѣ нѣкоторыхъ породъ домашнихъ животныхъ и о самостоятельности и неизмѣнномъ сохраненіи вида, идеи не сходныя съ идеями Линнея и Бюффона.“

„Линней первый обратилъ вниманіе на безчисленныя измѣненія растеній, происходящихъ или случайно, или вслѣдствіи воспитанія ихъ въ садахъ. Турнефоръ и другіе тогдашніе ботаники не отдѣляли этихъ измѣненій отъ первоначальныхъ видовъ. Но желаніе Линнея очистить ботанику отъ разновидностей увлекло его далеко. Точно также въ зоологіи Бюффонъ первый обратилъ вниманіе на видоизмѣненія животныхъ. Но, отыскивая животныхъ первоначальнаго типа, впадалъ во многія ошибки. Онъ часто принималъ за разновидности такихъ животныхъ, которыя положительно принадлежали различнымъ видамъ, напр. серну и овцу. Всѣ измѣненія животныхъ Бюффонъ приписывалъ вліянія климата, пищи или же случайнымъ причинамъ. Но въ природѣ мы видимъ, что одинъ видъ животнаго весьма многочисленный размножается сохраняясь постоянно неизмѣннымъ, другой же видъ, напротивъ, малочисленъ и подверженъ многимъ измѣненіямъ. Напр., ласточки, мыши, многія рыбы и насѣкомыя очень многочисленны, но видоизмѣненія у нихъ весьма рѣдки. Другія же животныя, хотя между собою родственныя, представляютъ въ этомъ отношеніи противуположныя явленія: однѣ измѣняются, другіе же не измѣняются, Напр., байбакъ является неизмѣннымъ отъ Польши до береговъ Лены, а сусликъ въ тѣхъ же широтахъ представляетъ значительныя видоизмѣненія въ величинѣ, цвѣтѣ и въ пропорціяхъ частей тѣла. Или же, напримѣръ, отчего человѣкъ, всюду распространен-

ный, потерпѣлъ такія ничтожныя измѣненія лишь въ кожѣ и въ волосахъ?“

„Конечно, одомашненіе вліяетъ на измѣненіе животныхъ, однако человѣкъ не сдѣлалъ ни изъ одного животнаго постоянной отдѣльной породы. Напр., *лошадь* и *оселъ*, какъ дикіе, такъ и домашніе, менѣе подвержены измѣненіямъ, чѣмъ другія какія-либо животныя. *Верблюдъ*, одногорбый и двугорбый, мало измѣнились отъ ихъ дикихъ родичей.—Если же *собака*, *овца* и *коза*, потерпѣли очень замѣчательныя измѣненія, то совсѣмъ не вслѣдствіи порабощенія человѣкомъ или климата и пищи; но вслѣдствіи причинъ болѣе глубокихъ и могущественныхъ. Здѣсь измѣненія первоначальныхъ породъ произошло вслѣдствіе порчи введенной въ производительныя способности этихъ расъ смѣшеніемъ видовъ. Чистые виды, прямой продуктъ творенія, никогда между собою не смѣшиваются, если же нѣкоторые роды (напр. птицъ) и смѣшиваются, то метисы выходятъ большею частію въ мать и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ возвращаются къ одному изъ первоначальныхъ видовъ. Смѣшеніе же двухъ различныхъ видовъ невозможно въ природѣ. Замѣчательно, что между насѣкомыми, и особенно между рыбами, гдѣ оплодотвореніе внѣшнее, метисы очень рѣдки.“

„Итакъ мы имѣемъ цѣлый рядъ мало измѣнившихся животныхъ, которыя быть можетъ и смѣшивались въ первое время ихъ порабощенія съ родственными имъ другими животными; но послѣдующія поколѣнія удалялись отъ этихъ животныхъ до тѣхъ поръ, пока не являлись безплодныя поколенія. Такимъ образомъ мы видимъ, что лошадь и оселъ во всѣхъ климатахъ одинаковы. Точно также и быка извѣстенъ одинъ видъ, кромѣ индѣйскаго съ жирнымъ горбомъ. Домашняя свинья, такъ широко распространенная въ дикомъ состояніи, вездѣ имѣетъ не важныя измѣненія лишь въ ростѣ, цвѣтѣ и т. п. Измѣненія верблюда и кошки также очень ничтожны.“

„Но не то мы видимъ съ слѣдующими животными: *козой*, *овцой* и *собакой* и съ нѣкоторыми домашними птицами. Эти животныя на столько удалились отъ первоначальнаго типа, что очень трудно узнать ихъ дикихъ родоначальниковъ. Быть можетъ нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ просто искусственныя породы, и для нихъ нельзя и не должно принимать какой нибудь одинъ видъ за первоначальный источникъ ихъ происхожденія. Это мнѣніе имѣетъ за себя много вѣроятностей, и я приведу причины многочисленныхъ

и значительныхъ измѣненій домашнихъ животныхъ. Всѣ натуралисты производятъ домашняго козла отъ дикаго каменнаго козла. Я же думаю, что онъ произошелъ отъ дикаго козла живущаго въ Индіи, а можетъ быть въ Азіи и Греціи. Затѣмъ, вѣроятно, каменный козелъ былъ смѣшенъ съ дикимъ индѣйскимъ безоардовымъ козломъ, отчего произошла помѣсь домашнихъ козъ, формою роговъ напоминающаго главный типъ. Въ Далмаціи козы похожи на Jbex; а въ сѣверной Азіи—на Безоарда. Въ Малой Азіи есть дикія козы съ завитыми, какъ у муффлона, рогами, но съ двойной бородой. У Ангорскихъ козъ рога еще болѣе завиты. Быть можетъ ангорскія козы происходятъ отъ домашнихъ Кавказскихъ козъ, точно также какъ можно допустить, что Воложскія и Венгерскія овцы произошли отъ смѣшенія домашнихъ овецъ съ кавказскимъ козломъ, на что указываютъ ихъ спиральные рога. Всѣ эти различныя породы были далеко перенесены съ ихъ первоначальныхъ родинъ и все болѣе и болѣе смѣшивались между собою, такъ что теперь порода козъ образовалась измѣнчивой и причудливой. Различные породы теперешнихъ овецъ *), вѣроятнѣе всего произошли отъ муффлонъ, а отчасти здѣсь можетъ быть участвовали и Аргалы. Еслибы домашніе овцы, происшедшія отъ Муффлона или Аргалы оставались чистыми, а не смѣшивались между собою, то, конечно мы не имѣли-бы столько разнообразныхъ ихъ породъ, какъ теперь".

„Но самый разительный примѣръ уклоненія отъ первоначальнаго типа представляетъ *собака*. Она, вѣроятно, произошла отъ различныхъ дикихъ ей родственныхъ породъ животныхъ. Еще Аристотель говоритъ, что до него уже было множество смѣшанныхъ породъ собакъ, но что лучшими собаками считаются тѣ, которыя имѣютъ болѣе всего сходства съ дикими животными, т. е. съ волкомъ, лисой и тигромъ. Извѣстно, что собака плодится отъ волка и лисы; но нельзя сомнѣваться, что собака будетъ плодиться и съ *шакаломъ*, который легко дружится съ собакой и привыкаетъ къ человѣку."

„Бюффонъ въ своей Естественной Исторіи насчитываетъ тридцать разностей собачьей породы. Аристотель говоритъ, что при немъ существовали *три* первоначальныя породы собакъ, которыя различались тогда между собой временемъ щености, признакомъ который потомъ изгладился совершенно. Далѣе Аристотель говоритъ,

*) Разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи домашнихъ овецъ находится въ моей книжкѣ: «*Овцы и овцеводство*» изд. Общества Расп. Полез. книгъ. Ав.

что эти три породы смѣшивали съ обыкновенными, чтобы облагородить породу.

„За одну изъ первоначальныхъ породъ мы принимаемъ, продолжаетъ Палласъ, *породу азіятскихъ номадовъ*, которую Бюффонъ не зналъ. Эта порода не такъ тонка, какъ европейская пастушья собака и походитъ на шакала. Кажется, что Аристотелева Canis moloticus принадлежитъ сюда. Всего вѣроятнѣе предположить, что эта порода произошла отъ смѣшенія прирученнаго шакала съ волкомъ. Далѣе къ сѣверу, въ странахъ холодныхъ, гдѣ уже немогъ жить шакалъ, въ образованіи собачьей породы участвовалъ по преимуществу волкъ, такимъ образомъ явилась болѣе сильная и злая *пастушечья собака*. Это безъ сомнѣнія и была Canis pecuarius Аристотеля. Эта собака мало отличается отъ волка шерстью и цвѣтомъ. Въ азіятскихъ степяхъ и до сихъ поръ время отъ времени чистоту породы поддерживаютъ посредствомъ шакала. Борзая собака съ Левантскихъ горъ, смѣшанная съ сѣверной собакой, произвела *датскую* собаку. Такъ называемый *догъ* (меделянки) родомъ изъ Индіи и Южной Азіи, и, судя по древнимъ разсказамъ, есть продуктъ *гіены* съ одной изъ сильныхъ породъ собакъ. Эти метисы смѣшенія образовали потомство сильнѣе и крупнѣе отцовъ (т. е. гіенъ), отъ которыхъ они получили силу, мускульность, короткія уши, торчащую шерсть, малочисленный приплодъ и весьма часто лучистую шерсть. Это послѣднее свойство чаще всего проявляется у карликовъ этой расы (догоновъ, мопсовъ). Быть можетъ полосатая борзая собака есть дальній родственникъ договъ. Изъ договъ же образовались потомъ *ищейки* и *гончія собаки*, а наслѣдственная болѣзнь, съ нѣкоторыми появившимися случайными признаками, образовала *таксу*.“

„Порода собакъ теряющихъ шерсть, извѣстна у древнихъ подъ именемъ *лаконской* и которую Бюффонъ не принимаетъ въ число первоначальныхъ (типическихъ) породъ, очень обыкновенна на сѣверѣ. Она по устройству головы, по цвѣту шерсти, по ушамъ, по пропорціямъ тѣла, а также и по инстинкту, очень напоминаетъ лису. Она, вѣроятно, и есть продуктъ лисы съ различными малыми породами собакъ. Эта порода имѣетъ множество видоизмѣненій мелкихъ собакъ. Такъ называемая *исландская* собака есть, быть можетъ, помѣсь собаки съ *песцомъ*, а *амстердамская* собака, вѣроятно, происходитъ отъ лисы Новаго Свѣта.“

„Кромѣ того является множество породъ, или вслѣдствіи помѣсей различныхъ породъ, или вслѣдствіи унаслѣдованія недостатковъ, каковы висячія уши, кривыя ноги, неправильная голова, голая кожа и проч. Насчетъ послѣдняго свойства я самъ дѣлалъ опыты и изнѣженностью произвелъ совершенно голую собаку."

„Только что высказанныя нами мнѣнія о причинахъ разнообразія породъ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ приложимы и къ домашнимъ птицамъ. Такъ въ Россіи часто для дракъ держатъ красивую помѣсь отъ обыкновеннаго гуся съ китайскимъ. Дикіе гуси, пролетающіе Сибирь, могутъ дать помѣсь съ однимъ изъ двухъ породъ живущихъ тамъ лебедей. Точно также разныя породы утокъ мѣшаются между собой. Разнообразіе куръ и голубей извѣстно всѣмъ. Хохлатыя куры можетъ быть происходятъ отъ цецарокъ(?), фазанъ плодится съ курицей и приплодъ получается крупнѣе родителей и т. д."

„Прибавимъ еще, что во всѣ времена, при облагороживаніи домашнихъ породъ, подборъ имѣлъ большое значеніе; сами животныя, самки, предпочитаютъ всегда самцовъ сильныхъ и красивыхъ."

Итакъ эта записка Палласа представляла много новыхъ и оригинальныхъ мыслей. Онъ собралъ множество фактовъ и хотѣлъ написать по этому предмету отдѣльное сочиненіе, но не успѣлъ. Тѣмъ болѣе это достойно сожалѣнія, что немногія до него натуралисты видѣли столько животныхъ въ дикомъ состояніи.

Но самый важный зоологическій трудъ Палласа есть его описаніе животныхъ Россіи и Сибири (Zoographia Rosso-Asiatica). Странная судьба постигла это знаменитое твореніе. Благодаря стеченію различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оно не было издано въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ.

Заимствуемъ исторію неудачъ, сопровождавшихъ изданіе Зоографіи, изъ доклада Академика Бэра.

„Палласъ, говоритъ Ак. Бэръ, считалъ всѣ предшествующія свои зоологическія работы лишь приуготовительными для своего главнаго творенія. Въ это твореніе должны были войти всѣ новыя животныя, видѣнныя Палласомъ во время его путешествія по Европейской и Азіятской Россіи, поэтому понятно съ какимъ нетерпѣніемъ ученый міръ ожидалъ его появленія."

„Извѣстно, что Палласъ отправился въ 1795 году въ Крымъ, чтобы тамъ въ тиши заняться приготовленіемъ своего главнаго труда, матеріалы для котораго онъ началъ собирать еще съ 1767 года.

Въ 1803 году первыя тетради „Зоографіи“ были окончены и Палласъ заказалъ на мѣди рисунки Генслеру, художнику сопровождавшему его во время путешествія на Югъ Россіи и къ которому Палласъ питалъ особое расположеніе. Генслеръ жилъ тогда въ Лейпцигѣ. Академія, на счетъ которой печаталось это изданіе, видѣла всѣ неудобства такого способа печатанія, предлагала рисунки рѣзать въ Петербургѣ, но изъ уваженія къ Палласу должна была уступить его желанію. Къ 1806 году была изготовлена первая половина рисунковъ (млекопитающія и рыбы) на сто двадцати одномъ листѣ. Палласъ отправилъ ихъ Генслеру. Но этотъ послѣдній подъ разными предлогами тянулъ дѣло до 1809 года и не исполнялъ рисунковъ. Наконецъ, въ этомъ году была напечатана первая часть, но безъ рисунковъ. Такимъ образомъ прошли для науки безплодныхъ шесть лѣтъ. Палласъ въ это время рѣшился самъ ѣхать въ Германію, чтобы при себѣ двинуть работы впередъ и подъ своимъ наблюденіемъ изготовить рисунки для ихтіологіи. Передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, Палласъ прислалъ свой манускриптъ амфибій и рыбъ въ Академію Наукъ; но по пріѣздѣ въ Берлинъ вытребовалъ ихъ къ себѣ, и онѣ никогда болѣе не были возвращены въ Академію. Послѣ смерти Палласа дѣло изданія не пошло скорѣе. Въ 1814 году была напечатана ихтіологія, а въ 1826 году были, наконецъ, напечатаны, все-таки безъ рисунковъ, первые три тома и *теперь лишь* могли поступить въ продажу.“

Наконецъ, въ 1841 году явилась первая и единственная тетрадь рисунковъ, въ сорокъ восемь таблицъ. Четвероногія здѣсь изображены были неудовлетворительно, большая же часть птицъ—хорошо

Въ первой половинѣ перваго тома „Зоографіи“ описано *сто пятьдесятъ одно* млекопитающія; вторая же половина перваго тома и весь второй заняты птицами. Птицъ Палласомъ описано *четыреста двадцать пять видовъ* и разновидностей. Въ настоящее время извѣстно птицъ въ различныхъ областяхъ Россіи и Азіи болѣе шести сотъ.

Такимъ образомъ орнитологія Россіи представляетъ громадный матеріалъ для изученія. Третій томъ „Зоографіи“ посвященъ животнымъ хладнокровнымъ. Здѣсь помѣщено одинадцать видовъ лягушекъ, четыре вида черепахъ и проч. Змѣи и рыбы не были изучены во время Палласа такъ же хорошо, какъ млекопитающія и птицы. Въ наше время трудами Бэра, Штрауса, Кесслера и другихъ и эти отдѣлы изучены хорошо.

2. Труды Палласа въ ископаемой зоологіи.

Первый и второй мемуары Палласа о ископаемыхъ животныхъ Сибири.—Замѣчательныя мнѣнія, высказанныя имъ по этому поводу.

Хотя окончательно ископаемая зоологія (палеонтологія) была установлена, какъ наука, въ XIX вѣкѣ; но Палласъ положилъ ея основаніе въ XVIII в. двумя своими мемуарами о ископаемыхъ сѣверныхъ животныхъ.

Первый мемуаръ былъ написанъ до его путешествій. Это результатъ наблюденій надъ изученіемъ костей собранныхъ изъ различныхъ частей Россіи и Сибири въ музеѣ Академіи въ Петербургѣ. Онъ называется: «*Наблюденія надъ ископаемыми костями Сибири, особенно надъ черепами риноцероса, буйвола и слоновъ.*»

Палласъ говоритъ, что теперь у насъ набралось столько въ музеѣ костей изъ сѣверной Россіи и Сибири, преимущественно слоновъ, которыя также находятся и по всей Европѣ, что можно сдѣлать заключеніе объ истинномъ происхожденіи этихъ костей. Никто не удивится, если кости слоновъ будутъ находиться въ Италіи или Испаніи, потому что здѣсь были цирки, а также пуническія войны, въ которыхъ употреблялись слоны. Многіе ученые сомнѣваются, дѣйствительно ли въ сѣверныхъ странахъ находятся кости слоновъ; другіе же полагаютъ, что эти кости занесены сюда при Александрѣ Македонскомъ или же при Чингисъ-Ханѣ. Я, говоритъ Палласъ, досталъ въ Азіи кости риноцероса, газели и индѣйскаго буфало, теперь не живущаго въ Индіи.

Палласъ далъ точное и подробное описаніе, изображеніе и измѣреніе костей риноцероса и газели. Такимъ образомъ было положено имъ твердое основаніе наукѣ объ ископаемыхъ животныхъ строго учеными пріемами, т. е. измѣреніемъ и сравненіемъ. Во второмъ мемуарѣ, сказавъ также, что кости прежде существовавшихъ животныхъ находятся по всей Азіи, Палласъ разбираетъ этотъ фактъ. Онъ

говоритъ, что ему приходилось наблюдать кости слоновъ вмѣстѣ съ морскими раковинами и костями морскихъ рыбъ. Изъ сопоставленія этихъ фактовъ Палласъ выводитъ, что эта страна находилась нѣкогда подъ напоромъ моря. Если же обратить особое вниманіе на то, что эти громадныя животныя такъ перемѣшаны съ различными остатками морскихъ животныхъ, то всего вѣроятнѣе, что какой-либо катастрофой, они занесены сюда изъ южныхъ странъ. Палласъ пытается доказать, что эта катастрофа была внезапная, ибо иначе нельзя объяснить нахожденія на рѣкѣ Вилюѣ цѣлаго съ кожей риноцероса, покрытаго волосами. Замѣтимъ, что впослѣдствіи этотъ фактъ послужилъ къ совершенно противоположному заключенію, а именно, что шерсть эта доказываетъ, что животное жило въ сѣверныхъ странахъ. Такъ-же и другими своими мемуарами онъ расширилъ область палеонтологіи.

Замѣчаніе его, что пласты земли суть книга, листы которой составляютъ исторію земли, и до сихъ поръ повторяется. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ важное замѣчаніе, что еще нельзя заключать, что ископаемыя животныя не живутъ уже болѣе только потому, что мы ихъ не находимъ, что быть можетъ амониты и беламниты еще и теперь живутъ въ глубокихъ моряхъ. Онъ *сравнивалъ* кости ископаемыхъ животныхъ съ костями нынѣ живущихъ, т.-е. то, что дѣлаетъ современная намъ наука. Такимъ образомъ его генію обязана происхожденіемъ наука палеонтологія и онъ направилъ ее къ изученію прошедшей жизни земнаго шара.

---

3. Труды по геологіи.

Исторія Геологіи.—Соссюръ.—Основныя положенія Геологіи.—Описаніе Тавриды.—Наблюденія надъ образованіемъ горъ.—Изученіе структуры глобуса.

Переходимъ теперь къ той области естествознанія, которая въ XVIII столѣтіи болѣе всего страдала неопредѣленностію и туманностію. Разгадать образованіе слоевъ земли, узнать ихъ исторію было прежде и есть въ настоящее время одна изъ самыхъ интересныхъ задачъ естествознанія, потому что земля есть то поприще. на которомъ человѣчество проводитъ свою жизнь со всѣми радостями и страданіями.

Выше мы видѣли на сколько Палласъ былъ близокъ къ тому, чтобы произвести рѣшительный переворотъ въ зоологіи, переворотъ, который послѣ него сдѣлалъ въ ней Кювье. Въ геологіи же, или какъ тогда ее называли въ *теоріи земли*, онъ дѣйствительно произвелъ переворотъ.

Еще въ концѣ XVII вѣка возникла новая наука, принявшая гордое названіе теоріи земли; она имѣла ничтожное количество дѣльныхъ фактовъ и массу фантазій. Черезъ сто лѣтъ блужданій ощупью она вступила мало-по-малу на естественный путь и сдѣлалась анатоміей земли. Два славныхъ мужа, Соссюръ и Палласъ, приготовили эту реформу, а третій не менѣе ихъ славный, Вернеръ, закончилъ ее.

Палласъ, во время своихъ путешествій по Азіи, замѣтилъ, что наслоеніе горъ можетъ быть подведено подъ извѣстные законы. Соссюръ, изслѣдуя горы Европы, подтвердилъ эти законы Палласа. Натуралисты XVI и XVII столѣтій уже занимались описаніемъ минераловъ; они начали собирать окаменѣлости; но они казались имъ лишь простой игрой природы или остатками потопа. Не смотря на попытки Линнея и Валеріуса, описаніе камней во время Соссюра было самое темное и сбивчивое.

Соссюръ, родомъ Швейцарецъ, путешествовалъ въ горахъ ея двадцать лѣтъ. Онъ четырнадцать разъ прошелъ Альпы по восьми различнымъ проходамъ, путешествовалъ по Германіи, Италіи, Сициліи, Франціи и Англіи. Онъ первый взошелъ на Монъ-Бланъ послѣ многихъ усилій. Имя его пользовалось у современниковъ громкою славой.

Палласъ за свои изслѣдованіи былъ названъ Соссюромъ въ Россіи. Изслѣдуя во время своихъ путешествій великія цѣпи горъ Азіи, Палласъ замѣтилъ общее правило слѣдованія пластовъ, а именно: что въ срединѣ находится обыкновенно гранитъ, по бокамъ сланцы, снаружи покрываютъ ихъ известняки. Можно сказать, что этотъ великій фактъ, высказанный ясно въ 1777 году въ запискѣ Палласа „Объ образованіи горъ“ положилъ основаніе *новой геологіи*. Соссюръ, Делюкъ, Вернеръ отправляются отсюда, чтобы достигнуть познанія истиннаго строенія земли, прежде бывшаго столь фантастическимъ. Изъ другихъ ученыхъ занимавшихся до Палласа рѣшеніемъ геологическихъ вопросовъ упомянемъ Уитстона, Вудварда, Бюффона и Гетара (Guettard).

Таково было положеніе дѣла, когда Палласъ началъ свои путешествія, во время которыхъ произвелъ безчисленныя геологическія наблюденія надъ образованіемъ горъ, объ измѣненіяхъ происшедшихъ на землѣ, о продолженіи горъ швеціи (Essais sur le Nord ect). Изъ всѣхъ этихъ наблюденій самыя важныя появились въ 1779 году— это „*Описаніе Тавриды*“, содержаніе котораго приведено у насъ далѣе. Въ этомъ сочиненіи онъ собралъ массу геологическихъ наблюденій высокой важности и обогатилъ такимъ образомъ положительную геологію.

Второе его геологическое сочиненіе еще важнѣе, такъ какъ это былъ плодъ всѣхъ его наблюденій; онъ заключилъ въ себѣ принципы науки, какъ ее понималъ Палласъ: „Observations sur la formation des montagnes“, читанное имъ въ 1777 году въ Академіи, въ Петербургѣ.

Это сочиненіе, говоритъ Кювье, дѣйствительно измѣнило лицо теоріи земли, т. е. геологіи. Палласъ начинаетъ съ того, что отбрасываетъ всѣ гипотезы своихъ предшественниковъ—Бюффона, Вудварда и Деліуса, такъ какъ они основаны лишь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ наблюденіяхъ; но болѣе обширныя наблюденія привели Палласа къ другимъ выводамъ, какъ въ анатомической или ста-

тической части геологіи (геогнозіи), такъ и въ этіологической (собственно геологія), а также и въ демонстративной части науки, т. е. въ палеонтологіи. Палласъ пришелъ къ своимъ выводамъ послѣ двадцатипятилѣтнихъ обширныхъ наблюденій надъ громадными кряжами Урала и Алтая, а также и вслѣдствіи прежде сдѣланнымъ наблюденіямъ въ Шведскихъ, Швейцарскихъ и Тирольскихъ Альпахъ. Вотъ изъ какой массы наблюденій Палласъ положилъ ученіе о дѣйствительномъ устройствѣ земной коры и объ происхожденіи почвъ. Но приведемъ въ извлеченіи самый знаменитый мемуаръ Палласа.

„Со временъ возрожденія наукъ, говоритъ Палласъ, существуютъ различныя гипотезы о строеніи земли, о происхожденіи горъ, о слояхъ земли, наполненныхъ различными морскими продуктами. Но все это множество гипотезъ, въ томъ числѣ и гипотеза Бюффона, грѣшатъ, потому что судятъ о строеніи горъ по наблюденіямъ своей родины. Такъ итальянскіе натуралисты, видя постоянно передъ глазами огнедышащіе вулканы, все приписывали внутреннему огню и т. д. Только шведскіе и нѣмецкіе натуралисты послѣдняго времени стали давать намъ вѣрныя понятія объ образованіи горъ и строеніи пластовъ. Я, объѣхавъ Европу и большую часть Азіи, убѣдился лично въ справедливости ихъ воззрѣній. Въ настоящее время я хочу развить нѣкоторыя мысли, основанныя на моихъ личныхъ наблюденіяхъ о прежнемъ состояніи нашей планеты и о катастрофахъ бывшихъ на ней. Судя потому, что намъ извѣстно о высокихъ хребтахъ Европы, Азіи и Америки, мы должны заключить, что самыя высокія горы состоятъ изъ гранита, основаніемъ котораго всегда служитъ кварцъ въ смѣси съ полевымъ шпатомъ, мелкимъ базальтомъ и проч. Значитъ гранитъ, какъ его находятъ въ самыхъ мѣстахъ, составляетъ основаніе континентовъ и поэтому нельзя принимать центральнаго огня, такъ какъ гранитъ произошелъ не путемъ огня. Далѣе — гранитъ никогда не встрѣчается слоями, но массами и кусками нагроможденными однѣ на другія; кромѣ того въ немъ нѣтъ окаменѣлостей, слѣдовательно онъ предшествовалъ органической жизни. Наконецъ, самыя высокія гранитныя пики нигдѣ не покрыты глинами и известью, т. е. осадками моря, значитъ они всегда были выше уровня моря."

Палласъ описываетъ видѣнныя имъ главныя возвышенности Россіи и Сибири. Объ Алтаѣ онъ говоритъ, что это одна изъ самыхъ могущественныхъ горныхъ системъ и что его отроги идутъ отъ Иртыша до Восточнаго Океана.

„Не всѣ горы, продолжаетъ Палласъ, тянутся по меридіану или по экватору, какъ полагали нѣкоторые; горы иногда имѣютъ по нѣскольку общихъ центровъ (плато), отъ которыхъ идутъ отроги въ разныя стороны. Въ Африкѣ направленіе горныхъ цѣпей, кажется иное; но внутри эта страна неизвѣстна. Граниты окружены различными первозданными породами (сланцами), которыя кажется также предшествовали органической жизни. Эти сопутствующія гранитъ горы лежатъ непосредственно на гранитѣ. Они, кажется, подверглись слишкомъ сильному дѣйствію огня; въ нихъ заключены минеральныя жилы. Все это указываетъ на различныя причины происхожденія этихъ горныхъ массъ, хотя въ настоящее время и нѣтъ достаточныхъ наблюденій для разъясненія всего этого. За то о *вторичныхъ* и *третичныхъ* горахъ говоритъ Палласъ, мы можемъ говорить болѣе опредѣленно. Въ этихъ двухъ порядкахъ горъ содержится древнѣйшая хроника нашей земли и они читаются уже гораздо легче первичныхъ породъ. Эти архивы природы, предшествовавшіе азбукѣ и самымъ отдаленнымъ преданіямъ, мы только начали еще читать, но матеріалъ заключающійся въ нихъ не исчерпается еще въ нѣсколько столѣтій послѣ насъ."

„Вторичныя горы по природѣ и происхожденію своему совершенно отличны отъ первыхъ. Они помѣщаются на бокахъ массъ предшествующихъ горъ, сопровождая ихъ съ внѣшней стороны Палласъ разсматриваетъ подробно ихъ положеніе въ Россіи. Они болѣе или менѣе опрокинуты и подняты, или же принимаютъ горизонтальное положеніе. Эти известковыя горы обильны ископаемыми. Часто же они, какъ меловыя горы, наполнены гравіемъ и кремнями, Они состоятъ изъ двухъ главныхъ частей, изъ слоя глинистаго и изъ известняка. Глинистыя массы образуютъ слои съ гранитными массами съ огромными кремнями. Известковыя же твердыя массы подымаются часто значительными цѣпями, имѣютъ пещеры, крутые овраги, гроты, покрытыя прекрасными сталактитами. Иногда они состоятъ изъ мела, иногда же сплошь состоятъ изъ мадрепоръ и раковинъ. Изъ различныхъ наблюденій можно заключить, что эти слои нѣкогда составляли глубокое морское дно и длинный рядъ вѣковъ отложилъ здѣсь окаменѣлости."

Послѣ ряда такихъ разсужденій Палласъ приходитъ къ тому заключенію, что вся Россія когда-то была морскимъ дномъ.

„Итакъ, продолжаетъ Палласъ, вопреки мнѣнію Бюффона, я по-

лагаю, что море никогда не достигало вершинъ гранитныхъ горъ. Я полагаю, что эти высокія цѣпи были всегда островами и континентами, конечно, гораздо менѣе теперешнихъ, но все таки обитаемы животными и покрытые растительностію. Остается отыскать причины пониженія уровня морей до такого предѣла, при которомъ обнаружились нынѣшніе большіе континенты. Я полагаю, что слѣдуетъ допустить послѣдовательныя дѣйствія вулканическихъ и другихъ подземныхъ силъ, потоповъ и проч. Чтобы отыскать разумныя причины измѣненій по нашей землѣ, надо соединить много новыхъ гипотезъ, а не брать одну какую-нибудь, какъ это дѣлаютъ прочіе авторы теоріи земли. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этой сложной гипотезы, я скажу о слояхъ слѣдующихъ непосредственно за вторичными осадками, т. е. о *третичныхъ* образованіяхъ.“

„На известнякахъ нагромождены третичные горы (слои), продуктъ болѣе новыхъ катастровъ нашей земли. До сихъ поръ ихъ мало наблюдали. Они отдѣлены долинами отъ известковыхъ горъ и тянутся напр. на западныхъ цѣпяхъ Урала, по Оренбургской и Пермской губ., и вдаются въ равнину Россіи. Они содержатъ мѣдь, гипсы, стволы деревъ, окаменѣлыхъ животныхъ, отпечатки растеній, плодовъ; въ этихъ же песчаныхъ и глинистыхъ слояхъ находятся остатки слоновъ, риноцеросовъ и проч.

Вотъ краткій очеркъ набнюденій, говоритъ Палласъ, сдѣланныхъ въ Россіи, для того, чтобы подвинуть наше знаніе объ естественной исторіи земли. Теперь я перехожу къ гипотезѣ *), которую, я придумалъ для объясненія настоящаго состоянія поверхности земли. Первыя измѣненія надо приписать силѣ вулкановъ, т. е. что дѣйствіе огня измѣняло составъ слоевъ. Они же выдвинули новые острова, подняли въ Европѣ Альпійскіе известняки, которые прежде были кораллами и массами раковинъ. Вода, размывая берега континентовъ, осаждала вещество ихъ въ моряхъ и уменьшала такимъ образомъ объемъ самаго океана. Но эти скопленія веществъ у береговъ и осажденія ихъ на дно морей немогли въ милліонъ лѣтъ уменьшить объемъ океана и осушить континенты. Надобны были ужасныя потрясенія на земной поверхности, чтобы разрушить животную жизнь. Сильнѣйшія изверженія со дна самыхъ глубокихъ мо-

*) Конечно, на все это мы должны смотрѣть какъ на совершенно произвольныя предположенія. *Пр. Ав.*

рей должны были отложить новый матеріалъ для континентовъ. Быть-можетъ во время этихъ переворотовъ открылись большія подземныя пещеры, куда поглотилось часть океановъ и понизила ихъ уровень. По моему мнѣнію всѣ высокія горы обязаны своимъ происхожденіемъ, изверженіямъ“.

Въ заключеніе Палласъ говоритъ о значеніи наводненій, преданія о которыхъ сохранились у всѣхъ народовъ.

„И такъ я заключаю, что очевидно природа употребляетъ весьма разнообразные способы для образованія и передвиженія горъ и для произведенія другихъ явленій, измѣнившихъ поверхность земли“.

Что касается мнѣнія о происхожденіи нашихъ континентовъ, то очевидно здѣсь было высказано Палласомъ много ложныхъ положеній; факты же собранныя имъ объ строеніи горъ легли въ основаніе геологіи.

Палласъ принимаетъ центральную Азію за первое мѣсто творенія человѣка и животныхъ, которые потомъ ушли отсюда, по не объясненнымъ имъ причинамъ въ два другихъ континента, гдѣ живыя существа со временемъ потерпѣли измѣненія. Африка, говоритъ Палласъ, должна имѣть въ своемъ центрѣ очень возвышенныя страны, окруженныя и перевязанныя горами, которыя также должны были служить разсадниками органическихъ существъ, какъ и оплото Азіи и Европы. Онъ полагаетъ, что и Азія была большимъ островомъ, окруженнымъ океаномъ. Дальнѣйшее измѣненіе Европы и Азіи, онъ, какъ мы видѣли, приписываетъ громаднымъ потопамъ, которые, напримѣръ, и принесли животныхъ Индіи въ Сибирь. Въ послѣдствіи это мнѣніе было опровергнуто Кювье и Блюменбахомъ, доказавшими, что эти животныя не похожи на нынѣ живущихъ въ Индіи.

Такимъ образомъ этотъ небольшой мемуаръ Палласа положилъ основаніе всѣхъ великихъ принциповъ современной геологіи. Отсюда вышла школа Вернера и новѣйшихъ геологовъ, лишь расширившихъ и измѣнившихъ ее.

Прибавимъ, что найденный Палласомъ въ Сибири огромный кусокъ метеорическаго желѣза, проникнутаго стекловидными вкрапленіями, также былъ новымъ фактомъ въ минералогіи. Кусокъ этого желѣза называется „Палласовъ метеоритъ“, онъ хранится въ Академіи Наукъ въ Петербургѣ и былъ въ послѣднее время распиленъ пополамъ.

---

4. Ботаническіе труды.

Мнѣніе Ламарка.—Флора Россіи.—Species Astragalorum.—De Halophitis.—Описаніе сада Демидова въ Москвѣ.

Палласъ обогатилъ науку многочисленными новыми растеніями и расширилъ познанія о географіи растеній. Но ботаникомъ онъ сдѣлался, такъ сказать, путешествуя, потому что до того времени онъ занимался по преимуществу зоологіей.

По поводу этого знаменитый Ламаркъ говоритъ слѣдующее:

„Достойно сожалѣнія, что при началѣ своихъ путешествій Палласъ не обладалъ большею опытностью въ ботаникѣ, особенно въ искусствѣ опредѣлить виды растеній. Очевидно, что еслибы въ началѣ своихъ путешествій онъ былъ болѣе опытнымъ ботаникомъ, хотя конечно его открытія многочисленны и въ высшей степени важны, онъ сдѣлалъ бы въ этой наукѣ гораздо болѣе. Въ особенности это бросается въ глаза въ первые два года его путешествій, когда онъ какъ бы съ удивленіемъ останавливается на такихъ растеніяхъ, которыя давно уже извѣстны ботаникамъ (напр. Draba verna, Androsace lactea, Anemone pulsatilae, Crategus oxiacantha и множество другихъ). Напротивъ впослѣдствіи, особенно къ концу путешествій, уже опытный глазъ Палласа открываетъ много новыхъ растеній. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы уменьшить великія заслуги Палласа: наши сады и всевозможныя коллекціи слишкомъ сильно заявляютъ, какъ много они обязаны этому великому натуралисту; я только говорю, что еслибы его опытность въ ботаникѣ при началѣ путешествій была болѣе обширной, то онъ, безъ сомнѣнія, удесятерилъ бы свои открытія. Но онъ все-таки открылъ значительное количество новыхъ видовъ весьма характерныхъ растеній, какъ напр. рядъ *астрагаловъ*, рядъ *робиній*, *спирей* и другихъ“.

Но замѣчанія Ламарка могутъ относиться только къ путевымъ запискамъ Палласа; вернувшись же изъ путешествій, Палласъ съ жаромъ принялся за ботаническія занятія. Онъ предпринялъ теперь весьма трудное дѣло — написать Флору Россіи. Средства его для этого гигантскаго труда были не маловажны: Императрица Екатерина велѣла отдать въ его распоряженіе всѣ гербаріи прежнихъ путешественниковъ. Онъ самъ собралъ массу растеній въ Сибири на мѣстѣ и имѣлъ гербаріи десяти своихъ предшественниковъ—путешественниковъ.

Этотъ трудъ обѣщалъ вообще сильно расширить ботаническія свѣдѣнія; но ему не суждено было вполнѣ появиться. Вышло два тома этого сочиненія, заключающіе въ себѣ описаніе деревъ и кустовъ Россійской Имперіи, безъ систематическаго распредѣленія, которое Палласъ намѣревался приложить впослѣдствіи къ концу сочиненія. По повелѣнію Императрицы первая сотня описанныхъ растеній была переведена на русскій языкъ и разослала во всѣ губерніи. Въ заключеніи своего сочиненія Палласъ хотѣлъ приложить географическое распредѣленіе растеній, что при его обширныхъ познаніяхъ, вѣроятно, было бы весьма замѣчательно. Къ сожалѣнію это твореніе было рано прервано, хотя рисунки уже были приготовлены и для третьяго тома; но оно никогда не было издано въ свѣтъ, и такимъ образомъ много драгоцѣнныхъ наблюденій было потеряно для публики.

Впослѣдствіи Палласъ рѣшился публиковать свои ботаническіе труды отдѣльными выпусками. Первой такой монографіей его были Species Astragalorum. Эта прекрасная монографія, роскошно изданная, форматомъ въ большой листъ, съ раскрашенной виньеткой на заглавномъ листѣ, изображающей Аѳину—Палладу. Въ предисловіи къ этому сочиненію Палласъ говоритъ, что семейство астрагаловъ самое многочисленное въ Европѣ и Азіи, но никто до него не собралъ ихъ столько и не наблюдалъ живыми. Растенія этого рода сильно распространены по материку Стараго Свѣта и часто въ родственныхъ между собою видахъ. Знаменитый Линней, говоритъ далѣе Палласъ, зналъ астрагаловъ только пятьдесятъ. Я же, или лично самъ, или чрезъ своихъ друзей изслѣдовалъ на ихъ родной почвѣ болѣе ста видовъ. Далѣе онъ приводитъ авторовъ писавшихъ объ астрагалахъ, говоритъ о признакахъ принятыхъ для нихъ Линнеемъ и Жюссье, но представляетъ свое собственное раз-

4*

дѣленіе ихъ на шесть рядовъ. Монографія эта снабжена прекрасными, въ натуральную величину, рисунками астрагаловъ, съ отдѣльными изображеніями корней, листьевъ и особенно анализомъ устройства цвѣтковъ, плода и органовъ размноженія. Такимъ образомъ это сочиненіе является вполнѣ ученымъ изслѣдованіемъ, къ какимъ мы привыкли въ наше время.

Замѣчательно, что въ это же самое время во Франціи занимался изслѣдованіемъ астрагаловъ Декандоль, но узнавъ о сочиненіи Палласа онъ прервалъ свой трудъ.

Вторая его ботаническая монографія посвящена галофитамъ, безлепестковымъ калійнымъ растеніямъ (De Halophitis), обильно растущимъ въ степяхъ юго-восточной Россіи. Въ этой монографіи описано пятьдесятъ пять растеній и приложено ихъ раскрашенное изображеніе. Палласъ говоритъ, что ни въ одномъ семействѣ нѣтъ такой путаницы и темноты, какъ въ семействѣ галофитовъ. Чтобы изучить ближе это семейство, онъ въ послѣднее свое путешествіе въ 1793 году обратилъ въ Прикаспійскихъ степяхъ особое вниманіе на изслѣдованіе этихъ растеній. Палласъ раздѣляетъ ихъ на семь семействъ 1. Salicorniæ—описано шесть видовъ, 2. Anabasis — описано имъ два вида, 3. Salsolæ — двадцать одинъ видъ, 4. Juædæ — четырнадцать видовъ, 5. Polycnema—девять видовъ, 6. Campharosmae—два вида, 7. Corispermum—одинъ видъ.

За галофитами должна была слѣдовать монографія полыней и чернобыльниковъ, не менѣе многочисленныхъ въ степяхъ, и на которыхъ здѣсь еще древніе писатели обратили вниманіе; но различныя обстоятельства помѣшали Палласу окончить эти труды.

Къ ботаническимъ сочиненіямъ Палласа относится еще описаніе сада Демидова въ Москвѣ. Для исторіи садоводства Москвы это будетъ не безъинтересно.

Палласъ прожилъ мѣсяцъ у Демидова, знаменитаго любителя садоводства прошлаго столѣтія и изучилъ подробно его садъ, заключавшій собраніе рѣдкихъ растеній. Этотъ садъ, говоритъ Палласъ, не только не имѣетъ себѣ подобнаго въ Россіи, но можетъ смѣло равняться съ лучшими иностранными садами, какъ по рѣдкости собранныхъ въ немъ растеній, такъ и по ихъ многочисленности.

Садъ былъ устроенъ въ 1756 году близъ Донскаго монастыря, на берегу Москвы рѣки. Надъ устройствомъ сада трудилось семь

сотъ человѣкъ рабочихъ; садъ устроенъ былъ амфитеатромъ и спускался къ Москвѣ рѣкѣ терассами. Въ немъ были огромныя аранжереи, теплицы для ананасовъ, аранжерея въ сорокъ саженей длины для пальмъ, птичій дворъ, гдѣ было собраніе рѣдкихъ иноземныхъ птицъ, куръ, утокъ, вывезенныхъ изъ Англіи и Голландіи.

Оканчивая описаніе, Палласъ говоритъ: остается пожелать, чтобы садъ этотъ остался вѣчно и послужилъ къ распространенію въ Россіи вкуса къ ботаникѣ.

Палласъ даетъ каталогъ 2,224 растеніямъ этого сада.

---

5. Труды Палласа по этнографіи и языкознанію.

История монгольскаго народа.—Словарь двухсотъ словъ европейскихъ и азіятскихъ языковъ.

Палласъ почитается творцомъ антропологіи.

Въ исторіи монгольскаго народа онъ далъ образчикъ того, какимъ образомъ должна изучаться исторія. До сихъ поръ мы видѣли въ Палласѣ великаго естествоиспытателя. Его „Исторія монгольскаго народа" касается другой области знанія: она изслѣдуетъ историческія судьбы народа и его нравственный бытъ. И въ этой новой области Палласъ является классическимъ изслѣдователемъ, ибо въ то время, когда появилось это его сочиненіе, ни на одномъ языкѣ не было ничего для познанія этихъ народовъ. И здѣсь Палласъ является столь-же искуснымъ въ описаніи обычаевъ и мыслей народовъ, каковъ онъ былъ въ изображеніи природы.

Имя монголъ давалось прежде всѣмъ народамъ, обитавшимъ сѣверную и восточную Азію, съ косыми глазами, съ желтой кожей, черными волосами, выдающимися скулами и рѣдкой бородой. Одно изъ этихъ племенъ подъ предводительствомъ Аттилы въ V вѣкѣ наводнило Европу. Не смотря на это, имя монголъ относили только къ племенамъ собраннымъ Чингизъ-Ханомъ, который покорилъ Китай, Индію, Персію и Россію. Затѣмъ, изгнанный изъ Индіи и Китая, онъ сохранилъ независимость только лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ восточнаго Каспія.

Образъ ихъ жизни, пастушескій и кочевой, прерывался набѣгами на враждующихъ между собою сосѣдей. Наконецъ, Китай и Россія успѣли ихъ раздѣлить и ослабить. Не смотря на это, они сохранили гордость предковъ и строго придерживались своей геніалогіи. Ламайская религія овладѣла всей ихъ внутренней жизнію.

Палласъ приводитъ разсказъ, дающій понятіе объ ихъ образѣ жизни и перекочевкахъ. Въ 1771 году случилось характеристиче-

ское событіе ихъ жизни: они бѣжали изъ-подъ Астрахани. Ничего подобнаго не было со времени бѣгства евреевъ изъ Египта.

Большая часть сочиненія Палласа посвящена разсмотрѣнію ихъ религіи.

Въ первомъ томѣ книги говорится преимущественно о Калмыкахъ: дѣленіи ихъ на племена, занятіе, образъ жизни, одежда, нравы, колязки и проч. Тутъ-же говорится о Бурятахъ и другихъ монгольскихъ народахъ.

Второй томъ вдвое болѣе перваго и посвященъ очерку тибетской миѳологіи, іерархіи, храмовъ, праздничныхъ церемоній, ламайской астрономіи, ихъ теперешней литературѣ, учености; къ этому тому пребавлены отрывки изъ ихъ важнейшихъ сочиненій.

Въ предисловіи къ этому сочиненію Палласъ говоритъ слѣдующее:

„Монгольская нація—древнее и могущественное азіятское племя, которое цѣлыя тысячелѣтія оставалось не смѣшаннымъ съ другими народами. Она имѣетъ свой языкъ, свою литературу, разнообразное и малоизвѣстное тибетское богослуженіе. Все это требовало подробнаго описанія. До меня на это дѣло обратилъ вниманіе историкъ Миллеръ. Въ 1768 и 1769 годахъ, я собиралъ во время моего пребыванія на рѣкѣ Уралѣ различныя свѣдѣнія о Калмыкахъ, ихъ образѣ жизни, религіи и краткія объ нихъ замѣчанія помѣстилъ тогда-же въ моихъ путешествіяхъ. Находясь-же въ 1772 году среди Монголовъ, я началъ собирать свѣдѣнія о ламайской религіи и нравахъ, переводить относящіяся сюда монгольскія сочиненія въ это-же время я изучалъ Бурятъ: я особенно обязанъ много маіору Власову за свѣдѣнія, доставляемыя мнѣ имъ объ этихъ народахъ„

„На возвратномъ пути изъ Сибири въ 1773 году я проѣхалъ приволжскія страны и обогатился собраніемъ еще различныхъ свѣдѣній. Проведя тогда цѣлую зиму въ Царицынѣ, я собиралъ свѣдѣнія о Калмыкахъ, собиралъ также монгольскія сочиненія, провѣрялъ прежнія мои свѣдѣнія, умножалъ ихъ, освѣщалъ темныя стороны прежнихъ матеріаловъ. При этихъ занятіяхъ мнѣ помогали переводчики калмыцкаго языка, которые, кромѣ того, сообщили мнѣ много разныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни, нравахъ и хозяйствѣ Калмыковъ. Благодаря всему этому, я могу теперь издать сборникъ собранныхъ мною свѣдѣній. Въ первую часть моего сочиненія вошли также и изслѣдованія о Калмыкахъ несчастнаго Гмелина. Та-

кимъ образомъ возникъ мой сборникъ свѣдѣній о монгольскихъ народахъ. Понятно какихъ трудовъ стоило собрать все это".

Все до чего касалась рука Палласа, оставляло по себѣ важные слѣды въ наукѣ.

Кромѣ этого Палласъ прямо занимался сравнительнымъ языкознаніемъ. Императрица Екатерина задумала составить сравнительный словарь двухсотъ различныхъ европейскихъ и азіятскихъ языковъ. По первоначальному плану сочиненіе должно было состоять изъ 3-хъ томовъ. Первые два вышедшіе тома заключаютъ въ себѣ 268 словъ, двухсотъ европейскихъ и азіятскихъ языковъ, третій не выходилъ. Палласу, какъ знатоку тогда азіятскихъ нарѣчій, былъ порученъ азіятскій отдѣлъ словаря, да и вообще все это дѣло велъ онъ. Не смотря на грандіозность этого предпріятія, идея, положенная въ его основаніи (ибо слова для сравненія были выбраны императрицею произвольно), была ложная, поэтому и изданіе его не могло произвести переворота въ филологіи. Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ Палласа проложилъ путь изслѣдователямъ восточной филологіи, и его словарь есть первый шагъ сравнительнаго языкознанія.

Вотъ рядъ трудовъ великаго человѣка, посвятившаго свою жизнь изученію нашего отечества; вотъ наслѣдство, завѣщанное Палласомъ намъ; хотя мы и увеличили это наслѣдство, но все-таки между нами крайне рѣдки люди, которые трудятся для изученія своего отечества съ такою безкорыстною и самоотверженною любовію къ дѣлу, какъ этотъ великій мужъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПАЛЛАСА.

1. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ПУТЕШЕСТВІЙ ПАЛЛАСА.

Въ путешествіяхъ своихъ Палласъ представляетъ рядъ замѣтокъ обо всемъ видѣнномъ имъ на мѣстѣ, а потому они не отличаются особо тщательной литературной отдѣлкой. Но богатство его познаній и необыкновенный талантъ наблюдателя видны въ каждой строчкѣ. Ничто, даже по видимому самые ничтожные факты, напр. движеніе таракановъ изъ центра Азіи къ намъ на западъ, не ускользаетъ отъ этого удивительнаго наблюдателя.

Свой взглядъ на значеніе путевыхъ записокъ Палласъ опредѣляетъ такъ въ предисловіи къ третьему тому своихъ путешествій: „на сколько ревностно я стараюсь наблюдать, на столько же ревностно я держусь истины, не прибавляя и не измѣняя ничего. Ибо открыть что либо важное или полезное совсѣмъ не во власти натуралиста. Многія вещи, которыя могутъ теперь показаться незначительными, со временемъ у нашихъ потомковъ, могутъ пріобрѣсти большое значеніе“.

Эти послѣднія слова Палласа оправдались вполнѣ, ибо путешествія его сдѣлались необходимою книгою для всякаго изучающаго послѣ него тѣ же самыя страны, и многія лишь указанные имъ факты разрослись въ особые отдѣлы науки.

Относительно литературной отдѣлки своихъ путешествій Палласъ въ предисловіи къ первому тому говоритъ, что онъ не имѣлъ для этого времени; такъ какъ для приведенія въ порядокъ этихъ бумагъ ему оставалось только два мѣсяца. Точно также и остальные томы онъ отсылалъ постепенно въ Академію, обработывая ихъ по зимамъ. Что же касается полноты описанія животныхъ и растеній, то въ этомъ же предисловіи Палласъ говоритъ, что все это будетъ имъ подробно описано впослѣдствіи въ сочиненіи его о животныхъ и растеніяхъ Россіи.

Энергія, выказанная Палласомъ въ его долголѣтнихъ странствованіяхъ, была такова же, какую выказалъ пылкій Линней во время своихъ путешествій по сѣверу Скандинавіи.

Путешествія Палласа въ лѣсахъ Вогуловъ, его странствованія по горамъ Алтая, когда онъ лежитъ, изнемогая отъ болѣзни, показываютъ въ немъ необыкновенную преданность наукѣ и желѣзную волю.

Приводимъ взглядъ его современниковъ на значеніе путешествій Палласа.

„Путешествія Палласа, говоритъ его французскій переводчикъ *), ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ публикой. Ламаркъ присоединилъ къ переводу примѣчанія касательно животныхъ и растеній, такъ что эти примѣчанія составляли значительное прибавленіе. Заслуги и труды Палласа, продолжаетъ Пейрони, оцѣнены уже всѣми учеными Европы. Точность его наблюденій, глубина размышленій и масса всевозможныхъ собранныхъ имъ интересныхъ фактовъ ставятъ его рядомъ съ самыми знаменитыми путешественниками. Немногимъ удалось объѣхать столько странъ, а въ наблюденіяхъ и описаніяхъ онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. Онъ все обнимаетъ: народы, животныхъ, растенія и минераллы. Съ нимъ вы путешествуете то по вершинамъ скалъ, то спускаетесь во внутренность земли; всюду онъ раскрываетъ передъ вами дѣятельность природы, открывшей ему свои тайны. Отчеты о его долгихъ и трудныхъ путешествіяхъ, говоритъ Соссюръ, заключаетъ въ себѣ все, что можетъ интересовать не только натуралиста, но и государственнаго человѣка. Такимъ образомъ довѣріе Акамедіи, пославшей Палласа и другихъ ученыхъ, было вполнѣ оправдано. Въ инструкціи, данной путешественникамъ отъ Академіи, говорится, что они должны подробно изслѣдовать свойства почвъ, водъ, способы обработки свободныхъ земель (степей), настоящее состояніе земледѣлія, болѣе распространенныя болѣзни среди людей и животныхъ, изыскать средства къ ихъ лѣченію и предупрежденію;— изслѣдовать пчеловодство, шелководство, скотоводство, а въ особенности овцеводство. Затѣмъ обратить вниманіе на минеральныя богатства и минеральныя воды, на искусства, ремесла и промыслы каждой провинціи; на растенія, животныхъ, на форму и внутренности горъ, и наконецъ, на всѣ отрасли естественной исторіи.

*) Готье де-ля-Пейрони перевелъ путешествія Палласа, а Ламаркъ снабдилъ ихъ прекрасными примѣчаніями.

Путешественники должны были также заняться географическими и метеорологическими наблюденіями, астрономически опредѣлить положеніе главныхъ мѣстностей и собрать все касающееся правовъ, обычаевъ, вѣрованій, преданій, памятниковъ и различныхъ древностей».

Эта программа была блистательно выполнена путешественниками. Мало бывало примѣровъ, чтобы въ такое короткое время естествознаніе обогатилось такими обширными матеріалами. Отчеты путешественниковъ доставили наукѣ о трехъ царствахъ природы небывалый матеріалъ и, кромѣ того, сообщили массу свѣдѣній касательно другихъ наукъ и искусствъ.

Хотя нѣкоторые путешественники напечатали отдѣльно свои путешествія, но они всѣ вообще должны были передавать свои рукописи Палласу, такъ что его путешествія есть сводъ всего. Эти путешественники, собирая свѣдѣнія о различныхъ народахъ, разсѣянныхъ по обширной Россіи и Сибири, сообщили драгоцѣнныя свѣдѣнія и для исторіи.

Палласъ приложилъ къ своимъ путешествіямъ, на латинскомъ языкѣ, 423 описанія четвероногихъ, птицъ, амфибій, рыбъ, насѣкомыхъ и растеній, тщательно имъ наблюденныхъ. Изъ этого матеріала одно до него еще было плохо описано, другое же совершенно неизвѣстно. Кромѣ того онъ прибавилъ къ всему этому названія на русскомъ, татарскомъ, монгольскомъ и другихъ нарѣчіяхъ. Особенно богаты отдѣлы насѣкомыхъ и растеній. Всѣ описанія его точны, и мы уже говорили выше, что онъ поставилъ себѣ правиломъ описывать только видѣнное. Его наблюденія надъ строеніемъ и направленіемъ горъ очень замѣчательны. Онъ съ большою проницательностію и свойственнымъ ему терпѣніемъ изслѣдовалъ двѣ замѣчательныхъ цѣпи горъ: *Уралъ и Алтай.* Онъ сравнилъ между собою ихъ различные отроги, вывелъ изъ этого правильныя заключенія и распространилъ свѣтъ на теорію горъ и т. д.

Таково въ главныхъ чертахъ драгоцѣнное твореніе Палласа. Далѣе мы передадимъ въ извлеченіе самыя путешествія Палласа.

Отправясь изъ Петербурга на юго-востокъ Россіи, главными пунктами своихъ наблюденій онъ избралъ Гурьевъ и берега Каспійскаго моря, затѣмъ Уральскія горы съ ихъ рудниками и остатками древнихъ чудскихъ работъ, относящихся къ такъ называемому те-

перь, *бронзовому вѣку*. Отсюда онъ направился въ Даурію, гдѣ природа явилась ему совершенно иною, чѣмъ въ Европѣ: особыя формы растеній и невиданныя новыя животныя, новыя племена дикихъ народовъ и среди нихъ древнюю цивилизацію Китая. На возвратномъ пути онъ изучалъ индѣйцевъ, бухарцевъ и другихъ народовъ центральной Азіи (въ Астрахани).

Онъ всюду, куда не успѣвалъ самъ, посылалъ своихъ дѣятельныхъ учениковъ, а въ свободное время составлялъ свои описанія.

A) Путешествія 1768—1789 годовъ.

1. Дорога черезъ Ингерманландію, Москву, Владиміръ, Касимовъ, Арзамасъ и рѣку Пьяну.—Осень въ Пензѣ, Морава, рѣка Сура, Симбирскъ, рѣка Сокъ.— Зимованіе въ Симбирскѣ.—Природа Приволжья .—Описаніе рыбъ Волги.

Приготовившись къ продолжительнымъ путешествіямъ, Палласъ 21 іюня 1768 года выѣхалъ изъ Петербурга.

Бѣдная Ингерманландія ничего не представляла, особенно для наблюдателя быстро проѣзжавшаго, кромѣ массы разнородныхъ слѣпней по дорогѣ, да обильно встрѣчавшагося растенія Calla, изъ котораго въ Швеціи дѣлаютъ хлѣбъ. Проѣхавъ большую деревню Чудово, стоящую на извѣстнякѣ, обильномъ окаменѣлостями, Палласъ (отъ селенья Подберезья) поѣхалъ по почвѣ черной, довольно плодородной, тянувшейся до самаго Новгорода. На этомъ пути обратила на себя его вниманіе простота земледѣльческихъ орудій: бороны сдѣланы здѣсь изъ молодыхъ еловыхъ сучковъ, подобно финляндскимъ. Для тяжести передъ паханьемъ крестьяне ее мочатъ. Пашня плохая и мелкая здѣсь не даетъ развиваться мочкамъ корней, говоритъ Палласъ, а во время засухи тощія растенія не въ состояніи отѣнить землю. Переправляясь далѣе черезъ Мсту, онъ дѣлаетъ замѣчаніе о ея обиліи рыбой, заходящей сюда изъ озера Ильменя, о валунахъ, лежащихъ на поляхъ, о курганахъ и пр. У селенія Зайцева встрѣчается почва *красный илъ*, хорошо родящій хлѣбъ, а въ рѣчкѣ Емлѣ были найдены жемчужныя раковины. Въ селеніи же Валдаѣ обратили на себя его вниманіе жители своимъ веселымъ характеромъ и языкомъ: это были потомки, говоритъ онъ, поляковъ, переселенныхъ сюда при Алексѣѣ Михайловичѣ. Недалеко отсюда находится Иверскій монастырь, основанный патріархомъ Никономъ. Въ водѣ здѣсь много встрѣчается

волосатиковъ, впивающихся въ жабры рыбъ. Сѣверъ Валдайскихъ горъ бѣденъ окаменѣлостями и обиленъ гранитными камнями, на югъ же ихъ окаменѣлости обильнѣе. Проѣзжая тощія поля вдоль рѣчки Тверцы, онъ говоритъ, что ихъ лучше бы было засѣять лѣсомъ. Въ селеніи Мѣдномъ сосновый лѣсъ кончается, а вмѣстѣ съ нимъ и финская борона, которая далѣе замѣняется обыкновенной русской бороной.

Пріѣхавъ въ Москву, онъ дѣлаетъ въ окрестностяхъ ея экскурсіи; хвалитъ разнообразіе растительности береговъ Москвы-рѣки и находитъ въ ней сходство съ флорой Клязьмы и Оки. Подъ Москвой Палласъ нашелъ много окаменѣлостей, особенно подъ Хорошовымъ, гдѣ въ черной глинѣ заключены массы быстро разрушающихся аммонитовъ, белемнитовъ и пр., въ самой Москвѣрѣкѣ много бодяги, растущей въ тихихъ мѣстахъ — съ толстыми вѣтвями, а въ быстрыхъ—съ длинными. Онъ посѣтилъ аптекарскій садъ, гдѣ разведено было много ревеню.

Отправляясь во Владиміръ на Клязьмѣ, Палласъ замѣтилъ впервые вязъ, илимъ, татарскую жимолость и пр., на поляхъ—много сверчковъ, которые далѣе по Окѣ и Сурѣ становятся еще обильнѣе; различныя въ поляхъ остатки морскихъ животныхъ (мадрепоръ); начала появляться впервые полевая кашка (Trifolium arvense).

Владиміръ въ то время былъ весь окруженъ вишневыми садами; посреди каждаго сада стоялъ высокій шалашъ, отъ котораго шли веревки для пуганія птицъ; вишни здѣсь мелки и не особенно хороши; впрочемъ, въ Москвѣ уже стали появляться иностранные хорошіе сорта. Во Владимірѣ же мариновалось въ уксусѣ много огурцовъ для Москвы. Въ шести верстахъ отъ города рѣка Сунгиръ, гдѣ попадается много черныхъ кремней, цвѣтна яшма, встрѣчаются камни съ топорами. Клязьма обильна рыбой и покрыта ракитникомъ (Cytisus hirsutus), листва котораго хороша въ кормъ овцамъ.

Чтобы осмотрѣть хорошенько мѣстность между Клязьмой и Окой, Палласъ поѣхалъ на Касимовъ мѣстностью, поросшей сырымъ еловымъ лѣсомъ. Уже въ то время около Касимова было стеклянные заводы. На Окѣ стали появляться новыя растенія, которыхъ прежде не видно было.

Въ Муромѣ жители точно также и тогда славились огородами и садами. Съ Мурома растительность становилась еще богаче. Въ одной мѣстности, по рѣчкѣ Мотмосѣ, Палласъ встрѣтилъ цѣлую деревню

страдающую зобомъ. Онъ подробно говорилъ о залежахъ алебастра по Окѣ, о грибахъ и т. д., обо всемъ, что встрѣчалось по пути.

Арзамасъ былъ наполненъ въ то время ремесленниками, преимущественно мыльниками, кожевниками, сапожниками и т. п. Отсюда стали появляться новыя растенія, между прочимъ чемерица, растущая далѣе по Волгѣ вездѣ по сырымъ мѣстамъ; отъ нея часто мрутъ ягнята; жители весной выдираютъ ее руками съ полей.

По рѣкѣ Пьянѣ показались Мордвинскія села. Палласъ подробно описалъ одежду и образъ жизни мордвы: они отличные пахари, пчеловоды, но неряшливы; зиму проводятъ на звѣриномъ промыслѣ. Правый берегъ рѣки Пьяны—каменистый, известковый. Лѣвый покрытъ липовыми лѣсами; изъ травъ здѣсь встрѣчается Brunella, Asteramellus и др.

Осень Палласъ рѣшилъ употребить на осмотръ странъ, лежащихъ къ Пензѣ и Симбирску, и направился туда 28 августа. Теперь показался уже тучный черноземъ. Палласъ подробно говоритъ о народномъ красильномъ искусствѣ, такъ какъ здѣшняя почва благопріятствуетъ разведенію красильныхъ растеній. Пенза построена стрѣльцами при Петрѣ, городъ весьма бѣдный. За ней по Мокшѣ и Сурѣ живетъ Мордва колѣна Мокшадь, какъ они сами себя называютъ, тогда какъ прежде встрѣчавшіеся принадлежали къ колѣну Ерзадъ. Эти два колѣна различаются между собой одеждой и нѣсколько языкомъ. Палласъ занялся ихъ изученіемъ. Около Пензы купецъ Тавлѣевъ завелъ посѣвы вайды, лѣтъ десять тому назадъ, для дѣланія краски *крутика* (въ Малороссіи вайда растетъ дико). Посѣяно было до *пятисотъ* десятинъ; но дѣло это не пошло въ ходъ.

Берега рѣки Суры холмисты; на песчаныхъ мѣстахъ ея встрѣчается дикая капуста, по рѣкѣ идутъ липовые лѣса, способствующіе пчеловодству; почва—глинистый черноземъ. Къ Симбирску идетъ степь, покрытая степными травами и дикимъ персикомъ.

22 сентября Палласъ пріѣхалъ въ Симбирскъ. Мѣстность между Волгой и Свіягой обильна окаменѣлостями и колчаданомъ, который можно бы было обработывать съ пользой. Погода стояла хорошая, и Палласъ рѣшился осмотрѣть рѣку Соку и окрестности Самары. Онъ проѣхалъ Черемшанъ, рѣку заселенную Мордвой, Чувашами и Татарами, покрытую кустами бобовника (дикій персикъ) и дикой вишни,—мѣстность плодородную и густо заселенную. Палласъ опи-

сываетъ подробно одежду, образъ жизни, вѣрованія Чувашей; замѣчаетъ, что чувашскія женщины красивѣе мордовскихъ и проч.

Проѣхавъ различныя рѣчки, Палласъ достигъ верховьевъ Сока. Отсюда, до самаго ея впаденія въ Волгу, она сопровождается высокими горами, идущими отъ Урала. Во всей этой горной странѣ попадается много сурковъ. Рѣка течетъ извилисто между смыкающимися горами, по долинѣ же встрѣчаются березняки;—земля плодородна; луговъ много, какъ вдоль Соки, такъ и по Кинелю и Самарѣ. Вся эта мѣстность богата лисами, лосями, дикой козой, по татарски сайга (Cervus pygargus). Она водится по кустамъ, на поляхъ и горахъ за Волгой. Ее ловятъ зимой петлями и западнями или догоняютъ на лыжахъ. Всѣ горныя мѣста по Соку и Кинелю очень удобны для овцеводства; мѣстами попадается асфальтъ, мѣдная руда,—около Семенова нефтяные ключи. Въ верхней области Сока горы известковыя и гипсовыя; изъ растеній здѣсь попадается гороховое дерево (Robinia frutescens); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся сѣрныя болота. За Ермаковымъ идетъ страна, обильная ключами и заселенная Чувашами язычниками. Почва всюду содержитъ сѣру, и нѣкоторыя озера имѣютъ воду вонючую, сѣрную; а около такъ называемаго Сѣрнаго Городка, въ холмистой мѣстности, много сѣрныхъ источниковъ. Отсюда Палласъ отправился въ Ставропольскую провинцію, населенную Калмыками; но скоро долженъ былъ вернуться въ Симбирскъ, такъ какъ наступили уже морозы.

Въ Симбирскѣ зимой дуютъ постоянно сильные юго-западные вѣтры; Волга здѣсь шириной до двухъ верстъ и рано замерзла въ тотъ годъ. Всю зиму стояли сильные морозы.

Въ декабрѣ Палласъ поѣхалъ осматривать развалины древняго города Болгаръ. Онъ нашелъ здѣсь еще много остатковъ прежнихъ зданій, а въ окрестностяхъ много старинныхъ могилъ съ арабскими и армянскими надписями. Петръ I велѣлъ списать и перевести сорокъ девять подобныхъ надписей. Этотъ древній торговый городъ привлекалъ къ себѣ жителей изъ далекихъ странъ Азіи: здѣсь жили Персы и др. народы. Множество старинныхъ монетъ находятъ здѣсь еще и теперь. Во всѣхъ почти осмотрѣнныхъ мною, говоритъ Палласъ, по Волгѣ, къ сѣверу на Симбирскъ, мѣстностяхъ много *сурковъ* и *сусликовъ*; но суслики за Волгой, на югъ, уже крупнѣе, шерсть у нихъ сѣрая съ крапинами, хвостъ мохнатый, такъ что

они напоминаютъ сурковъ. Подъ скирдами хлѣба живетъ множество неизвѣстныхъ еще *мышей* (M. agrarius et minuta). Во всѣхъ озерахъ вдоль Волги живетъ *выхухоль*; въ лѣсахъ множество тетеревей и рябчиковъ; глухари же живутъ только въ сосновыхъ лѣсахъ по ту сторону Волги; куропатокъ нѣтъ, а большіе кулики рѣдки. Изъ рѣдкихъ птицъ встрѣчаются *трехпалые дятлы*, копчики, луни, а *варакушки*—отъ Волги до самой Сибири. Во всю зиму здѣсь, при всѣхъ незамерзающихъ рѣчкахъ, живутъ *водяные воробьи* (Cincus aquaticus).

„Не думаю, продолжаетъ Палласъ, чтобы была другая рѣка во всей Европѣ столь богатая рыбою, какъ Волга и ея притоки. Собственно въ Волгѣ живутъ и переходятъ въ притоки: бѣлуга, осетръ, стерлядь, севрюга, бѣлорыбица; затѣмъ очень много сазановъ, сомовъ, желѣзницъ (вобла) и чехони. Бѣлуги попадаются въ 30 и 45 пудовъ, осетры въ 20 и 22 пуда. Бѣлуги и осетры бываютъ иногда съ острыми и длиными носами и называются здѣсь *шипами*; они рѣже, но мясо ихъ вкуснѣе. Въ средней Волгѣ севрюга попадается чаще осетровъ. Красная рыба бываетъ въ Волгѣ только въ ноябрѣ и декабрѣ, а съ января до іюня идетъ вверхъ бѣлая рыба. *Сазаны* также попадаются замѣчательной величины, а *сомы*—въ нѣсколько пудовъ. Съ мая до конца лѣта идетъ *желѣзница* (бѣшенка) вверхъ по Волгѣ страшными стадами. У русскихъ существуетъ предразсудокъ, что отъ этой рыбы сходятъ съ ума, и потому ее бросаютъ или же за-ничто отдаютъ Мордвинамъ и Чувашамъ. Эта рыба очень хороша для копченія. *Чехонь* идетъ вмѣстѣ съ бѣшенкой. Судаковъ, лещей, головлей и другихъ рыбъ также необыкновенно много въ Волгѣ, особенно изобилуютъ въ ней лещи. Въ Волгѣ много миногъ, но ихъ не ловятъ. Угрей нѣтъ, но за то множество налимовъ; ихъ ловятъ зимой подо льдомъ, насаживая на крючки рыбы. Раковъ много, очень крупныхъ, но не вкусныхъ; ихъ ловятъ зимой, опуская въ прорубъ саки съ камнями и кусками рыбы и вынимаютъ по нѣсколько разъ въ день“.

„Я думаю, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ столько остроумныхъ, удобныхъ способовъ и прекрасно придуманныхъ снарядовъ для ловли рыбы, какъ на Волгѣ, говоритъ Палласъ“.

„Осетровъ на зиму сажаютъ въ озера; другую же рыбу сейчасъ потрошатъ и солятъ. Бѣлуга даетъ до пяти пудовъ икры, осетръ же фунтовъ 30, севрюга—10 и 12 фунтовъ. Очищенную и посолен-

ную икру кладутъ въ ящики съ дырами на днѣ, сверху накладываютъ гнетъ, или же выжимаютъ ее просто въ холщевыхъ мѣшкахъ. Икру изъ сазановъ и лещей бросаютъ гусямъ и курамъ. Пузыри рыбы идутъ на клей; самый лучшій получается изъ осетровъ. Изъ всѣхъ большихъ рыбъ худшая—сомъ; съ него сдираютъ кожу и сухую вставляютъ въ окна вмѣсто стеколъ."

Кромѣ изученія животныхъ, Палласъ зимою ѣздилъ въ деревню Чириково, въ тридцати верстахъ отъ Симбирска, гдѣ находится множество слоновыхъ костей.

2. Хребетъ горъ Самарской луки. — Сѣрный городокъ. — Весна въ Самарѣ изученіе окрестной природы. — Сызрань. — Сѣрная гора.—Дорога изъ Самары въ Оренбургъ; природа страны между рѣками Самарой и Кинелью.

Весну Палласъ рѣшился провести въ окрестностяхъ Самары и 10 марта 1769 года выѣхалъ изъ Симбирска. Онъ отправился въ Ставрополь, чтобы осмотрѣть Самарскую луку.

Отъ устья рѣки Усы начинается хребетъ высокихъ горъ, вершины которыхъ покрыты сосновымъ боромъ. Съ рѣчной стороны хребетъ этотъ представляетъ голыя каменныя стѣны и множество расщелинъ, вообще же видъ его весьма живописенъ. Это хребетъ Маркващинскихъ и Жигулинскихъ горъ. На этихъ каменныхъ берегахъ было несмѣтное количество хищныхъ птицъ, вьющихъ лѣтомъ здѣсь гнѣзда, особенно было много бѣлохвостыхъ орловъ (Vultur albicilla), а въ ущельяхъ гнѣздились соколы. Лѣтомъ сюда прилетаютъ красныя утки, называемыя здѣсь *карагатками*. Въ лѣсахъ живутъ черный и бурый медвѣдь, иногда рысь, куницы встрѣчаются рѣдко, весьма крупныя бѣлки, которыхъ по Самарѣ и Соку множество. Горы эти известковыя и при влажномъ воздухѣ, передъ ненастьемъ, онѣ покрываются туманомъ, а весной здѣсь царствуютъ постоянные туманы. Мѣстами горы подымаются болѣе ста саженей; при подошвѣ хребта бьютъ незамерзающіе ключи и образуютъ полыньи. Первое мѣсто встрѣчаемое среди этихъ высокихъ горъ—это деревня Маркваши, лежащая въ углубленіи, образуемомъ горами. Мѣстность эта чрезвычайно красива.

Лѣвый берегъ Волги тоже гористъ, хотя горы ниже; эта мѣстность волнообразная, покрытая лѣсами. При впаденіи Курумы въ Соку, отъ цѣпи идущихъ здѣсь известковыхъ горъ, отдѣляется холмъ

извѣстный подъ именемъ „Царева кургана». Далѣе лежитъ Сѣрный Городокъ, гдѣ добываеся отличная самородная сѣра и—Сокольья гора, состоящая изъ известняковъ, изрытыхъ норами и пещерами. Отсюда Палласъ отправился въ Самару.

Хотя было еще только начало апрѣля, однако уже южные склоны холмовъ, окружающихъ Самару, были совершенно свободны отъ снѣга. Вокругъ Самары цвѣло множество дикихъ яблонь, гороховаго дерева (чилига) и различныхъ цвѣтовъ. 9-го апрѣля вскрылась Самара. Показались стадныя птицы; 19 и 20 пролетѣли лебеди, гуси и множество дикихъ утокъ. Я замѣтилъ, говоритъ Палласъ, что стадныя птицы летятъ обыкновенно отъ запада къ сѣверо-западу, тогда какъ бабы, аисты (стерхи), журавли и пр. летятъ сюда съ юга. Изъ прочихъ птицъ въ половинѣ марта показались сойки, а въ исходѣ марта дикіе голуби, скворцы, жаворонки и, наконецъ, хохлушки (удоды). Въ тоже время, на мѣстахъ, гдѣ растаялъ снѣгъ, показались во множествѣ *суслики*. Насѣкомыя явились вмѣстѣ съ цвѣтами; пчелы и шмели начали брать взятку съ вербы, съ пчелами показались и бабочки. Но не смотря на теплую погоду и множество насѣкомыхъ, ласточекъ не было до 16 апрѣля, когда онѣ показались вмѣстѣ со *щурками*:—это доказываетъ, что онѣ принадлежатъ къ перелетнымъ стаднымъ птицамъ, иначе онѣ бы показывались тотчасъ вслѣдъ за появленіемъ насѣкомыхъ. Осенью наступающіе морозы рано изгоняютъ ихъ отсюда.

Какъ скоро ледъ на Волгѣ прошелъ, появилось множество судовъ, шедшихъ внизъ, въ Астрахань, съ лѣсомъ, деревянной посудой, а изъ низовыхъ странъ—съ солью, кожами и саломъ. Земля около Самары глинистая, или песчаная съ камнями, множество буераковъ, въ которыхъ попадаются красивые кремни и агаты, собираемые отсюда для Екатеринбургской гранильной фабрики. Верстахъ въ 5 отъ города попадаются агаты въ гипсѣ. Верстахъ въ 20 отъ Самары начинается настоящая черноземная степь, покрывающаяся травой въ ростъ человѣка; весной обыкновенно старая трава выжигается.

„Рѣка Самара имѣетъ гористые берега, мѣстами необыкновенно удобные *для разведенія винограда*, такъ какъ виноградъ любитъ иловатую землю. Вообще, здѣсь могли бы быть прекрасные *фруктовые сады*. Здѣсь много бахчей; разводятъ *стручковый перецъ*,

который прежде сѣятъ, какъ капустную расаду, въ ящикахъ, а въ началѣ іюня разсаживаютъ въ гряды. Спѣлые стручки сушатъ въ печи, затѣмъ толкутъ и продаютъ 2 р. ас. за пудъ для приправы въ пищу. Въ Астрахани его разводятъ еще болѣе. Огороды для него дѣлаютъ на низкихъ мѣстахъ. Здѣсь много дикихъ яблонь, дикаго персика (бобовника), дикой вишни, изъ которой выжимаютъ сокъ и сохраняютъ его въ погребахъ; если этотъ морсъ заквасить, то получается превосходный ароматическій уксусъ. Здѣсь также много кустарниковъ, которые могли бы быть хорошимъ украшеніемъ сѣверныхъ садовъ: гороховое дерево, спирея (таволга), некленъ, жимолость, ракитникъ и др. Вокругъ Самары, по уваламъ, растетъ много прекрасныхъ дикихъ цвѣтовъ; много дикой спаржи, какъ и вездѣ по Волгѣ; но лучшая растетъ на низкихъ мѣстахъ. Изъ животныхъ здѣсь нашелъ Палласъ такъ называемую *земляную бѣлку* (Sciurus glis), которыхъ въ Италіи откармливаютъ для стола знатныхъ. Замѣчателенъ также *земляной заяцъ* (Lepus minutus); онъ водится въ мѣстахъ заросшихъ травой и кустарниками, дѣлаетъ глубокія норы, изъ которыхъ выходитъ въ сумерки и кричитъ громко, почти перепелинымъ голосомъ; зимой дѣлаетъ ходы подъ снѣгомъ, по дерну; питается листьями рапонтика и сочными травами. Вдоль Самары и въ озерахъ много выхухоли; она попадается осенью и весной въ рыболовныя сѣти. Такая теплая и сухая страна, какъ Самара, весьма обильна ящерицами. Почти изъ-подъ каждаго куста можно выгнать нѣсколько сѣрыхъ и зеленыхъ ящерицъ; встрѣчаются также и ядовитыя змѣи. По всей южной Волгѣ живутъ тарантулы; около Самары ихъ очень много: едва станетъ снѣгъ, какъ всегда можно находить ихъ довольно глубокія норы. Крестьянскія дѣти часто вырываютъ ихъ, чтобы играть ими, вытягивая изъ нихъ паутину. Кусты татарской жимолости покрыты шпанскими мухами. Вообще вся эта страна обильна весьма замѣчательными насѣкомыми. Нигдѣ я не видалъ такого множества собачьихъ и другихъ клещей, говоритъ Палласъ, какъ въ окрестностяхъ Самары. Замѣчательно также обиліе слоновыхъ и буйволовыхъ костей, находимыхъ въ Иргизѣ“.

Апрѣль мѣсяцъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ изслѣдованіямъ, и потому Палласъ продолжалъ свое путешествіе между Усою и Волгою. Здѣсь Палласа удивилъ способъ посѣва хлѣбовъ: крестьяне овесъ и другіе хлѣба разсѣваютъ прямо по непаханной

землѣ и уже послѣ разсѣва начинаютъ пахать. По берегамъ Волги, въ буеракахъ, Палласъ видѣлъ много *варакушекъ*, которыя гнѣздятся по скалистымъ берегамъ рѣки. Изъ замѣчательныхъ мѣстъ особенно обратилъ на себя его вниманіе, по своей растительности, Пустыльный Буеракъ.

5 мая Палласъ отправился въ Сызрань. По дорогѣ онъ видѣлъ, въ степи, много *красныхъ утокъ*; онѣ гнѣздятся въ щеляхъ горъ и въ норахъ брошенныхъ сурками. Разсказываютъ, что онѣ, подобно горнымъ уткамъ, сами дѣлаютъ въ горахъ ходы для кладки яицъ и таскаютъ въ носахъ своихъ дѣтенышей къ водѣ. Крестьяне на ихъ яйца сажаютъ домашнихъ утокъ; но эти выводки не бываютъ уже такъ красивы и плодущи, какъ дикіе.

Пріѣхавъ въ Сызрань, Палласъ занялся осмотромъ окрестныхъ мѣстностей, наблюдая, по своему обыкновенію, все встрѣчающееся на пути. Онъ осмотрѣлъ берега Кашпурки, гдѣ нашелъ много белемнитовъ, амонитовъ и проч. Ночью въ степи раздавались голоса тысячи *дергачей*. Здѣсь въ степяхъ живетъ неизвѣстное въ Европѣ животное—*перегузня* или *перевязня* (Mustella Sarmatica): ея тигровая шкура весьма красива; это животное похоже на обыкновенную выдру. Въ Сызрани держатъ китайскихъ гусей, *сухоносовъ*, съ горбатыми носами. Отсюда Палласъ отправился осматривать мѣстности по Усѣ и съѣхался съ академиками *Islandкомъ*

и *Лепехинымъ*. Они посѣтили нѣкоторыя чувашскія деревни, отправились въ Самару, а затѣмъ Палласъ вмѣстѣ съ Фалькомъ поѣхалъ осматривать гору около Сѣрнаго Городка. Эта гора подымается сажень на сто; сѣра находится въ ней въ гипсовыхъ пластахъ и попадается иногда кусками въ нѣсколько фунтовъ. Гора покрыта густымъ лѣсомъ; отъ нея идетъ долина, замѣчательная холоднымъ воздухомъ и отсутствіемъ комаровъ. 30 мая Палласъ возвратился въ Самару. Волга здѣсь приходитъ въ свои берега только къ половинѣ іюня. Песчаные острова покрылись уже цвѣтами; растительность такая же, какъ и на берегахъ Оки. Комары и слѣпни наполняли тучами воздухъ.

Изъ Самары Палласъ часть своихъ людей отправилъ черезъ землю калмыковъ на Яикъ, самъ же поѣхалъ на Оренбургъ, дорогою вдоль рѣки Самары. Рѣка эта очень богата рыбою: въ ней ловятся стерляди, сазаны, лобачи, миноги и др. Изъ насѣкомыхъ обратили на себя вниманіе Палласа голубые кузнечики.

Лѣтняя дорога въ Оренбургъ идетъ вдоль лѣваго степнаго берега Самары.

Страна вдоль Самары привела Палласа въ восторгъ.

„Нельзя, говоритъ онъ, представить себѣ страну пріятнѣе: сосновые, осиновые и березовые лѣса, прекрасные луга, цвѣтущія холмы, обиліе дичи и разныхъ полезныхъ животныхъ. Жаль только, что эта прекрасная страна такъ рѣдко населена. Здѣсь водится *сайга*; зимой кочуетъ *лось*, питаясь молодыми вѣтвями и корой тополя и осины, ростущихъ здѣсь обильно. Лѣтомъ же лось скрывается въ гористой степи, гдѣ кормъ также обиленъ. Эти страны особенно пріятны дикимъ козамъ (Cervus pygargus), ибо зимою съ горныхъ склоновъ снѣгъ сметаетъ вѣтромъ, и животныя легко находятъ себѣ кормъ. Въ мартѣ казаки бьютъ много этихъ козъ и лосей, гоняясь по насту за звѣрями на лыжахъ. Найдя слѣдъ звѣря, охотники загоняютъ его въ долины, гдѣ животное тонетъ въ глубокомъ снѣгу, стрѣляютъ его или убиваютъ рогатинами. Дикія козы во время преслѣдованія ихъ, проваливаясь черезъ тонкую кору, такъ повреждаютъ себѣ ноги, что бываютъ не въ состояніи двигаться далѣе. Лоси обороняются сильно отъ собакъ и убиваютъ ихъ копытами. Въ ноябрѣ лось теряетъ свои тяжелые рога. Лосиха телится въ апрѣлѣ двумя телятами. Мясо лося казаки бросаютъ, а кожа продается по 2 руб. ассиг. По рѣкамъ Самарѣ и Кинелю водятся горностаи, въ лѣсистыхъ же мѣстностяхъ—куницы. Кромѣ того здѣсь много лисицъ и выдръ; бобровъ немного. Чѣмъ далѣе вверхъ по Самарѣ, тѣмъ лисы становятся по шерсти хуже и походятъ на сѣрую степную лису—*караганъ*. Рѣка Кинель имѣетъ одинъ берегъ крутой, а другой луговой подобно Самарѣ и Волгѣ. Во всей здѣшней странѣ ростутъ: ритеръ-шпоры, сенеціо-доріа, дикая морковь, которую болѣе я нигдѣ не встрѣчалъ, и много другихъ растеній; гороховое дерево составляетъ здѣсь цѣлые кустарники; тополей такъ же много, какъ на Яикѣ.“

Здѣсь же Палласъ увидѣлъ пестрыхъ лягушекъ, протяжно квакающихъ всю ночь; онѣ величиною съ жабу, имѣетъ короткія заднія ноги, отчего тихо прыгаютъ. Далѣе дорога шла все вдоль Кинеля то голой степью, то покрытой травою въ ростъ человѣка *порѣзная трава* (Cervaria), страною обильной ключами. На этомъ пути Палласъ проѣхалъ значительную Черкасскую слободу, заселенную малороссами, разводившими овецъ, табакъ, кукурузу,

арбузы и собиравшими лѣтомъ дикаго червеца. Мѣстами попадались березовыя рощи. Вездѣ живутъ здѣсь сѣрые большіе *суслики* (овражки) и *сурки*. Между Самарой и Кинелью въ долинахъ, поросшихъ кустарниками, водятся медвѣди. Въ степяхъ множество журавлей и сѣрыхъ гусей. Всюду растетъ гороховое дерево, достигая роста человѣка; здѣсь же въ первый разъ Палласъ увидѣлъ *солончаковое растеніе* (сальсоль). Наконецъ, пріѣхалъ онъ къ Бузулуцкому укрѣпленію, откуда проходитъ гористая степь и гдѣ берутъ начало Каралыкъ, Бузулукъ, Иргизъ и другія рѣки. Здѣсь ловятъ дикихъ лошадей для ѣды: это одичалыя, бѣглыя лошади, бурыя съ сѣрыми хвостами и гривами; онѣ ходятъ табунами въ 5 или 20 лошадей. Онѣ лѣто и зиму пасутся въ обильной водами степи; зимой находятъ кормъ на мѣстахъ обнаженныхъ отъ снѣга. По рѣкѣ Бузулуку прежде водились выдры, кабаны и бобры, но казаки истребили ихъ; медвѣди же, язвецы и лоси водятся еще. Нынѣшнимъ лѣтомъ, вслѣдствіе засухи въ южныхъ степяхъ, сюда перекочевали стада *сайгаковъ*. Казаки молодыхъ ловятъ въ степи и легко приручаютъ. Они любятъ полынь, божье дерево и другія горькія травы. Мясо ихъ имѣетъ пахучій вкусъ.

Такимъ образомъ проѣхавъ Солончаковую степь, Палласъ прибылъ къ верховьямъ Яика, въ крѣпость Татищево. Растительность въ этихъ мѣстахъ приняла другой характеръ, явилось: божье дерево, дикій укропъ (Peucedanum), солодковое дерево (Glycirrhiza hirsuta), которыя и покрываютъ цѣлыя поля. Попадалась саранча. Лѣтомъ сюда залетаютъ *фазаны*, гнѣздясь въ лощинахъ, поросшихъ кустами. Эта птица обильно водится въ Киргизской степи. Отправивъ тяжести въ Оренбургъ. Палласъ подъ прикрытіемъ казаковъ (отъ нападенія киргизовъ) отправился къ Илецкой защитѣ. Палласъ прибылъ въ Оренбургъ 1-го іюля, въ этотъ главный пунктъ тогда мѣновой торговли съ внутренней Азіей.

3. Илецкая защита.—Губерлинскія горы.—Яицкіе казаки.—Уральскія рыбы и ихъ ловля.—Ловля въ Каспійскомъ морѣ.—Замѣтки о хозяйствѣ и окрестной природѣ.—Слѣдованіе спутниковъ Палласа отъ Самары до Яика.

Берега Яика (Урала) покрыты кустами и особенно тополемъ. Палласъ дѣлаетъ замѣчаніе, что вся страна между Яикомъ и Волгой очень способна для разведенія верблюдовъ.

3 іюля Палласъ отправился для изслѣдованія соляныхъ заво-

довъ въ Илецкой защитѣ. Въ степи, по рѣчкѣ Илеку, въ тростниковыхъ лощинахъ, живетъ много кабановъ. Дорога шла черезъ рѣчки, протекающія по холмистой пустынѣ. Илецкая Защита окружена гипсовыми холмами, гдѣ ломается чистая, крѣпкая и бѣлая каменная соль; иногда попадаются кубическіе куски соли вѣсомъ въ пудъ, чистые, какъ хрусталь. На соляной почвѣ Илецкой Защиты растетъ отлично душистый виргинскій табакъ. По всему Яику цвѣтутъ желтые и красные тюльпаны (T. Gesneriana). Отсюда Палласъ отправился къ Орской крѣпости. Между Яикомъ и рѣкою Сакмарою идетъ горная полоса, богатая рудами. Это ничто иное, какъ продолженіе Уральскихъ горъ, соединяющихся съ Губерлинскими горами. Вся эта страна покрыта горами, часто высокими и весьма причудливыми, какъ напр. Верблюжья гора; вдоль рѣчекъ—прекрасная растительность.

Губерлинскія горы—дикія, голыя, въ ращелинахъ; въ нихъ, вѣроятно, скрываются богатыя руды. Между лежащими по обѣ стороны Яика голыми скалами гнѣздятся во множествѣ желтые орлы—*беркуты*; изъ другихъ-птицъ сычи (St. nictea), а зимой—бѣлая куропатка (Tetrao lagopus). Губерлинскія горы получили свое названіе отъ рѣчки Губерлы, впадающей въ Яикъ. Дорога черезъ эти горы весьма трудная и опасная. Затѣмъ Палласъ отправился въ Орскую крѣпость, гдѣ *Эйлеръ* производилъ свои наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца.

17 іюля Палласъ вернулся въ Оренбургъ, а отсюда отправился изслѣдовать нижнее теченіе Яика, а потому пріѣхалъ въ Яицкой Городокъ, средоточіе праздной жизни яицкихъ казаковъ. Палласъ обратилъ вниманіе на экономическое положеніе страны. Онъ говоритъ, что по Яику можно бы было держать множество верблюдовъ, такъ какъ растущія здѣсь соленыя и колючія травы только и могутъ быть полезны верблюдамъ. Казаки съ большой выгодой занимаются здѣсь скотоводствомъ. По Яику, въ степяхъ, казаки устраиваютъ зимовья, косятъ тамъ сѣно и ставятъ шалаши на зиму, гдѣ живутъ артелью. Лошади у нихъ хорошія, постоянно пасутся въ степи и достаютъ сами себѣ кормъ. Кромѣ того въ степи казаки имѣютъ хутора, гдѣ содержатъ по-многу скота. Скотъ они гоняютъ въ приволжскіе города. Казаки занимаются также и охотой: они бьютъ кабановъ, степныхъ лисицъ, бобровъ и волковъ. Но главный промыселъ казаковъ—

рыбная ловля, для которой здѣсь заведены хорошія порядки. Рыбу ловятъ четыре раза въ годъ.

Первый — главный ловъ — бываетъ въ январѣ, когда рыбу таскаютъ баграми. Этотъ ловъ называется *багреніемъ*. Второй ловъ, съ мая до іюня, называется *вешняя плавня*: въ это время ловится севрюга—это севрюжій ловъ. Третій ловъ, *осенняя плавня*, бываетъ въ октябрѣ; въ это время рыбу ловятъ сѣтями. Кромѣ того ловятъ въ декабрѣ подо льдомъ рыбу въ рѣкѣ и озерахъ мелкую, для своеро обихода. Выше Яицкаго Городка казаки рѣку перегораживаютъ заколомъ, чтобы рыба не подымалась вверхъ по рѣкѣ. Въ Яикѣ водятся тѣже рыбы, что и въ Волгѣ. Здѣсь только нѣтъ желѣзницы и малыхъ осетровъ, называемыхъ на Волгѣ *кастерами*. Вся крупная рыба здѣсь называется *красной*, а мелкая—*бѣлой*.

Въ февралѣ идетъ подо льдомъ стадная рыба—*бѣлорыбица*, которую и ловятъ удочками на куски рыбы. Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ идутъ разныя *осетровыя рыбы*. Сперва входитъ въ Яикъ бѣлуга, за ней—осетры и стерляди, а въ концѣ апрѣля—севрюга. Севрюги въ рѣку входитъ болѣе, чѣмъ бѣлуги. Всѣ эти рыбы входятъ стадами; особенно севрюги бываетъ несказанное множество. Казаки разсказывали Палласу, что прежде отъ напора рыбы прорывались поставленные поперегъ рѣки заколы (учуги) и, чтобы разогнать рыбу, съ берега палили изъ пушекъ. Извѣстно, что рыба идетъ вверхъ для метанія икры.

Осетры въ апрѣлѣ трутся объ каменистыя мѣста рѣки и выпускаютъ изъ себя икру; съ половины мая до половины іюня тоже самое дѣлаетъ севрюга. Но ни въ Волгѣ, ни въ Яикѣ никогда не видно осетровыхъ дѣтенышей, тогда какъ мелкая стерлядь попадается часто. Казаки увѣряютъ, что осетры и бѣлуги живутъ въ рѣкѣ всю зиму, а севрюга лѣтомъ уходитъ назадъ въ море. Поэтому казаки въ маѣ ловятъ севрюгу, но не ловятъ бѣлугу и осетровъ, потому что они зимой дороже. Осетровъ и бѣлугъ въ февралѣ ловятъ баграми—*багрятъ*. Говорятъ, что эта рыба осенью заходитъ въ глубокія мѣста рѣки на зиму, а какъ здѣсь отъ песковъ часто мѣняется дно, то нельзя знать, гдѣ на нынѣшній годъ остановилась рыба. Поэтому съ осени слѣдятъ за рыбой, гдѣ она станетъ играть, ибо значитъ здѣсь она выбрала зимовку. Или же, какъ скоро рѣка замерзнетъ, но не покроется снѣгомъ

казаки накрывшись полотенцами, смотрятъ черезъ ледъ на стоящую на днѣ рыбу. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ обыкновенно бываетъ больше рыбы.

Время лова рыбы—самое оживленное и дѣятельное въ жизни казаковъ. Въ январѣ, въ назначенный день, всѣ казаки собираются; все должно быть готово; указанныя правила соблюдаются строго. Каждый казакъ получаетъ ярлыкъ на ловлю. Снасти заранѣе заготовлены. Багры дѣлаются разной длины съ острыми крюками. Короткій багоръ—отъ 3 до 5 саженей; яровый дѣлается саженей въ 10 для ловли въ ярахъ или съ крутыхъ береговъ. Самые длинные багры—въ 15 саженей. Кромѣ того у каждаго казака подбагренникъ, сажени въ полторы, для вытаскиванія рыбы на ледъ. Въ назначенный день всѣ казаки, еще до восхода солнца, собираются передъ городомъ; дѣлается осмотръ—у всѣхъ ли есть ружья на случай нападенія киргизовъ. Эсаулы увѣщеваютъ народъ соблюдать должный порядокъ; изъ города даютъ знакъ двумя пушечными выстрѣлами, и всѣ кидаются вскачь къ рѣкѣ, чтобы захватить лучшія мѣста. Однако никто не смѣетъ прорубать прорубь, пока всѣ не станутъ на мѣста, и атаманъ ружейнымъ выстрѣломъ не дастъ сигнала начинать. Рѣка для ловли дѣлится на двѣ части: одна—для весенняго и осенняго лова, другая—только для багренія. Часть назначенная для багренія, начинается у самаго города и идетъ до Антоновскаго форпоста; отсюда до моря часть назначается для лова сѣтьми. Отъ города до форпоста сухимъ путемъ 218 верстъ, а по рѣкѣ 400 верстъ. Сначала ловятъ одинъ день, чтобы на вырученные деньги скудные (бѣдные) казаки купили корму лошадямъ и необходимыя себѣ вещи. Спустя шесть дней, ловъ начинается за 55 верстъ отъ города. Это большой ловъ—*коловертное багреніе.* Этотъ ловъ продолжается девять дней и для каждаго дня назначается особый участокъ. Подъ конецъ дается одинъ день для лова на домашній обиходъ, такъ называемое *плавное багреніе.*

Каждый день до разсвѣта казаки собираются на назначенномъ участкѣ, становятся, гдѣ кто успѣетъ, и дѣлаютъ одну прорубь, держатъ въ каждой рукѣ по багру, острымъ концомъ противъ воды, потому что встревоженная рыба пойдетъ внизъ искать глубокихъ мѣстъ. Багры держатся вершка на три ото дна: идущая по дну рыба попадаетъ на багоръ. Казакъ подымаетъ ее къ верху, пока не подцѣпитъ подбагренникомъ и не вытащитъ на ледъ. Въ

самыхъ глубокихъ мѣстахъ казакъ держитъ только одинъ багоръ. Такъ какъ багромъ водятъ вокругъ всего проруби, то часто случается, что два казака поймаютъ одну и ту же рыбу. Тогда они ее дѣлятъ пополамъ. Также поступаютъ, если не можетъ вытащить одинъ и зоветъ на подмогу товарища. Во время этой удивительной ловли казаку иногда посчастливится въ одинъ день вытащить десять большихъ рыбъ. И напротивъ — другой цѣлые дни не вытащитъ ни одной рыбы и въ цѣлый мѣсяцъ не заработаетъ на вооруженіе и долги. Поэтому у нихъ сложился обычай, что при отъѣздѣ на ловлю каждый казакъ обѣщаетъ первую рыбу церкви. Часто случается, что казакъ вытаскиваетъ на багрѣ лягушку, которыя здѣсь очень велики; тогда онъ уже увѣренъ, что во всю зиму не поймаетъ ни одной рыбы. Эти удивительные ловцы могутъ слышать на багрѣ не только лягушку, но и маленькую рыбу, и все-таки вытаскиваютъ лягушекъ.

Второй большой ловъ, *севрюжій*, бываетъ весной. Какъ скоро въ маѣ изъ Гурьева, гдѣ наблюдается за рыбой, дадутъ знать, что она вошла въ устья, тотчасъ всѣ приготовляются къ лову. Порядокъ соблюдается и здѣсь такой же, какъ при зимнемъ ловѣ. Ловъ начинаетъ отъ Антиповскаго форпоста и идетъ вплоть до Гурьева. Онъ дѣлится на девять участковъ: при каждомъ ловѣ черезъ рѣку протягивается веревка, обозначая такимъ образомъ грани участка. Въ каждомъ участкѣ ловятъ девять дней; у Гурьева же только три дня, ибо рыба уже начинаетъ возвращаться назадъ въ море. Послѣдній день ловятъ у самаго моря. Ночью даютъ рыбѣ войти въ выловленныя мѣста.

Вотъ какъ происходитъ самый ловъ: казаки сидятъ въ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ толстаго тополя, сами гребутъ и управляютъ сѣтями. Сѣти дѣлаютъ длиною до тридцати сажень и въ двѣ рѣши; первая сѣть—изъ крупныхъ петелъ, вторая—изъ мелкихъ веревокъ. Закинувъ сѣти казакъ плыветъ на лодкѣ: севрюга, идя противъ воды, проходитъ безпрепятственно черезъ первую сѣть; но завидя вторую, поворачиваетъ назадъ, задѣваетъ плавниками и шероховатой спиной, и попадается въ добычу казаку. Отъ безчисленнаго множества снующихъ лодокъ вода въ рѣкѣ становится мутною и рыба не видитъ сѣтей. Говорятъ, что отъ крика и стука много рыбы уходитъ обратно внизъ и тамъ скопляется въ такомъ множествѣ, что трудно себѣ представить.

Въ началѣ октября въ низовыхъ ловятъ сѣтями всякую рыбу; подо льдомъ же ловятъ по преимуществу *чехонь*.

Осетры продаются десятками 30—45 р. ас., но большой осетръ одинъ стоитъ 7 р. Бѣлужина вдвое дешевле. Самая крупная бѣлуга бываетъ въ 25 пудовъ, а икры изъ нея выходитъ до 5 пудовъ, цѣною полтора рубля, потому что она плоха. Осетръ длиною въ сажень вѣситъ 5 пудовъ, икры иногда выходитъ до пуда: это самая лучшая икра, цѣною 2 р. ас. пудъ. Лѣтъ пять тому назадъ, разсказываетъ Палласъ, осетры показались съ бѣлой икрой, гораздо вкуснѣе обыкновенной. Икру солятъ, кладя одинъ фунтъ соли на пудъ икры. Замѣчено, что чѣмъ рыба выше зайдетъ по рѣкѣ, тѣмъ икра вкуснѣе. Севрюга ловится въ жаркую пору, поэтому ее сейчасъ же крѣпко солятъ, а потомъ отчасти вялятъ. Очень жаль, что ее не солятъ въ бочкахъ или не приправляютъ уксусомъ и перцемъ, отчего она была бы лучше, а то теперь много ея выбрасывается. Севрюжью икру солятъ, кладя два фунта соли на пудъ икры, разстилаютъ на рогожахъ на солнцѣ, давятъ ногами и продаютъ 80 коп. ас. пудъ, ибо севрюжины очень много вылавливается. Самая лучшая здѣсь икра—мѣшечная. Ее приготовляютъ такъ: икру кладутъ въ узкіе мѣшки и поливаютъ разсоломъ; когда же достаточно просолится, ее выжимаютъ и укладываютъ въ бочки; цѣна ей — пудъ полтора рубля ас.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ изъ Самары Палласъ отправилъ студента Соколова для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства, столько же важнаго для Россіи, какъ для другихъ государствъ важна ловля сельдей. Онъ сообщилъ слѣдующее. Ближайшее мѣсто ловли отъ устьевъ Яика есть такъ-называемый „Богатый Култукъ", куда вливается рукавъ — мокрый Баксай. Хвалынское море вскрывается въ мартѣ ото льда, который уходитъ на средину моря. Въ апрѣлѣ начинается ловъ. Устья Урала—самое богатое мѣсто для лова въ Каспійскомъ морѣ, а на западъ вдоль берега, верстъ на полтораста, нѣтъ ловли красной рыбы, а ловятся только сомы и сазаны. Это происходитъ оттого, что осетровыя рыбы живутъ только въ мѣстахъ мелкихъ по берегу, гдѣ вода не такъ солона или гдѣ впадаютъ ручьи прѣсной воды: она здѣсь мечетъ икру или же входитъ въ рѣки на зимовку. Въ этихъ же мѣстахъ, по случаю обилія камышей и морской травы, держится много мелкой рыбы, которая

служитъ пищею для крупной. Затѣмъ рыба снова появляется тамъ, гдѣ воды Волги умѣряютъ соленость морской воды.

Около Гурьева, въ морѣ, ловятъ только красную рыбу—сомовъ и сазановъ. Около Богатаго Култука расположено пять ватагъ, каждая въ 50 — 120 человѣкъ судорабочихъ, солильщиковъ, икряниковъ, клеевщиковъ и прочихъ мастеровъ. Цѣны на рыбу здѣсь слѣдующія: севрюга отъ 4 до 6 коп. ас., а бѣлуга отъ 8 до 12 коп. за фунтъ. При каждой ватагѣ находятся сараи для приготовленія икры, клея и вязиги и обширные ледники, вдоль стѣнъ которыхъ разставлены разсольные ящики. Такъ какъ погреба должны быть глубоки, то ватаги строятся на буграхъ близъ моря. Клей и икра обложены въ казну, съ пуда клея 5 р. ас., а съ пуда икры 2 р. 80 копѣекъ.

Весной морскіе заливы наполняются бѣлугами и севрюгами. Бѣлуги бываютъ безъ икры и ходятъ сюда кормиться, севрюга же здѣсь мечетъ икру. Зимою здѣсь бываетъ только бѣлуга, которая заходитъ или для метанія икры или же зимовать. Осетры заходятъ только въ устья рѣкъ, а поэтому осетры въ ватагахъ составляютъ рѣдкость, и работникъ, поймавшій какъ-нибудь осетра, получаетъ его въ собственное распоряженіе.

Весенняя ловля нерѣдко начинается съ половины марта. Въ это время къ берегамъ моря прибываетъ безчисленное множество мелкой рыбы, особенно *воблы* (рыба вершка въ четыре); это самая любимая пища бѣлуги, за которой она слѣдуетъ огромными стаями. Весной воблу ловятъ и сажаютъ въ садки для приманки.

Настоящая ловля бѣлугъ продолжается недѣли полторы, когда бѣлуга играетъ и пристаетъ къ берегамъ безчисленными стаями. Если упустить это время, то можно остаться безъ рыбы, поэтому суда стоятъ на готовѣ въ морѣ и сейчасъ же пускаются на ловлю, какъ придетъ рыба. Лучшій ловъ бываетъ тогда, когда вѣтеръ дуетъ съ моря и пригоняетъ рыбу къ берегамъ. Каждое судно можетъ поймать въ сутки 50 и болѣе бѣлугъ. Ловятъ посредствомъ длинныхъ, аршинъ въ семьдесятъ, канатъ; къ каждому канату прикрѣпляется сто двадцать полутора-саженныхъ веревокъ съ крючками. Такой канатъ называется *гнѣздомъ*; нѣсколько гнѣздъ составляютъ *снасть*. Между двумя гнѣздами вѣшается камень и пукъ тростнику; на концахъ снасти прикрѣпляются пни съ очень тяжелыми кошками (якорями), которыя касаются дна; на всѣхъ крючкахъ на-

саживается вобла; на концѣ снасти на шестѣ плаваетъ указательный снопъ. Бѣлуга бросается на плавующую воблу и зацѣпляется на крюкъ; кошки не даютъ ей утащить снасть и удерживаютъ ее. Снасти осматриваютъ два раза въ день; снятую съ крюка рыбу тащатъ подъ водой къ берегу на веревкѣ. Это называется сажать рыбу *на куканъ;* иногда прямо тащатъ всю снасть къ берегу.

У средней величины бѣлуги языкъ и желудокъ такъ велики, что въ желудкѣ могутъ помѣститься два молодыхъ тюленя. Икру, вязигу и пузырь вынимаютъ, сало около молокъ собираютъ и топятъ; ведро его стоитъ 40 — 45 к. ас. Затѣмъ рыбу кладутъ въ погребѣ въ разсолъ на полтора сутокъ, а потомъ, разложивъ, постоянно солятъ. Вынувъ изъ разсола, вырѣзаютъ бока и спину и сушатъ — эти части называются *балыкомъ* (т. е. рыба по-татарски).

Въ 1769 году поймали бѣлугу въ семьдесять пудовъ; икры изъ нея вынули двадцать пудовъ. Иногда ловятъ, разставивъ сѣти въ тростникѣ, гдѣ бѣлуга бросается не только на рыбу, но и на гусей, утокъ, тюленей и даже глотаетъ куски дерева.

По окончанiи бѣлужьяго лова начинается севрюжiй. Этотъ ловъ бываетъ однажды въ годъ и продолжается двѣ недѣли. Севрюгу ловятъ сѣтями; при южномъ вѣтрѣ на каждую ватагу вылавливаютъ до двадцати тысячъ штукъ. Ловля севрюгъ важнѣе по икрѣ, приготовляемой или въ видѣ зернистой, или мѣшечной. Зернистую приготовляютъ такъ: очистивъ отъ перепонокъ, солятъ съ-часъ и забиваютъ въ боченки; мѣшечную—по полупуду набиваютъ въ мѣшки и выжимаютъ подъ гнетомъ, потомъ уминаютъ ногами, надѣвъ кожанные чулки; наконецъ, засмаливаютъ бочку. Паюсную икру, худшую, работники приготовляютъ для себя; пудъ ея въ Астрахани стоитъ 40 и 50 к. ас., а мѣшечной — 2 р. ас. Клей севрюжiй считается лучшимъ. Въ Астрахани рыбу продаютъ сотнями; сто бѣлугъ среднихъ стоитъ 70—75 р. ас., сто севрюгъ — 10 — 15 р. ас.; тысяча сазановъ — 40 р. ас. Но красная рыба, ловящаяся въ рѣкахъ, дороже. Пудъ вязиги стоитъ полтора рубля, а при покупкѣ рыбы сотнями дается безплатно еще вязига.

Осеннiй ловъ въ морѣ начинается въ сентябрѣ и продолжается до 1-го ноября; ловится только икряная бѣлуга. Зимнiй ловъ начинается, лишь море покроется льдомъ; въ прорубяхъ ловятъ точно также на воблу.

Лѣтомъ по берегу моря много ловятъ *сазановъ* и *сомовъ.* Они

лѣтомъ не входятъ въ рѣки, а держатся у морскихъ береговъ. Сомы ловятъ здѣсь мелкую рыбу, а сазаны держатся въ тинистыхъ мѣстахъ. Сомы бываютъ 8 пудовъ, лѣтомъ они очень жирны; сазаны — въ полтора пуда. Въ дѣло идетъ только плесъ сомовый, т. е., задняя часть хвоста; голову же, переднюю часть и икру бросаютъ; изъ пузыря обѣихъ рыбъ дѣлаютъ плохой клей.

Степи вокругъ Яика очень обильны солью, и казаки запасаются ею безпошлинно. Особенно богаты ею гурьевскія озера — *Грязное* и *Индерское* въ Киргизской степи.

Грязное озеро лежитъ въ 250 верстахъ на востокъ отъ Яицкаго городка. Къ обоимъ этимъ озерамъ можно проѣхать только моремъ. Ѣздятъ за солью обыкновенно въ маѣ и іюнѣ въ растивахъ; соль ломаютъ на цѣлый годъ. Ѣдутъ между тростниками вдоль берега, гдѣ множество острововъ, населенныхъ бабами, бакланами, цаплями и дикими свиньями, переплывающими съ одного острова на другой кормиться камышами, мертвой рыбой и корнями дикаго укропа. Киргизы ненавидятъ свиней и всюду ихъ убиваютъ. Около такъ-называемыхъ соленыхъ Гурьевскихъ озеръ много горныхъ утокъ, гнѣздящихся въ оставленныхъ звѣриныхъ норахъ высокой степи.

Яицкіе казаки не занимаются хлѣбопашествомъ, потому что пропитанная солью земля родитъ плохо. Но въ низовьяхъ Яика можно сѣять кукурузу, сорго, а на многихъ низкихъ мѣстахъ, ниже Кулагина, и рисъ. Особенно слѣдуетъ сѣять сорго (бухарское пшено), котораго высокіе и толстые стебли въ безлѣсныхъ мѣстахъ можно употреблять на топливо. Оно хорошо растетъ не только въ Астрахани, но я видѣлъ его, прибавляетъ Палласъ, и въ Самарѣ. Здѣсь же могутъ хорошо родиться нѣкоторыя красильныя травы и табакъ. Около города множество бахчей, поливаемыхъ чигирями. Ночью на арбузы сильно нападаютъ тарбаганы (Mus jaculus).

Какъ мужчины, такъ и женщины здѣсь сильны и рослы. Женщины любятъ очень наряды. Здѣсь множество тараканов, сверчковъ и странствующихъ крысъ; особенно много сверчковъ, а крысы переселились сюда изъ Самарской степи. Замѣчательно, что онѣ водятся въ городѣ только въ восточной его части и нейдутъ далѣе. При рѣкѣ Яикѣ, далѣе къ югу, водятся особаго рода *гуси*.

Какъ уже сказано выше, Палласъ изъ Самары послалъ своихъ людей прямо черезъ степь въ Яицкой городокъ. Они переѣхали рѣку Самару и Горный Ерикъ, поросшій тополемъ, и вступили въ степь

покрытую кустами бобовника и другихъ растеній,—страну холмистую и богатую отличными пастбищами, съ глубокимъ черноземомъ, гдѣ изрѣдка имъ попадались дубовыя рощи. Они поѣхали вдоль рѣки Мочи, тоже по странѣ холмистой; за Мочей начинаются сухіе холмы, гдѣ живетъ много сурковъ. Отсюда направились они по рѣкѣ Иргизу; берега ея безлѣсны и во многихъ мѣстахъ покрыты солончаками; наконецъ, они вступили въ степной хребетъ, долины котораго называются *иргизскія розсоши*, и продолжали путь южной стороной этого хребта вдоль рѣчки Чагана, покрытой глубокимъ черноземомъ. Отъ рѣчки Чагана до Яицкаго городка 50 верстъ идетъ отличный черноземъ, но вся эта мѣстность еще не заселена.

4. Калмыки и киргизы.—Ихъ характеръ, нравы, вѣра, скотоводство и проч.

«Во время моего пребыванія въ Яицкомъ Городкѣ я, говоритъ Палласъ, неоднократно бывалъ у калмыковъ. Калмыки сами себя называютъ *халмаки* или *халимаки*. Они средняго роста, сановиты. Я не видалъ ни одного урода между ними; всѣ сухощавы и ни одного небыло толстяка, напротивъ, у киргизовъ и башкировъ много толстяковъ. Женщины ихъ бѣлы, волосами и лицомъ похожи на китаекъ. Но лѣтомъ всѣ страшно загораютъ, особенно мужчины, которые въ это время спятъ даже голые, только въ однихъ штанахъ. Калмыки джонгары рослѣе и красивѣе прочихъ, что, вѣроятно, произошло отъ примѣси татарской крови, такъ какъ они похищали татарскихъ женщинъ. Взрослые калмыки имѣютъ хорошія бороды, но они оставляютъ только усы, а бороды брѣютъ или выщипываютъ.»

«Нравы колмыковъ мнѣ показались лучше, нежели ихъ описывали до сихъ поръ путешественники. Они хорошіе товарищи, откровенны, услужливы и веселы, чѣмъ отличаются отъ флегматическихъ киргизовъ. Вообще всѣ степные народы праздны, неопрятны и коварны; но калмыки по ихъ бодрому духу могутъ назваться трудолюбивыми. Они неопрятны; но это скорѣе происходитъ отъ воспитанія, чѣмъ отъ лѣни, ибо калмычки отличаются усердіемъ и ихъ охотно нанимаютъ въ работницы киргизы. Вообще калмыки имѣютъ бодрый духъ и хорошій разумъ и легко могутъ сдѣлаться земледѣльцами. Хотя отъ природы они кажутся угрюмы, но между

собою обходительны и ласковы. Они все дѣлятъ между собою: трубку, пищу, вино; но лишь только не пожитки (домашнее имущество). Грабежи ихъ возбуждаются большею частію враждой и мщеніемъ. Калмыки-джонгары и торгоуты брѣютъ головы и оставляютъ только чубъ. Джонгары носятъ такія шляпы, какъ у китайцевъ. Всѣ калмыки отъ природы имѣютъ большія уши. Женщины ихъ, въ противоположность съ мужчинами, очень берегутъ свои волосы.»

«Калмыки живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, устроенныхъ очень остроумно. Лѣтомъ у нихъ бываетъ очень много лошадинаго молока. Они держатъ больше лошадей, чѣмъ рогатаго скота, ибо любятъ лошадиное мясо и кумысъ; кобылъ обыкновенно доятъ каждый часъ. Зимой же главную ихъ пищу составляетъ кислое и противное коровье молоко. Кумысъ—слово татарское; по калмыцки—чагань. Изъ кислаго молока они гонятъ водку; изъ овечьяго же молока дѣлаютъ сыръ и масло. Лѣтомъ у нихъ много бываетъ мяса. Кромѣ того они ѣдятъ почти всѣхъ животныхъ: язвецовъ, сурковъ, сусликовъ, бобровъ, дикихъ лошадей, козъ, кабановъ и хищныхъ птицъ. Про запасъ они лѣтомъ рѣжутъ мясо узкими полосками и сушатъ его на солнцѣ. Кромѣ того собираютъ и ѣдятъ многія коренья дикихъ растеній. Они занимаются выдѣлкой кожъ, войлоковъ и шитьемъ кибитокъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ огнестрѣльнаго, а также копій, стрѣлъ и луковъ, дѣлаемыхъ преимущественно изъ ясени. Они любятъ охоту съ соколами и балабанами, которыхъ много воспитываютъ, а также охотятся и съ собаками. Собаки ихъ тонки, съ гладкой шерстью и съ мохнатыми ушами, ляжками и хвостомъ. Изъ домашнихъ животныхъ, кромѣ лошадей, овецъ и коровъ, держатъ понемногу верблюдовъ. Лошади ростомъ менѣе киргизскихъ, но сильны и быстры; богатые имѣютъ табуны по тысячи лошадей. Овцы ихъ съ курдюками, какъ у киргизовъ, но меньше, не такъ косматы: они съ повислыми ушами; козы тоже съ длинными ушами, но комолыя. Верблюдовъ держатъ и одногорбыхъ и двугорбыхъ. Зимою калмыки кочуютъ около Каспійскаго моря, гдѣ снѣга бываетъ мало; весною же подвигаются на сѣверъ и стараются, когда Волга войдетъ въ берега, держаться въ лощинахъ по ней, богатыхъ пастбищами; кочуютъ въ рединѣ степи по мѣстамъ холмистымъ, богатымъ ключами, затѣмъ переходятъ на *Рынь-Пески* и богатую ключами страну—*Сонъ-Худокъ*, т. е. сто ключей, гдѣ вода повсюду близка отъ

поверхности, много тростнику и осоки. Верблюды во время кочевокъ возятъ всѣ тяжести; но священныя книги и вещи возятъ только на одногорбыхъ бухарскихъ бѣлыхъ верблюдахъ.»

„Весьма пріятное впечатлѣніе, говоритъ Палласъ, производитъ встрѣча съ караваномъ калмыковъ въ степи. Верблюды увѣшаны колокольчиками; женщины и дѣти гонятъ стада и поютъ веселыя пѣсни, а мужчины разъѣзжаютъ по сторонамъ и занимаются охотой. Этотъ народъ большую часть жизни проводитъ весело, и на сколько мы считаемъ ихъ жизнь жалкою, настолько они считаютъ себя счастливыми. Хотя ихъ пища и жилища кажутся нездоровыми, однако многіе изъ нихъ доживаютъ до глубокой старости. Законы ихъ отличаются кротостью; тѣлеснаго наказанія у нихъ нѣтъ, ибо они высоко цѣнятъ человѣческую жизнь, но все замѣняется штрафами. Они имѣютъ на монгольскомъ языкѣ свое уложеніе законовъ, многія статьи котораго весьма замѣчательны. Воровство, драки, ссоры, оскорбленія—все наказывается по законамъ. Особенно преслѣдуется *воровство* и *оскорбленіе женщинъ*, чего у многихъ образованныхъ народовъ и въ поминѣ еще нѣтъ. Вообще законы ихъ отличаются мягкостью и справедливостью. Напр. есть *законъ, предписывающій выдавать дѣвушку замужъ приличнымъ образомъ* и т. д.“

„Относительно вѣры, письма и языка они имѣютъ много сходнаго съ монголами. Вѣра ихъ сходна съ индійской — браминской. Истуканы ихъ (бурханы) хорошо сдѣланы изъ мѣди, вызолочены или же серебряные. Добродѣтельнымъ богамъ приданы кроткія фигуры, а злымъ богамъ — свирѣпыя. Бурханы, по ихъ понятіямъ, живутъ на звѣздахъ и на небѣ. Богослуженіе совершается на тонгутскомъ языкѣ, котораго неученые не знаютъ. Всѣ жрецы имѣютъ звѣздочетныя книги, по которымъ предсказываютъ счастливые дни и часы для всякаго дѣла. Простые жрецы живутъ въ бѣлыхъ войлочныхъ кибиткахъ, гдѣ у нихъ поставлены бурханы, курильницы и книги. Калмыки празднуютъ три дня въ мѣсяцѣ: новолуніе, пятнадцатое и тридцатое числа. Въ эти дни они собираются у палатокъ жрецовъ и слушаютъ богослуженіе“.

„Когда женщина собирается родить, то жрецъ читаетъ у кибитки молитвы, а мужъ разставляетъ возлѣ же кибитки сѣти и хлопаетъ кнутомъ, чтобы прогнать злаго духа. Погребеніе совершается на шесть манеръ: 1) относятъ въ степь и кладутъ какъ бы

спящаго; 2) хоронятъ въ лѣсу или кустахъ; 3) бросаютъ трупъ въ воду; 4) зарываютъ въ землю; 5) накладываютъ надъ трупомъ кучу камней и, наконецъ, 6) знатныхъ и духовныхъ сожигаютъ. Нѣкоторыя птицы пользуются у калмыковъ особеннымъ почетомъ. Такъ бѣлая сова есть священная птица; въ красномъ гусѣ живетъ злой духъ; красная же утка—попъ всѣхъ птицъ; журавль—самая чистая птица и его не убиваютъ.»

Въ это же время Палласъ сдѣлалъ наблюденія надъ киргизами.

«Киргизы средняго роста, кривоногіе, въ молодости бываютъ красивы; но подъ старость лица ихъ принимаютъ страшно—жидовское выраженіе; они толсты и нелѣпы, носятъ усы и небольшія бородки. Они зажиточнѣе и чистоплотнѣе калмыковъ; скота имѣютъ гораздо больше. Вѣру исповѣдуютъ магометову.»

«Въ сравненіи съ калмыками, имѣющими много мелкихъ начальниковъ, киргизы свободнѣе; но они не кровожадны и боязливы; они не убиваютъ врага, а берутъ его въ плѣнъ. Языкъ ихъ сходенъ съ татарскимъ. Скотоводство ихъ обширное. Лошади крупнѣе калмыцкихъ; овцы велики и весьма безобразны, вѣсомъ бываютъ до пяти пудовъ. Съ виду онѣ нѣсколько похожи на индѣйскихъ овецъ, съ кривыми горбатыми носами, нижняя губа длиннѣе верхней, большія повислыя уши, на шеѣ одна или двѣ кожанныя мочки, вообще отъ индѣйскихъ барановъ отличаются только курдюками. Шерсть большею частію бѣлая, длинная, рѣже рыжая; всѣ овцы имѣютъ рога, иногда четыре, пять и шесть, какъ у исландскихъ овецъ. Короткія зимы и тучныя пастбища весной много способствуютъ овцеводству. Овца приноситъ двухъ ягнятъ. Козъ и верблюдовъ немного; козы съ длинными ушами и безъ рогъ. Верблюдъ самка носитъ цѣлый годъ; верблюденокъ сосетъ до двухъ лѣтъ; киргизы хвалятъ молоко верблюдовъ.»

«Киргизы суевѣрны, имѣютъ множество волшебниковъ. Жизнь ведутъ кочующую, безпечную; любимое занятіе охота на лисицъ, волковъ и сайгаковъ. Они доживаютъ до глубокой старости, но и тогда бываютъ бодры и здоровы.»

«Мертвыхъ хоронятъ они прямо въ землю, или же вколачиваютъ колья, переплетаютъ ихъ хворостомъ, кладутъ мертвеца головой къ сѣверу и насыпаютъ бугоръ. Въ гористыхъ мѣстностяхъ бугоръ дѣлаютъ изъ камней. Такихъ бугровъ въ степи много попадается. Оспа и нѣкоторыя другія заразительныя болѣзни про-

изводятъ между ними страшныя опустошенія. Зараженнаго оспою они изгоняютъ изъ своей среды и, если онъ вздумаетъ приблизиться къ жилью ихъ, стрѣляютъ въ него стрѣлами.»

5. Природа долины рѣки Яика.—Калмыкова крѣпость.—Индерскія горы и Индерское озеро.—Низовья Яика.—Пребываніе въ Гурьевѣ для изученія природы устьевъ Яика.—Возвращеніе въ Уфу на зимовку. — Башкиры, ихъ образъ жизни и нравы.—Дорога по предгоріямъ Урала.

Наконецъ, Палласъ отправился въ Гурьевъ.

Переѣхавъ значительную рѣчку Чаганъ, путь ему лежалъ вдоль глинистыхъ береговъ Яика, гдѣ растутъ ворсовальныя шишки, татарская лебеда и другія растенія, свойственныя этой странѣ. На югъ отъ Чагана и степнаго хребта мѣстность измѣняется: степь становится ровнѣе, черноземъ изчезаетъ, появляется сухой илъ вмѣстѣ съ пескомъ, гдѣ не растетъ ни вершка камышей, и эта печальная страна тянется по лѣвую и правую сторону Яика. Здѣсь не можетъ образоваться растительный черноземъ, потому что лѣтомъ бурные вѣтры наносятъ сюда массу песку изъ степей.

Растительность здѣсь противуположная самарской: здѣсь являются солончаковыя или южно-аральскія растенія. Дѣйствительно, степной хребетъ между Самарой и Яикомъ, тянущійся въ юго-западномъ направленіи къ Волгѣ, отдѣляетъ сѣверную горную и плодородную страну съ европейской растительностью отъ Азіатской степи. Здѣсь Палласъ нашелъ слѣдующія растенія: солодковое дерево (Glicyrrhiza echinata), качимъ (Gypsophila) и др.; на низкихъ мѣстахъ расло много божьяго дерева (Abroxanum), называемаго здѣсь *степная чилига.* Овраги или буераки называются здѣсь *разсошами.* Мѣстами попадаются черепахи въ полъ аршина величиною; южнѣе въ долинѣ Яика много произрастаетъ *луговой вясели* (Medicago sativa) и растетъ дерево *гребенщикъ* (Tamarix Gallica), толщиною въ руку, а вышиною въ нѣсколько саженей, почитаемое казаками за лѣкарственное растеніе; часто попадалось красивое растеніе Riccia crystallina; на сухихъ мѣстахъ расло много *солянокъ*, любимой пищи верблюдовъ; кромѣ того были растенія стелящіяся и вьющіяся (Clematis Orientalis); множество солодковаго дерева съ колючими стручками необыкновенно сильно разстилавшаго по землѣ свои отпрыски. Въ этихъ жаркихъ странахъ, говоритъ Полласъ, я замѣтилъ, что тѣ растенія, которыя обыкновенно въ другихъ мѣстахъ растутъ вверхъ, здѣсь

же на мокрыхъ мѣстахъ стелятъ по землѣ свои вѣтви, прижимая листья нижнею стороною къ почвѣ, втягивая такимъ образомъ влагу.

Непроточныя озера здѣсь называются *Ильменями*, а непроточныя рѣки *Ериками*. Въ одномъ изъ Ильменей Палласъ замѣтилъ штукъ двадцать пеликановъ, ловившихъ рыбу. На разсвѣтѣ и около полудня они, стоя рядами, хлопаютъ крыльями и ловятъ такимъ образомъ рыбу. Еще южнѣе, также ничего не попадалось новаго, за исключеніемъ растеній: мѣстами стояла *колючая трава* (Hedysarum Alhagi) любимая верблюдами, по калмыцки называемая *чагеракъ*. Въ болотистыхъ озерахъ очень много рыбы; при Палласѣ одинъ казакъ въ часъ времени поймалъ руками шестьдесятъ карасей; тутъ же видно много пеликановъ и рѣдкихъ черныхъ куликовъ, называемыхъ здѣсь *каравайками* (Tantalus niger). На всѣхъ высокихъ деревьяхъ гнѣздятся орлы: скопы, большой черный орелъ и еще малый орелъ съ бѣлыми крапинами на головѣ, никѣмъ еще не описанный (Aquila leucoryрha).

Такимъ образомъ Палласъ пріѣхалъ въ Калмыкову крѣпость. Здѣсь находятъ кости слоновъ и буйволовъ; растенія встрѣчаются тѣ же, да кромѣ того камфарная трава, множество бѣлой полыни, растенія съ пріятнымъ запахомъ, растущаго на иловатыхъ степяхъ, идущей зимой въ кормъ степнымъ овцамъ. Въ степныхъ тростникахъ кишатъ различныя змѣи. Около Калмыковой крѣпости много земляныхъ зайцевъ, скачущихъ очень быстро и высоко, такъ что кажется, что они летятъ и, наконецъ, уходятъ изъ виду.

«Я уже давно слышалъ, говоритъ Палласъ, что на Яикѣ растетъ *ревень*, но не видалъ еще его, потому что засуха пожгла здѣсь все, а сухіе листья разнесло вѣтромъ. Наконецъ, казаки указали мнѣ, его корни въ дюймъ толщиною идутъ въ землю глубокими вѣтвями; они годны на лѣкарство. Ревень здѣсь растетъ отъ Яицкаго городка вплоть до Гурьева на всѣхъ сухихъ высокихъ мѣстахъ. Далѣе ревень вездѣ растетъ въ киргизскихъ и калмыцкихъ степяхъ, а на западъ до Волги и Дона. Казаки курятъ вино съ ревенемъ и говорятъ, что оно очень цѣлительно. Киргизы корнемъ ревеня красятъ кожи, для чего онъ очень хорошъ. Вглубь степи по рѣкѣ Богордай, за которой идутъ такъ называемые Барханы, т. е., песчаные холмы, поросшіе камфарною травою, водятся вредные тарантулы, называемые по калмыцки *манджи-быхорхо* (Phalangium araneoides). Увѣряютъ, что его укушеніе причиняетъ не только боль и опухоль, но даже и смерть; онъ живетъ въ норахъ, бѣгаетъ между тростниками очень быстро. Со-

бирая тростникъ для топлива, ихъ часто заносятъ въ избы. Калмыки ужасно бояться этихъ тарантуловъ.»

Проѣхавъ эту мѣстность, Палласъ прибылъ къ Камышъ— Самарскому, болотистому, поросшему тростникомъ, озеру, гдѣ водится много кабановъ, питающихся тростникомъ. Отсюда Палласъ возвратился назадъ въ Калмыкову крѣпость, а 19 августа продолжалъ путь къ Гурьеву черезъ Красноярскую и Индерскую крѣпость. Около Красноярска были тѣ же степныя растенія, много тарантуловъ, но казаки говорили, что они не ядовиты.

Подъѣзжая къ Индерскимъ горамъ, Палласъ увидалъ стадо сайгаковъ на холмахъ, но они убѣжали, потому что вѣтеръ дулъ къ нимъ: сайгаки плохо видятъ, но обоняютъ превосходно. Устройство ихъ дыхательныхъ путей способствуетъ бѣгу, но все-таки они задыхаются скорѣе другихъ звѣрей. Индерскія горы, когда на нихъ не бываетъ киргизовъ со своими стадами, наполняются сайгами, ибо здѣсь растетъ любимая ими бѣлая полынь. Охотники Палласа убили двѣнадцать штукъ. Индерскій хребетъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что при Яикѣ онъ состоитъ изъ высокихъ утесистыхъ скалъ не шире сорока верстъ, но простирающихся весьма далеко въ глубь киргизскихъ степей. Повидимому, онъ идетъ съ востока на западъ и,находящіяся по сю сторону Яика, *Рынь—Пески*, кажется, составляютъ его продолженіе. Горы эти состоятъ изъ разныхъ глинъ, песковъ и гипса (который вообще здѣсь обиленъ: Илецкія горы, Богдо и др., состоятъ изъ гипсовъ), гдѣ всегда бываетъ много ямъ, проваловъ и подземныхъ пещеръ съ холоднымъ воздухомъ. Скаты многихъ проваловъ поросли гороховымъ деревомъ, розанами, терномъ, дулькамарой, почитающейся у казаковъ лѣкарственной, степной малиной (Ephedra monostachia), горнымъ левкоемъ, душистымъ растеніемъ съ стелящимися длинными стеблями (Cheiranthus montanus), камфарной травой, качимомъ, ревенемъ и др. Всюду бѣгаютъ здѣсь красныя ящерицы; въ солнечные дни онѣ грѣются на солнцѣ съ поднятыми головами; встрѣчается множество норъ тарантуловъ, сурковъ, сусликовъ и пр. Взойдя на вершину хребта, Палласъ увидалъ обширное озеро, окруженное горными увалами—это Соленое Индерское озеро. Издали оно представляется долиной, покрытой блестящимъ снѣгомъ, и можетъ почитаться чудомъ природы. Отъ Яика оно отстоитъ, по прямой линіи, въ десяти верстахъ. Съ сѣвера въ озеро течетъ много соленыхъ ключей; дно озера покрыто

слоемъ вершка въ четыре твердой соли, а подъ этимъ слоемъ лежитъ глубочайшій слой сѣрой соли. Казаки грузятъ отсюда соль на тѣлеги; бѣлая соль состоитъ изъ кусочковъ въ орѣхъ, не кристализованныхъ, но очень крѣпкихъ. Эта соль садится на дно только въ сухую погоду. Берега озера состоятъ изъ разноцвѣтныхъ глинъ или крутыхъ скалъ; мѣстами попадаются белемниты и раковины устрицъ; вѣроятно, здѣсь находится каменный уголь; также много *желтаго* мергеля (красильная глина), годнаго для окраски кожъ и цѣлые холмы *алаго мергеля*, употребляемаго калмыками для окраски шестовъ и войлоковъ. На высокомъ берегу озера растетъ много рѣдкихъ и неизвѣстныхъ растеній: кустарная синяя лебеда (Atriplex glauca), со стволами толщиною въ палецъ, саликорніи, кустарный качимъ и др.; на низкомъ берегу озера много выброшено насѣкомыхъ, занесенныхъ сюда бурею изъ жаркой Азіи. Здѣсь Палласъ видѣлъ много различной саранчи, тарантуловъ и жуковъ.

Отсюда онъ отправился въ Кулагинскую крѣпость, за которой идетъ старое русло Яика—*красная старица*. Природа далѣе была такая же, какъ и прежде: тѣ же растенія, берега рѣкъ поросли тополями и проч. За форпостомъ Баксаемъ встрѣчались *каперсовые* кустарники съ зрѣлыми уже сѣменами. Около же Астрахани, замѣчаетъ Палласъ, приготовляютъ для ѣды много каперсовъ.

По мѣрѣ приближенія къ низовьямъ Яика, мѣстности представляются все болѣе поросшими камышами и осокой; изъ насѣкомыхъ— много тарантуловъ, скорпіоновъ и особый видъ комаровъ. Яикъ становится необыкновенно извилистъ; справа отъ него отдѣляется рукавъ — Черная рѣчка, вливающаяся особымъ устьемъ, а слѣва отдѣляется другой, поросшій камышами, рукавъ — *Соколья рѣка*. Еще ниже Яикъ покрытъ камышами, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ ихъ больше, и самый камышъ не рѣдко достигаетъ двухъ саженей въ вышину; рукава Яика также всѣ имъ покрыты.

24 августа Палласъ пріѣхалъ въ Гурьевъ. Здѣсь же были профессоръ Ловицъ, адъюнктъ Иноходцевъ, Эйлеръ, наблюдавшій прохожденіе Венеры; сюда же прибылъ и Лепехинъ. Мѣстоположеніе города самое вредное; воздухъ гнилой, окрестности покрыты солончаковыми болотами, дома наполнены тараканами и стоножками; воздухъ кишитъ комарами. Вновь прибывшіе люди обыкновенно заболѣваютъ; весной здѣсь свирѣпствуетъ цынга и дру-

гія болѣзни. Здѣсь падаютъ, какъ это покажется ни удивительно, соленыя росы.

Около Гурьева во всѣхъ заливахъ и рукавахъ множество рыбы; но ее запрещено ловить сѣтями, чтобы не мѣшать ей подыматься вверхъ. Изъ морскихъ рыбъ въ Гурьевъ заходитъ рогатка, предвѣщаются бури. Въ самой рѣкѣ и во всѣхъ рукавахъ множество лягушекъ (R. ridibunda), встрѣчающаяся и на Волгѣ. Она имѣетъ широкую и плоскую голову; вся пепельнаго цвѣта съ черными пятнами; посрединѣ спины имѣетъ желтыя или зеленыя полосы, на сушу никогда не выходитъ и издаетъ вечеромъ хохотанье. Мы, замѣчаетъ Палласъ, оказали бы большую услугу французамъ, пареславъ имъ сотню этихъ лягушекъ. Въ рѣкѣ много огромныхъ раковъ, но не вкусныхъ, много и водяныхъ змѣй. Но птицъ здѣсь несказанное множество, особенно весной и осенью. Тростники весной наполнены гнѣздами разнообразныхъ птицъ.

На рѣкѣ и морскомъ берегу особенно много бабъ, баклановъ (морскихъ вороновъ), большихъ и малыхъ (малый бакланъ не болѣе голубя); колпицъ, темнокрасныхъ и бѣлыхъ коршуновъ, цаплей, куликовъ: особенно замѣчательны черные кровоносые и высоконогіе кулики. Разныя породы хохотуновъ и морскихъ ласточекъ носятся всюду, но большая каспійская ласточка (Sterna Caspia) водится только при Каспійскомъ морѣ, а далеко вверхъ по рѣкѣ не летаетъ. Изъ хищныхъ здѣсь живутъ карагуши, желтые и черные луни, кобчики; а изъ мелкихъ—камышевые дрозды, снигири и др. Замѣчательно, что здѣсь великое множество ночныхъ летучихъ гадовъ и ночныхъ птицъ. Весной подъ крышами крѣпости живутъ большія летучія мыши и днемъ вездѣ слышенъ ихъ пискъ. Изъ ночныхъ птицъ много козодоевъ, совъ, особенно замѣчательны небольшіе совы (Strix pulchella). Причина обилія ночныхъ этихъ животныхъ—множество ночныхъ насѣкомыхъ, живущихъ въ окрестныхъ болотахъ. Лебеди и красные гуси появляются только на пролетѣ весной, но поблизости города не держатся. Напротивъ того, въ отдаленныхъ морскихъ губахъ, особенно при рѣкѣ Эмбѣ, ихъ бываетъ такое множество, что во время линьки, когда они не имѣютъ правильныхъ перьевъ, казаки тысячами бьютъ ихъ палками. Отъ устьевъ Яика до Эмбы, при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ доходятъ въ полтора дня, а на гребли въ три дня. Рѣка Эмба болотиста, обильна рыбою, покрыта камышами,

ми, такъ что необыкновенно привольна для всякой водяной птицы. Въ ея камышахъ, какъ и во всѣхъ камышахъ здѣшней стороны, водится много кабановъ. Казаки зимой ходятъ, не безъ опасности для себя, на кабановъ съ собаками и бьютъ ихъ копьями или изъ ружей. Эти дикія свиньи питаются исключительно камышевыми корнями и бываютъ такъ велики, что попадаются пудовъ въ пятнадцать. Щетина у нихъ на головѣ и ногахъ синеватая или черная, а на тѣлѣ желтая. Поросяты сиво-желтые съ пятнами и трудно пріучаются къ дому. Сало бываетъ толщиною въ ладонь, оно во время варки расплывается; мясо твердо, но вкусно. Ловятъ здѣсь и выдръ, а зимой къ Яику приходятъ тюлени, которыхъ бьютъ при морѣ, на островахъ, по льду. Они такіе же, какъ въ Балтійскомъ морѣ; но нигдѣ Палласъ не видалъ такихъ жирныхъ тюленей, какъ здѣсь осенью, такъ что они скорѣе похожи на мѣшки сала, чѣмъ на животныхъ. Кожа ихъ и сало дешево продается астраханскимъ купцамъ. Изъ растеній здѣшней мѣстности упоминаетъ Палласъ слѣдующія: камыши, осока, саликорніи, лебеда и гребенщикъ (Tamarix). Трудно повѣрить, чтобы на такой плохой землѣ родились овощи, но здѣсь въ огородахъ растутъ дыни, огурцы, свекла, хрѣнъ, капуста и особенно хорошо *петрушка*; арбузы же, табакъ, сельдерей, картофель—очень плохо; тыква-*горлянка*—хорошо растетъ и употребляется для посуды.

Каспійское море при берегахъ имѣетъ сѣрозеленый цвѣтъ, а далѣе, говорятъ, темнозеленый, а лѣтомъ иногда виденъ на волнахъ фосфорическій свѣтъ. До 1730 года берега Яика у Гурьева были сухи и подымались выше воды на двѣ сажени; большихъ губъ и заливовъ у Гурьева тоже не было. Нынче берега рѣки сравнялись съ водою. Весною 1730 года вода прибыла на шесть саженей: острова при устьяхъ были затоплены водой.

Отъ Гурьева до Астрахани вдоль морскаго берега устроены ватаги для ловли рыбы.

31 августа Палласъ поѣхалъ назадъ въ Индерскую крѣпость. По дорогѣ ему встрѣчались стада птицъ, летѣвшихъ къ югу на зиму; въ поляхъ же было много шампиньоновъ. 4 сентября всю ночь была страшная буря съ молніей и громомъ; воздухъ былъ такъ удушливъ и тепелъ, что едва можно было дышать; вѣтеръ свирѣпствовалъ съ необыкновенной силой. Такіе теплые бурные вѣтры всегда предвѣщаютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ грозныя бури. Когда буря утихла, воздухъ сдѣлался нѣсколько холоднѣе; но съ юга-

востока къ западу понеслись огромныя тучи, изъ которыхъ на путешественниковъ лилъ проливной дождь; непрерывная молнія исходила изъ облаковъ въ видѣ столбовъ и не угасала въ воздухѣ по нѣскольку секундъ. Послѣ этой грозной бури кончилось нынѣшнее лѣто, а теплыхъ и пріятныхъ дней больше они уже не видали. Итакъ пришло время спѣшить на зимовку въ Уфу. Палласъ поѣхалъ назадъ въ Яицкій городокъ, а студентовъ отправилъ изслѣдовать степную рѣчку Деркулъ, вытекающую изъ горы *Ичко*, голой, но имѣющей подобно всѣмъ степнымъ холмамъ въ почвѣ своей воду. Возвышенные и крутые берега Деркула покрыты такими же растеніями, какъ и Самара. Въ пустынныхъ окрестностяхъ горы Ичко растетъ ежевка (Anabasis cretacea), трава кислая и соленая, затѣмъ горный левкой, чеберъ (Thymus) и др. 17 сент. видны были на пролетѣ стада жаворонковъ, дикихъ голубей и другихъ птицъ, стремившихся на югъ и предвѣщавшихъ раннее наступленіе зимы. 21 сентября, по дорогѣ въ Уфу, Палласъ переѣхалъ рѣчку Зашимну, поросшую двухсаженнымъ камышемъ. На слѣдующій день поднялась жестокая буря съ юга-востока, съ грозой и такимъ сильнымъ дождемъ, что казалось какъ будто бы небо прорвалось: черезъ нѣсколько минутъ поля покрылись водою вершка на три. Ночью буря повернула къ сѣверо-западу, послѣдовала вьюга и такой морозъ, что собравшаяся на поляхъ вода замерзла такъ, что растаяла только черезъ нѣсколько дней. Въ эту погоду, внизъ по Яику, летѣли стада журавлей и стрепетовъ, изъ мелкихъ птицъ— *сепчанки* (Emberiza passerina), смѣло бѣгавшія по дорогѣ и плиги (Emberiza cinerea) также вкусныя, какъ и зуйки.

Изъ селеній на дорогѣ встрѣтилось большое татарское селеніе Каргала, на правомъ берегу Сакмары, съ каменными домами; жители ея очень зажиточны, занимаются торговлей и посѣвами пшеницы; они происходятъ отъ казанскихъ татаръ. Лѣса у нихъ мало, только по рѣкѣ березнякъ и тополь. Отроги Урала, идущіе по Сакмарѣ, содержатъ въ себѣ мѣдную руду.

Изъ Сакмарскаго Городка Палласъ направился 29 сентября по дорогѣ на Уфу мѣстами, заселенными башкирами. Башкиры со своими стадами собирались уже на зимовья. Башкиры отличаются отъ другихъ номадовъ только тѣмъ, что зиму проводятъ въ избахъ. Избы у нихъ маленькія, грязныя; вмѣсто печей поставлены камины, окруженные широкими лавками для спанья. Главную до-

машнюю ихъ утварь составляетъ фляга, на подобіе мѣха, съ кислымъ молокомъ. Земли обработываютъ очень мало, но имѣютъ много пчелъ и лошадей. Пока есть кислое молоко и медъ, они исключительно имъ питаются, употребляя мало хлѣба; затѣмъ питаются курутомъ, дряннымъ сыромъ, размоченнымъ въ водѣ; ѣдятъ очень неопрятно, страшно заливая бороды. Жизнь ведутъ праздную. Хлѣбъ пекутъ такъ, какъ пекли его первобытные люди: замѣсивъ муку грязными руками въ видѣ лепешки, загребаютъ ее въ горячую золу, потомъ втыкаютъ на палку и держатъ нѣско-ко времени на огнѣ, чтобы поджарилась корка. Платье женщинъ отличается отъ чувашскаго. Онѣ прядутъ холсты изъ пеньки и крапивы, растущей вокругъ избъ на жирной почвѣ. Крапиву также обдѣлываютъ, какъ и коноплю. Это самый неопрятный и невѣжественный народъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною татарскихъ и финскихъ народовъ, говоритъ Палласъ.

Затѣмъ проѣхавъ деревни населенныя татарами, мещеряками и чувашами по рѣкѣ Бѣлой, Палласъ отправился осматривать Воскресенскіе заводы. Отсюда онъ проѣхалъ по лѣсистой и гористой мѣстности мимо башкирскихъ деревень, лежащихъ по рѣкѣ Бѣлой. Вдоль рѣки были еще прекрасныя пастбища и пышно растущія травы Здѣсь особенно много растетъ Cornus sanguinea. Въ горахъ расло много вереска, по башкирски артышъ, который они втыкаютъ надъ избами противъ чародѣйства. Горы покрыты прекрасными лиственницами, старыя пни на которыхъ ростетъ губка; башкиры трутъ ее и присыпаютъ ею раны; на лиственницахъ же собирается смола вродѣ гуми-арабика, распускающаяся въ водѣ. Замѣчательно, что весной лиственница испускаетъ это гуми, а осенью чистую смолу. Въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ много хищныхъ птицъ. Здѣсь живутъ кречеты, два вида соколовъ (F. barbatus et arborarius), нѣсколько видовъ орловъ и большая уральская сова (S. uralensis), никѣмъ еще не описанная. Населеніе здѣсь татарское и башкирское.

В. ПУТЕШЕСТВІЯ 1770 и 71 ГОДА.

1. Зима въ Уфѣ.—Наступленіе весны и прилетъ птицъ въ Уфѣ и Гурьевѣ.—Дорога въ Исетскую провинцію.—Башкирское пчеловодство; замѣчательныя пещеры.—Мещеряки.—Уралъ-Тау.—Природа Исетской провинціи.

Зимованье Палласа въ Уфѣ было самое неблагопріятное для изслѣдованій. Это былъ городъ грязный, жители его бѣдны и нерадивы, не смотря на то, что есть много предметовъ для торговли, а рѣка Бѣлая судоходна. Единственными торговцами здѣсь являются казанскіе татары. Лучшими земледѣльцами (напр. между Бѣлой и Икомъ) во всей уфимской провинціи также татары; почва здѣсь плодородна, прекрасныя пастбища и обиліе лѣсовъ. Здѣсь все способствуетъ звѣриной и рыбной ловлѣ, пчеловодству и земледѣлію; мѣстами сѣютъ пшеницу по новымъ землямъ.

Здѣсь существуетъ такой обычай, что когда земля выпашется, то, сломавъ деревню, жители переселяются на нови. Пашутъ сабаномъ, одонья ставятъ на столбахъ, чего русскіе не дѣлаютъ, снопы сушатъ въ открытыхъ ямахъ, поставивъ надъ нею колья пирамидой. Избы у уфимскихъ татаръ чистыя, для гостей имѣется особая изба, а для лѣта комната съ башкирскимъ каминомъ и широкою скамьею; часто отъ одной избы до другой идетъ крытый ходъ.

За Уфой тянется открытая степь, выжигаемая осенью для лучшаго роста травъ. Зима была бурная, а 29 ноября буря лишила жизни многихъ ѣхавшихъ по степи изъ Оренбурга. Весь декабрь дули сѣверозападные вѣтры, февраль стоялъ тихій, до половины марта стояли сильные морозы; снѣга были глубокіе, отчего водополье стояло сильное. Апрѣль былъ теплый. 9-го прошла Бѣлая; сильный разливъ образовалъ множество острововъ, на которыхъ жители ловили собравшихся тамъ въ водополье зайцевъ.

Въ исходѣ марта показались стадныя птицы; но направлялись

большею частію къ полудню и, уже по вскрытіи рѣкъ, до самаго мая, летѣли съ юга на сѣверъ огромныя стада обыкновенныхъ гусей и казарокъ. Одни кулики, особенно красногіе (Hematopus), оставались въ великомъ множествѣ до вскрытія рѣкъ, кормясь по проталинамъ. Такъ какъ Полласъ послалъ помощниковъ своихъ въ Гурьевъ для наблюденія пролета птицъ, то и сообщаетъ здѣсь результатъ ихъ наблюденій.

«Яикъ прошелъ 5 марта, но еще въ послѣднихъ числахъ февраля показались на льду кучи чаекъ, живущихъ всю зиму на Каспійскомъ морѣ. Въ послѣднихъ числахъ февраля полетѣли огромныя стада лебедей, гусей, утокъ и баклановъ. Лебеди большею частью летѣли съ сѣверо-запада, гуси и утки съ запада, а бабы съ юго-запада и никогда не летѣли съ северо-запада. Со вскрытіемъ рѣкъ появились, и то не вдругъ, различныя чепуры, позже всѣхъ большіе и малые бакланы. Хищныя и прочія птицы показались въ концѣ февраля. Напротивъ, черные жаворонки улетѣли отсюда на сѣверъ: они зимуютъ здѣсь до 50°. Соколы (F. barbatus) прилетѣли позже всѣхъ; но они не гнѣздятся у Гурьева, а проводятъ лѣто только на высокихъ горахъ Уфимской провинціи. Наконецъ, въ началѣ мая показались *зеленые щурки* (Merops persica), живущіе только у Каспійскаго моря: вверхъ по Яику они не поднимаются. Ласточки появились еще 15 марта, но когда вѣтеръ изъ юго-западнаго повернулъ на сѣверный и сдѣлались морозы, ласточки пропали.»

Обратимся теперь къ наблюденіямъ въ Уфѣ.

Хотя погода въ началѣ была хороша, но деревья распускаться и цвѣсти здѣсь стали мѣсяцемъ позже, чѣмъ прошлаго года въ Самарѣ и недѣлей позже, чѣмъ нынѣшній же годъ въ Оренбургѣ. Изъ древесныхъ породъ здѣсь растутъ: яблоня, черемуха, рябина, кленъ, калина, глокъ, илимъ, липа, орѣшникъ и дубъ. Послѣднія два не пероходятъ Уральскихъ горъ. Въ концѣ апрѣля показался птичій лукъ (Ornithogolum minutum), анемоны, бѣлыя буковицы и др. Изъ насѣкомыхъ заслуживаютъ вниманія: *майка* (Meloe uralensis), показавшаяся въ великомъ множествѣ по холмамъ и *жужелица* (Carabus sericeus), которой много водится по берегамъ Бѣлой. Странно, что майскіе хрущи появляются здѣсь ранѣе, чѣмъ въ теплыхъ мѣстахъ по Волгѣ.

Съ 1 мая вода начала убывать; 8 и 9 выпалъ снѣгъ и дулъ сильнйи вѣтеръ. Наконецъ, Палласъ могъ предпринять поѣздку че-

резъ Уральскія горы въ Исетскую провинцію. Впередъ онъ послалъ солдатъ исправлять дорогу и дѣлать мосты. Въ пятнадцати верстахъ отъ Уфы есть провалъ, куда во время бывшаго падежа валили падаль: здѣсь скопилось столько бѣшеныхъ собакъ, что потребовалось отправить сюда цѣлую вооруженную команду, чтобъ очистить эту мѣстность отъ опасныхъ животныхъ. Берега рѣки Уфы покрыты илимомъ, липой, тополемъ, ивнякомъ и другими кустами въ полномъ цвѣту. На поляхъ вездѣ росла Tussilaga frigida и душистый Trollius; дикая вишня была въ полномъ цвѣту. Населеніе здѣсь состоитъ изъ татаръ и башкиръ, занимающихся прилежно пчеловодствомъ. Они устраиваютъ пчельники среди лѣсовъ. Ульи дѣлаютъ на цѣльномъ прямомъ деревѣ, продалбливая дерево саженей на пять выше земли; всѣ вѣтви и неровнисти по дереву срубаются, чтобы медвѣди, главные ихъ враги, не могли добираться до ульевъ. Башкиры лазятъ по дереву при помощи веревки и топора и необыкновенно искусны въ этомъ. Второй врагъ пчелъ здѣсь— это черный дятелъ. Вся страна изобилуетъ куницами, которыхъ ловятъ по первой порошѣ собаками или стрѣляютъ. Здѣсь также много норковъ и бѣлокъ; при верхнемъ теченіе Уфы соболи рѣдки. Лоси и серны показываются только въ высокихъ горахъ, а волковъ и лисицъ здѣсь мало, такъ какъ лѣса очень густы. Въ незамерзающихъ горныхъ рѣчкахъ живутъ и зимой черныя утки (A. marila); онѣ не пугливы.

19 мая Палласъ пріѣхалъ къ горной лѣсной рѣчкѣ Симѣ, гдѣ находился плавильный заводъ. Въ пруду близъ завода ловятся лососи длиною въ полсажени и форель болѣе полуаршина. По южному склону Урала всюду цвѣла Cineraria alpestris. На высокихъ деревьяхъ лѣсовъ были башкирскія *борти*; въ лѣсахъ собирается башкирами множество дикаго хмѣля. Нигдѣ нѣтъ столько черныхъ дятловъ, какъ здѣсь близъ пчельниковъ.

Объѣхавъ различные заводы, Палласъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Симъ, въ тридцати верстахъ отъ своего истока, скрывается подъ известковую скалу и течетъ подъ землей болѣе полуверсты. Въ этихъ известковыхъ горахъ находятся пещеры, въ которыхъ, повидимому, жили прежде люди. Далѣе на пути своемъ Палласъ осмотрѣлъ пещеру при горѣ Ямазяташѣ. Въ этой пещерѣ находились кости лошадей, сернъ и черепа людей. Палласъ прошелъ этой пещерой внутрь болѣе пятидесяти саженей и видѣлъ множество от-

дѣльныхъ залъ и улицъ. Во-время-оно башкиры прятали здѣсь во время войнъ своихъ женъ, дѣтей и загоняли скотъ. Гора эта сверху состоитъ изъ твердаго известняка и покрыта цвѣтущими травами. Остановившись въ одной башкирской деревнѣ, Палласъ увидѣлъ особаго устройства круподерку, про которую онъ говоритъ, что едвали самый искусный инженеръ съумѣетъ изобрѣсти мельницу проще. Башкиры строятъ эти мельницы на самыхъ маленькихъ ручьяхъ; жернова же дѣлаютъ изъ крѣпкаго древеснаго корня. Около башкирской деревни Идрессъ Палласъ осмотрѣлъ еще пещеру (Киссяташъ), гдѣ также валялись кости, и все указывало на прежнее жилье здѣсь.

Въ семи верстахъ отъ Юрноземи Палласъ проѣхалъ мещерскими деревнями. Мещеряки занимаются хлѣбопашествомъ: на новыхъ земляхъ они сѣютъ годъ конопли и полбу, которыя хорошо родятся, затѣмъ рожь; пшеницы сѣютъ мало; полба и рожь даютъ самъ 10—17; черезъ десять или болѣе лѣтъ поле бросается, распахивается новое и т. д. Сѣнокосы они обыкновенно выжигаютъ, при чемъ выгораютъ по пути и небольшія рощицы. Здѣсь много лисицъ, куницъ и тетеревей. Тетеревовъ ловятъ оригинальнымъ способомъ. Въ землю въ рѣдкихъ березовыхъ рощахъ втыкаютъ вилы (развилистое дерево), между вилами и деревьями кладутъ жерди, на которыя привязываютъ снопы овса; недалеко отсюда дѣлаютъ родъ воронки изъ кольевъ, сверху закрытой вертушкой (вращающейся крышкой) и привязываютъ тоже снопъ овса. Тетеревъ садится на поперечные шесты, потомъ перелетаетъ къ снопамъ и, наконецъ, садится на крышку воронки, которая перевертывается и тетеревъ падаетъ внизъ въ воронку, которая иногда бываетъ до половины набита живыми тетеревами. Отъ татаръ мещеряки отличаются только одеждой; вѣра же и языкъ у нихъ тотъ же.

Недалеко отсюда Палласъ осмотрѣлъ дымящуюся уже нѣсколько лѣтъ гору, содержащую въ себѣ, вѣроятно, какія-либо горючія вещества; на остывшемъ пеплѣ горы быстро росли лебеда, чернобыльникъ, лозникъ и другія растенія; на горѣ живетъ весьма много ужей. При деревнѣ Лаклетовѣ также находится пещера, наполненная громадными камнями въ сажень и провалами, въ которыхъ брошенный камень не скоро отдаетъ звукъ. Въ пещерѣ было множество мервыхъ нетопырей; стѣны ея покрыты сталактитами, падавшими разноцвѣтными каскадами, потолокъ украшенъ самыми причудливы-

ми фигурами сталактита, идущаго столбами сверху внизъ. Эта пещера имѣетъ много боковыхъ пещеръ; вглубь главной пещеры стѣны положительно усыпаны летучими мышами. По горѣ цвѣли Anemone narcissiflora и другія растенія.

Затѣмъ Палласъ осмотрѣлъ Саткинскіе заводы и отсюда направился по дорогѣ въ Исетскую провинцію. Дорога шла по ненаселенной мѣстности черезъ кряжъ горъ, извѣстный у башкиръ подъ именемъ *Уралъ-тау* (горный поясъ). Эти высокія горы покрыты лѣсомъ и необыкновенно сыры отъ постоянныхъ тумановъ. Въ этомъ углу Исетской провинціи много озеръ. Путешественники ѣхали высокими горами вдоль рѣки Сатки, покрытой дремучими лѣсами изъ лиственницъ, ели, сосны, березы и ясени. Изъ горъ на югъ течетъ нѣсколько рѣчекъ; изъ растеній встрѣчается Draba alpina, а изъ птицъ много кречетовъ. Башкиры ловятъ ихъ сѣтями. Развѣсивъ между деревьями сѣти, привязываютъ къ нимъ птичьи крылья, внизу подъ сѣтью для приманки сажаютъ живаго голубя: кречетъ бросается на него и запутывается въ сѣтяхъ.

Въ Исетской провинціи на востокѣ Урала башкиры зажиточнѣе; къ югу здѣсь тянутся прекрасныя пастбища для лошадей, которыхъ у богачей башкировъ бываетъ отъ нѣсколькихъ сотъ до четырехъ тысячъ у одного хозяина. Здѣсь самыя лучшія крупныя башкирскія лошади, ибо прекрасныя травы Исетской степи необыкновенно полезны для лошадей. Во всей провинціи башкиры держатъ *верблюдовъ*, но для нихъ все-таки здѣсь холодно. Хлѣба они сѣятъ мало, и то только овесъ и ячмень. Восточные склоны Урала, въ противуположность западнымъ, содержатъ въ себѣ много руды. Отправившись осматривать Златоустовскіе заводы, Палласъ ночью, во время переправы черезъ рѣчку, только благодаря случаю спасся отъ смерти. Въ поляхъ Исетской провинціи растетъ *валерьяна* съ душистыми корнями. Въ долинѣ Міаса видно было многочисленныя стада драфовъ, а также попадались и красныя утки (здѣсь называются онѣ *варнавами*). Онѣ съ выводками своими улетаютъ въ іюлѣ, а весной возвращаются сюда съ первыми перелетными птицами.

---

2. Природа Исетской провинціи.—Тагильскій заводъ; кедровые лѣса; лаковыя издѣлія. — Магнитная гора и гора Благодать. — Рѣка Тура. — Страна Вогуловъ.—Рѣки Ляла и Лобвь.—Соленыя озера на югѣ отъ Челябинска.—Троицкая крѣпость.—Осенній ловъ гусей и утокъ около Челябинска. — Природа при Яикѣ и Каспійскомъ морѣ.

Въ Исетской провинціи Палласъ пробылъ долго и былъ приведенъ въ восхищеніе ея природой и обиліемъ въ ней всего. Зимованіе на нынѣшній годъ было назначено въ Челябинскѣ, главной крѣпости Исетской провинціи. Отсюда онъ отправился осматривать заводы близъ Екатеринбурга.

Во всей Исетской степи масса желтыхъ комаровъ; въ озерахъ водится много черныхъ утокъ (турпановъ); не менѣе замѣчательны здѣсь небольшія сѣрыя утки съ голубыми носами (A. mersa), которыхъ здѣсь по голосу ихъ зовутъ *савками*. Онѣ плаваютъ, держа заднюю часть тѣла въ водѣ, необыкновенно ловко ныряютъ, летаютъ тяжело, а ходить совсѣмъ не могутъ. По многимъ ручьямъ растетъ журавлиный горохъ (Hedysarum Saxatile) и княжика (Rubus arcticus). Весь іюнь Палласъ употребилъ на осмотръ различныхъ заводовъ и 30 пріѣхалъ въ Тагильскій заводъ. Здѣсь растетъ кедръ, не идущій уже далѣе на югъ. Повсюду по горамъ до самой Исетской провинціи всю осень цвѣтетъ горный копытникъ (Hedysarum alpinum). Это самая лучшая кормовая трава. Но красу здѣшнихъ сѣверныхъ странъ составляетъ кедръ. Онъ даетъ плодъ не каждый годъ, а только тогда, если будутъ два мокрыхъ года кряду. Изъ всѣхъ хвойныхъ здѣшней мѣстности ни одно дерево не растетъ такъ долго какъ кедръ, не исключая и лиственницу; но не смотря на это древесина его легка, какъ ель, мягка и скоро гніетъ. Трудно представить себѣ дерево красивѣе кедра; верхушки же старыхъ кедровъ едва можно видѣть. Близъ Тагильскаго завода есть асбестовая гора; одна изъ мѣстныхъ старухъ умѣла изъ него ткать несгораемый холстъ; изъ асбеста, какъ извѣстно, дѣлаютъ бумагу и пергаментъ. Около Тагильскаго завода живутъ знаменитые колесники, работающіе на всю Сибирь колеса изъ полевой березы, которая несравненно крѣпче и тяжелѣе лѣсной. Она замѣняетъ здѣсь дубъ, не растущій въ Сибири. Изъ ремеслъ здѣсь замѣчательно хорошо лакированіе мѣди, жести и деревянныхъ чашекъ. Вещи эти лучше французскихъ, а лакированныя вещи не хуже китайскихъ. Лакъ приготовляютъ изъ коноплянаго масла съ свинцовой известью и сажей. Вещь намазы-

вается разъ восемь этимъ лакомъ и каждый разъ ставится сушиться въ жаркую печь. Масло держатъ долго въ печи, чтобы лучше сварилось съ свинцовой известью. Затѣмъ вырѣзываютъ очень искусно фигуры ножемъ и намазываютъ ихъ обыкновенно для этого употребляемой позолотой.

Около Нижне-Тагильскаго завода находится знаменитая *магнитная гора*. Гора эта имѣетъ коническую форму и состоитъ изъ чистаго желѣзняка. На верху горы желѣзнякъ ноздреватый, въ срединѣ же горы необыкновенно твердый, къ подошвѣ гораздо хуже. Въ горѣ попадаются куски магнита; наилучшая руда имѣетъ бѣловатый цвѣтъ желѣза. До четырехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ много дѣтей, занимаются собираніемъ руды; дѣти получаютъ по три коп. ас. въ день. Руду складываютъ въ кучи и зажигаютъ внутри; каждая куча въ четыреста пудовъ; обжиганіе продолжается сорокъ дней; остываетъ же куча въ теченіи десяти недѣль; затѣмъ ее разбиваютъ молотами. Сверху гора поросла соснами, а внизу растутъ кедры. Тутъ же недалеко находится и мѣдная руда.

Вблизи магнитной горы стоитъ заброшенный рудникъ Вуйскаго завода, гдѣ Никита Демидовъ вылилъ первую въ Россіи мѣдную доску и поднесъ ее Петру.

Затѣмъ Палласъ осмотрѣлъ гору Благодать; всходъ на нее крутъ и труденъ; высота ея до шестидесяти саженей. Желѣзнякъ ея крѣпче, но не такъ тяжелъ, какъ Тагильскій, за то плавчѣе и не требуетъ такого сильнаго обжиганія.

По рѣкѣ Турѣ Палласъ посетилъ деревни крестьянъ, поселенныхъ здѣсь изъ Вологодской губерніи. Они занимаются хлѣбопашествомъ; соха у нихъ подобно нѣмецкой, съ цѣльнымъ лемехомъ, борона же подобна финской, состоитъ изъ колотыхъ еловыхъ жердей и очень удобна на здѣшней каменистой почвѣ. Зимою жители ловятъ соболей и куницъ (по здѣшнему—*кадоссы*), гоняясь за ними на лыжахъ съ собаками; сидящихъ на деревѣ убиваютъ маленькими пулями. Соболя убить труднѣе, чѣмъ куницу: куница скоро бросается на дерево, а соболь долго бѣжитъ. Въ Турѣ, какъ и въ впадающихъ рѣкахъ въ Обь, водятся лососи (харіусъ), нельма и очень вкусные сиги.

Наконецъ, Палласъ отправился осматривать Верхотурскій мѣдный заводъ купца Походяшина; по дорогѣ къ заводу живутъ Вогулы, занимающіеся звѣроловствомъ.

Палласъ захотѣлъ осмотрѣть страну Вогуловъ, непроходимые еловые боры, населенные медвѣдями. Удаляясь отъ Туры, говоритъ Палласъ, мы въѣхали, пробираясь по узкой тропинкѣ, въ темный и болотистый еловый боръ. Еловыя вѣтви рвали на насъ одежду и кожу на лицѣ, лошади ежеминутно проваливались по брюхо, и мы должны были съ большими трудами перетаскиваться черезъ полусгнившія, сваленныя бурею, ели.

«Изъ растеній, говоритъ Палласъ, встрѣчались намъ здѣсь Moeringia и Linnaea borealis, которыхъ я часто проклиналъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, ибо гдѣ онѣ росли, тамъ были непремѣнно самыя скверныя болота. Наконецъ, я долженъ былъ взять лошадь за узду и идти въ сопровожденіи вогула по колѣна въ водѣ: повсюду лежали свалившіяся деревья и преграждали намъ путь. Я взялъ топоръ и долженъ былъ имъ пролагать себѣ путь. Но подъ конецъ мы все-таки не могли идти далѣе. Я послалъ впередъ двухъ вогуловъ отыскивать дорогу; черезъ часъ они вернулись, ничего не сдѣлавъ, напуганные криками филина, котораго они приняли за чорта. Итакъ мы должны были вернуться назадъ къ Турѣ.»

,,По Турѣ тянутся кедровые и лиственичные лѣса, на пняхъ которыхъ вогулы собираютъ камедь и терпентинъ (сѣра). Камедь вогулы жуютъ или употребляютъ на клей. Берега Туры очень красивы: они то каменистые, то покрыты лѣсистыми холмами. На камняхъ растетъ красивый мохъ—Lichen fulvus. Миріады комаровъ кишатъ въ воздухѣ; жители во время сѣнокоса или же ходя по лѣсу привязываютъ на спину курушки отъ комаровъ. Затѣмъ мы поѣхали по рѣчкѣ Лялѣ, поросшей таволгой, какъ и по Сосвѣ, вишнякомъ, терномъ, малиной, смородиной, крыжовникомъ и горнымъ соснякомъ.

Рѣка Ляла вытекаетъ изъ высокаго Павдинскаго камня и, соединившись съ Лобвою, вливается широко въ Сосву, образуя много острововъ, мелей и излучинъ. По обоимъ берегамъ ея тянется густой, темный, болотистый боръ. Поселенія по ней рѣдки, жители занимаются распашкой новыхъ мѣстъ и сѣютъ рожь, ячмень и овесъ. Отсюда идетъ до Оби страна болотистыхъ еловыхъ лѣсовъ, обильныхъ клюквой, морошкой, волчьимъ лыкомъ (Daphe mezereum); кромѣ того здѣсь растетъ бузина, жимолость, тополь, ель, лиственница, кедръ, который растетъ тѣмъ лучше, чѣмъ глубже болото. Зимой жители ловятъ силками куропатокъ, зайцевъ и соболей.

По Лобви есть чисто березовыя рощи съ прекрасными сѣнокосами: вдоль рѣки растетъ водяная трава въ ростъ человѣка, которую очень любятъ лоси. Они скрываются въ ней отъ оводовъ, заходятъ въ глубь воды и когда кормятся подъ водою этой травой, то такъ громко рычатъ, что далеко слышно. Въ это время къ нимъ подкрадываются вогулы на лодкахъ и бьютъ ихъ.

Вогулы живутъ обыкновенно по лѣсамъ семьями, потому что, промышляя охотою, не могутъ образовать деревень. Они не держатъ лошадей потому, что въ этихъ непроходимыхъ болотахъ и лѣсахъ удобнѣе ходить пѣшкомъ; богатые держатъ коровъ, собакъ имѣютъ рѣдко; главное ихъ довольство составляютъ лоси. Вогулы роютъ по лѣсамъ ямы, въ которыя и попадаютъ лоси, а иногда и бѣглые олени. Лосиными кожами они вносятъ подати въ казну, мясо же сушатъ или коптятъ. Кромѣ того они питаются птицами, кедровыми орѣхами и ягодами; соли не употребляютъ. Они здоровы въ этомъ ужасномъ климатѣ, но недолговѣчны; ростомъ малы, а съ лица напоминаютъ калмыковъ. Хотя они христiане, но подъ Сосвой у нихъ есть истуканъ, лосиный теленокъ, которому они поклоняются.

Осмотрѣвъ Богословскiй заводъ, Князпинское озеро, городъ Верхотурье, магнитную гору на рѣкѣ Иссѣ (въ этой горѣ попадаются магниты въ пудъ вѣсомъ), Палласъ 13 августа прiѣхалъ обратно въ Челябинскъ. Отсюда онъ отправился на югъ осматривать соленыя озера между Мiасомъ и Уей. Въ степи онъ нашелъ высохшее уже теперь озеро Займище Курланды, гдѣ въ прежнiя времена водилось много дикихъ свиней. Въ нѣсколькихъ озерахъ было много горныхъ утокъ (Tadorna) и бѣлыхъ хохотуновъ; несмотря на соленость, въ этихъ озерахъ было много карасей, щукъ, лещей, а весной здѣсь держалось много птицы.

Наконецъ, Палласъ прiѣхалъ въ Троицкую крѣпость на рѣкѣ Уѣ, вытекающей изъ Уральскихъ горъ близъ вершины Яика. Троицкъ центръ азiатской здѣшней торговли и складъ ташкентскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ товаровъ. Отсюда онъ отправился въ степь и осмотрѣлъ киргизскiй храмъ — *Кошена*, окруженный могилами, и переѣхалъ около Петропавловской крѣпости цѣпь высокихъ лѣсныхъ холмовъ Окто-Карагай, водораздѣлъ Яика и Тобола. Осмотрѣвъ нѣкоторые рудники, Палласъ 29 августа вернулся въ Челябинскъ, страдая воспаленiемъ глазъ отъ сильной жары, степной соленой пыли и сильныхъ вѣтровъ. Удерживаемый

болѣзнею глазъ на мѣстѣ, Палласъ занялся изученіемъ осенняго пролета птицъ.

Осенью съ сѣвера сюда слетаются многочисленныя стада птицъ; по степнымъ озерамъ останавливаются стада гусей, утокъ и всякихъ водяныхъ птицъ. Весной точно также сюда прилетаютъ стада птицъ съ юга и остаются въ теплыхъ южныхъ степяхъ до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ не наступитъ весна и не вскроются сѣверныя рѣки, а здѣсь, въ южныхъ степяхъ, снѣгъ скоро стаиваетъ и птицы находятъ довольно корму. Обыкновенно птицы отсюда отлетаютъ на сѣверъ въ апрѣлѣ: бѣлые гуси, ледовитыя утки, пестрыя гагары тянутся тогда стадами. Здѣсь же по озерамъ остаются большіе дикіе гуси, различныя утки, гагары, хохотуны, пестрые и бѣлые журавли, цапли, кулики, изъ нихъ нѣкоторые улетаютъ и на сѣверъ. Горныя же утки и карагатки не улетаютъ отсюда. Эти утки прилетаютъ сюда раньше всѣхъ, ибо онѣ зиму проводятъ въ окрестныхъ азіатскихъ степяхъ, куда улетаютъ въ началѣ августа, когда у молодыхъ выростутъ крылья. Всѣ птицы, проводящія на сѣверѣ лѣто, осенью возвращаются сюда въ обильныя водою мѣстности и остаются здѣсь до наступленія зимы. Первыми возвращаются дикія гуси и утки, затѣмъ казарки и журавли; послѣдними прибываютъ ледовитыя утки тогда, когда уже на сѣверѣ наступитъ зима: здѣсь онѣ садятся преимущественно на соленыя озера.

Какъ скоро жители узнаютъ о появленіи гусей и утокъ по озерамъ, тотчасъ начинается замѣчательная охота на нихъ. Ловятъ птицу сѣтями. Отыскиваютъ по близости озеръ рощу, близъ которыхъ укрываются обыкновенно отъ вѣтра гуси. Охота основана на привычкахъ гусей: дикіе гуси каждое утро при восходѣ солнца улетаютъ кормиться въ поля, а вечеромъ возвращаются черезъ эти рощи на однажды выбранное мѣсто, купаются и ночуютъ здѣсь. Вдоль того мѣста въ рощѣ, надъ которымъ пролетаютъ гуси, дѣлаютъ просѣку, аршинъ въ 25 шириною: гуси непремѣнно станутъ летать просѣкой, не желая подыматься выше рощи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ озера отстоятъ недалеко другъ отъ друга, прорубаютъ просѣку отъ одного озера къ другому и дѣлаютъ такимъ образомъ свободную для гусей дорогу. Въ извѣстныхъ мѣстахъ на просѣкахъ оставляютъ двѣ высокія березы, деревья очищаютъ отъ сучьевъ и вѣтвей, а между деревьями вѣшаютъ сѣти,

Въ сумеркахъ охотникъ взлѣзаетъ на дерево, прилаживаетъ сѣть, отъ которой у него двѣ веревки; съ ними онъ и прячется въ траву, ожидая терпѣливо до утренней зари своей добычи. За часъ до восхода солнца гуси подымаются изъ озеръ, и, невидя въ потьмахъ сѣти, вытянувъ шеи, влетаютъ въ нее: охотникъ опускаетъ веревки и стадо, запутавшись въ сѣти, падаетъ на землю. Почти ни одной ночи охотникъ напрасно не прокараулитъ: часто за разъ ему достается двадцать гусей. На день сѣть опускаютъ. Кромѣ гусей и казарокъ, изъ которыхъ жаркое очень вкусное, такимъ же образомъ ловятъ утокъ и гагаръ.

Посланный еще въ февралѣ на Яикъ и Каспійское море, для естественно-историческихъ изслѣдованій, студентъ Соколовъ возвратился теперь.

«Онъ достоенъ всякой похвалы за свое усердіе, говоритъ Палласъ. Онъ привезъ 4-хъ звѣрковъ, неизвѣстныхъ еще мнѣ: кустарную мышь, странствующую мышь и еще самое маленькое животное изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ четвероногихъ — мышь-крошку (Mus minuta). Изъ птицъ южныхъ степей Каспійскаго моря, онъ привезъ замѣчательнаго чернаго жаворонка (Alauda tatarica). Этотъ жаворонокъ лѣтомъ живетъ въ степяхъ; на зиму часто отлетаетъ на югъ, держится тогда вблизи человѣческихъ жилищъ, куда лѣтомъ не приближается; затѣмъ — неизвѣстнаго доселѣ *персидскаго стрижа* (Merops persica) малаго пеликана, черноголоваго хохотуна (Larus schiactus), хохлатую утку съ красной головой (A. rufina), прекрасную желтобурую цаплю съ длинными на головѣ и шеѣ перьями (Ardea commata), различныхъ рѣдкихъ куликовъ, напримѣръ, кулика кривоносаго пѣгова (Recurvirostra), болотнаго кулика (Tringa lobata), лапландскаго и горнаго пѣтушковъ (Scolopax lapponica et alpica), азіатскаго кулика (Charadrius asiaticus), два новыхъ вида змѣй, много новыхъ насѣкомыхъ (Scarabeus sacer), жуковъ долгоносиковъ, дровосѣковъ, кузнечиковъ, замѣчательнаго паука (Aranea speciosissima) и проч.“

Весной яицкая степь покрывается превосходными цвѣтами. Слѣдующія растенія весной цвѣтутъ по всему сѣверному берегу Каспійскаго моря: каспійская лилія, тюльпаны, ранункулы (R. falcatus), левкой (Ch. chius, littoreus), астрагалы, по сухимъ мѣстамъ—*ревень*; особенно его много у устьевъ Яика; затѣмъ множество *солянокъ*, которыя начинаютъ цвѣсти только въ іюлѣ, когда всѣ другія растенія здѣсь отцвѣтаютъ. Чтобы изучить ихъ подроб-

нѣе слѣдовало бы ихъ разводить въ ботаническихъ садахъ, прибавляетъ Палласъ. Соколовъ кромѣ того ѣздилъ въ Калмыцкую степь: тамъ у почти изсякшаго ручья Нарынъ, впадающаго въ Каспійское море, видѣлъ онъ дикихъ лошадей, называемыхъ киргизами *куланами*; онѣ съ виду похожи на лошаковъ. Завидя людей, онѣ немного потопавъ ногами, пустились бѣжать. Далѣе Соколовъ осмотрѣлъ Рынь-Пески, простирающіеся до Каспійскаго моря; здѣсь на выгорѣвшемъ пескѣ растетъ шишковатый кустарникъ, называемый киргизами и калмыками *торлокъ* (Pterococcus aphyllus). Калмыки изъ его пня вырѣзаютъ трубки; древесина его очень тверда, а въ свѣжихъ корняхъ много камеди; осенью на немъ опадаютъ до самаго корня всѣ стебли, а весной вновь выростаютъ.

Путь изъ Челябинска до Омска.

Окончаніе первый экспедиціи.—Сборы для изслѣдованія Сибири.—Еще замѣчанія объ Исетской провинціи.—Весна.—Дорога въ Омскъ.—Рѣка Куртамышъ. Каминская слобода. Звѣриноголовскъ.—Тобольско-Ишимская линія.—Путешествіе вдоль Тобола.—Илецкій боръ.—Уковскій боръ.—Рѣки Вагай, Карасукъ и Ишимъ.—Бѣлые журавли и летяги.—Остальной путь по Иртышу до Омска.

Въ декабрѣ Палласъ ѣздилъ изъ Челябинска въ Тобольскъ. Вся степь между Міасомъ, Уею и Toболомъ покрыта горько-солеными озерами.

Озера Исетской провинціи подвержены страннымъ перемѣнамъ если исчезнутъ притоки къ озеру прѣсной воды, то озеро становится горькимъ, и рыба въ немъ дохнетъ. Замѣчательнѣйшія озера Исетской провинціи *Сура* или *Токмаклы*, около котораго живетъ много лебедей, и *Сарочи* или *Черданлы*, необыкновенно горько-соленное

Пріѣхавъ въ Тюмень черезъ рѣку Туру, Палласъ видѣлъ могилу путешественника Стеллера. Между Тюменемъ и Тобольскомъ тянется открытая, черноземная степь. Подъ Тюменью сѣятъ сибирскую гречу, замѣчаетъ Палласъ, которая на другой годъ отъ падалицы сама всходитъ: весной только вспашутъ ее и заволокутъ; гречиха здѣсь очень дешева.

2 января Палласъ вернулся въ Челябинскъ.

Такимъ образомъ была проведена зима и часть лѣта; цѣль, для котораго были отправлены Академіей экспедиціи, была покончена. Съ одной стороны Палласъ, съ другой Лепехинъ и Фалькъ подробно обозрѣли

Оренбургскую губернію. Поэтому Лепехинъ и Палласъ обратились къ Академіи съ предложеніемъ, чтобы она назначила поѣздки для изслѣдованія сѣверной Россіи и сѣверной Сибири, ибо большая часть результатовъ прежнихъ путешествій, Стеллера и Гмелина, пропала безполезно. Академія приняла предложеніе, и Лепехинъ отправился изслѣдовать сѣверъ Казанской губерніи, Архангельскую губ. и берега бѣлаго моря; Палласъ же долженъ былъ объѣхать сѣверную и восточную Сибирь, изслѣдуя преимущественно животныхъ этихъ странъ, ибо прежніе путешественники занимались главнымъ образомъ ботаникой.

«Желая какъ можно выгоднѣе воспользоваться временемъ, говоритъ Палласъ, я разослалъ въ разныя стороны своихъ помощниковъ. Зуева отправилъ въ Березово изслѣдовать Обь внизъ до Ледовитаго Океана, давъ ему стрѣлка, чучельника и подробное наставленіе. Въ мартѣ пріѣхали ко мнѣ въ Челябинскъ Фалькъ и Георги посовѣтываться со мною: они также собирались ѣхать въ Сибирь. Рычковъ всю зиму жилъ со мною; онъ отказался по нездоровью ѣхать въ Сибирь; просилъ увольненія и позволенія на возвратномъ пути, обозрѣть Инсеръ, Илимъ и Діому. Академія согласилась на это; но такъ какъ въ это время изъ Орской крѣпости войско двинулось на югъ за Камышинъ, то не желая упустить такого удобнаго случая для изученія тѣхъ мѣстностей, я отправилъ туда Рычкова.»

Прибавимъ еще замѣчанія объ Исетской провинціи того времени. Это самая плодородная часть Оренбургской губерніи, имѣетъ триста верстъ длины и населена башкирами, мещереками и татарами.

Здѣсь десятки тысячъ десятинъ прекрасной земли лежатъ еще не паханныя, потому что башкиры занимаются скотоводствомъ. Здѣсь сѣютъ рожь, пшеницу, ячмень и овесъ; все родится самъ десять Эта провинція не менѣе того *удобна и для садоводства.* Между огородными растеніями здѣсь растетъ удивительной величины *бѣлая рѣпа*; но арбузы здѣсь не выспѣваютъ. *Хмѣлю* по всему Уралу растетъ множество; дикой степной вишни также много. Растущая здѣсь хорошо береза истребляется казаками и башкирами большою частію безъ всякой надобности. Эта провинція точно также необыкновенно удобна для овцеводства, коневодства и для разведенія рогатаго скота, а соленыя степи удобны для содержанія *верблюдовъ.* Звѣроловство здѣсь не важно, однако башкиры

ловятъ здѣсь куницъ, лисицъ, волковъ и доходятъ въ степяхъ охотяся до Тобола и Ишима, возвращаясь назадъ съ богатой добычей корсаковъ, лисицъ, волковъ, бобровъ, выдръ, горнастаевъ, бѣлокъ; но соболя здѣсь рѣдки. Лѣтомъ водится множество всякой дичи; зимой—тетерева и бѣлыя куропатки. Въ горахъ живутъ соколы и прекрасные ястреба. Въ лѣсахъ по рѣкѣ Исети живетъ родъ копчика (F. pulmonarius); онъ болѣе обыкновеннаго копчика и подъ старость бѣлѣетъ. Башкиры много промышляютъ соколиною охотою. По причинѣ множества озеръ вся Исетская провинція богата рыбою, пудъ рыбы стоитъ 25—35 к. ас.; во многихъ озерахъ ловятъ карасей; въ озерахъ же съ песчаннымъ дномъ—*чабановъ*. Въ Міасѣ и Исети изрѣдка попадаются нельмы, а въ полую воду—*таймень*. Лещей, судаковъ и першей (Asper) здѣсь и далѣе въ Сибирѣ совсѣмъ нѣтъ. Стерлядь рѣдко заходитъ въ Міасъ; осетры есть въ Тоболѣ. Что касается климата, то часть горная и лежащая по сѣверному углу Міаса отличается здоровымъ воздухомъ, и люди здѣсь доживаютъ до глубокой старости, такъ что столѣтіе здѣсь вовсе не рѣдкость. Напротивъ. юговосточная часть провинціи, гдѣ много болотъ и гнилыхъ озеръ, отличается лихорадками, цынгой и воспаленіемъ глазъ, причиняемымъ горько-соленою пылью.

Наступила весна 1770 года. Палласъ воспользовался ею для наблюденій надъ періодическою жизнію животныхъ.

Весеннія, отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ, воды Тобола сильно разливаются, и вообще всѣ рѣки Исетской провинціи, а потому надо было торопиться ѣхать.

19 марта показались пролетныя галки, грачи и вороны, за ними послѣдовали лебеди и утки. 28 марта прилетѣли гуси, скворцы и жаворонки, мелкая водяная и лѣсная дичь. 4 апрѣля показались кукушки и родъ овсянки (Em. pithyorinus), которыхъ Палласъ потомъ встрѣчалъ во всѣхъ сосновыхъ лѣсахъ Сибири: онѣ нигдѣ не водятся въ другихъ мѣстахъ. 10 апрѣля распустился Сибирскій анемонъ, показалась Draba verna, а по пашнямъ показались стада особаго рода птичекъ (Fringila calcarata), которыхъ кромѣ Сибири нѣтъ нигдѣ: у нихъ на заднихъ пальцахъ, какъ у жаворонковъ, длинные когти. 14 Апрѣля во множествѣ летали первыя насѣкомыя, а въ березовыхъ рощахъ бабочки, которыя въ Сибири появляются во множествѣ передъ распусканіемъ березы.

16 апрѣля Палласъ оставилъ Челябинскъ. Ночью передъ самымъ отъѣздомъ было видно сильное зарево: уже три дня какъ горѣла степь, и еслибы не дождь, то и Челябинскъ сгорѣлъ бы. Въ этихъ странахъ въ апрѣлѣ степные пожары очень обыкновенны, ибо въ это время выжигаютъ прошлогоднюю траву.

Палласъ направился черезъ Ишимскую степь въ Омскъ; къ вечеру слышно было токованіе бѣлой куропатки. Дорога до Иртыша шла полями съ солончаковой почвой, покрытая веселыми кустами сибирской вѣтреницы, придававшей то блѣдножелтый, то бѣловатый видъ степи; но синихъ анемоновъ здѣсь не видно: ихъ много по теплымъ мѣстамъ Волги и Яика. Когда это растеніе въ полномъ цвѣту, то распускается при восходѣ солнца, наклоняясь къ востоку и оборачиваясь такимъ образомъ по теченію солнца и, дошедь до заката, становится прямо, свертывается и остается въ такомъ видѣ до восхода солнца. Но въ холодную, пасмурную и дождливую погоду совсѣмъ не распускается; въ Сибирѣ ее повсюду называютъ *вѣтреницей*. Кромѣ вѣтреницы луга испещрены были растеніемъ Adonis apeninna, которое чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ становится лучше; напротивъ Adonis vera здѣсь мало растетъ и не великъ. Крестьяне называютъ его *стародубкой*.

Далѣе пошла степь, поросшая березнякомъ, осинникомъ и сосникомъ; по дорогѣ попадалось множество ящерицъ, которыхъ въ Сибирѣ обиліе, особенно черноватыхъ съ ярко-желтыми брюхами. Подвигаясь далѣе, пошла страна болотистая, озерная; около озера Зайдячева много кабановъ. Вдоль рѣки Куртамыша водилось прежде много лосей, а горностаевъ и лисицъ и теперь много; изъ киргизскихъ степей изрѣдко забѣгаютъ сюда олени; иногда попадались земляные зайцы (M. jaculus). Мѣстности вдоль Куртамыша то низменныя, то холмистыя и песчанныя, покрытыя лѣсами, солончаками, вообще же очень разнообразныя.

Наконецъ, Палласъ пріѣхалъ въ *Каминскую* слободу, лежащую на Тоболѣ. Жители ея ловятъ много рыбы: окуни и плотва попадаются въ полъаршина, а иногда и въ три четверти; язи такой же величины; но сомовъ, лещей и судаковъ здѣсь нѣтъ. Очень много вкусныхъ ершей, но жители по суевѣрію ихъ не ѣдятъ. Мѣстность здѣсь вообще сырая. Къ западу же отъ Тобола лежатъ много озеръ. Изъ животныхъ обращаетъ на себя вниманіе бѣлый журавль. Въ лѣсахъ много звѣрей; водятся также и лоси, а въ болотистыхъ мѣстахъ *свиньи*.

Здѣшніе жители осенью, если только киргизы мирны, отправляются большими артелями въ Киргизскія степи до Ишима для ловли звѣрей, рыбъ и собиранія *дикаго хмѣля*, который въ горахъ, вверхъ по Ишиму, обильно растетъ. Рыбу ходятъ ловить въ озеро Чебаркулъ, ближе къ Тоболу, и Копчи, ближе къ Ишиму. Озеро Копчи, по разсказамъ жителей, окружено хорошею землей; вокругъ него водится много оленей, лосей и свиней, а также находится и руда. За слободой въ степи видны вездѣ курганы. Затѣмъ идетъ большой сосновый лѣсъ, среди котораго находится Завьялово озеро, гдѣ ловятъ много лебедей и другой дичи, напримѣръ, славокъ съ голубыми носами (A. mersa). Между заливами озера ловятъ утокъ сѣтями, по описанному уже выше способу, а также и по поверхности воды разставляютъ волосяныя сѣти для ловли утокъ.

Затѣмъ Палласъ пріѣхалъ въ Звѣриноголовскъ, отъ котораго идетъ Тобольско-Ишимская военная линія, проходящая по полосѣ безчисленныхъ соленыхъ и грязныхъ озеръ до Ишима, а отсюда до Иртыша тоже по безчисленнымъ озерамъ на востокъ поперегъ Ишимской степени. Вся эта линія, цѣпь горькихъ озеръ, замѣчательна недостаткомъ прѣсной воды и безпрестаннымъ безпокойствомъ отъ киргизовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, чтобы удержать набѣги киргизовъ, велѣно всю эту линію, на протяженіи пятисотъ верстъ, заставить рогатками. Общая соленность Исетскихъ и между Тоболемъ и Иртышемъ лежащихъ степей, зависитъ отъ флецовыхъ горъ. Хребетъ горъ, идущій отъ Урала черезъ Киргизскую степь къ Алтаю, удѣляетъ изъ своихъ флецовъ въ долины безчисленные соленые ключи. Ибо вся равнина къ сѣверу отъ этого хребта до предѣловъ Россіи и вся Киргизская степь, между Ураломъ и Иртышомъ, обильна солеными озерами, точно также и къ востоку отъ Иртыша до Оби. Бараба получила соленое свойство свое отъ Алтая и Обскихъ горъ. Въ 40 верстахъ отъ Звѣриноголовска къ югу лежитъ огромное озеро Чеборкулъ, богатое рыбою.

На этомъ трудномъ пути вся прислуга и спутники Палласа заболѣли отъ продолжительныхъ трудовъ и вреднаго климата.

25 Апрѣля Палласъ долженъ былъ пуститься внизъ по Тоболу по затопленнымъ берегамъ. По берегамъ цвѣли ракитникъ, таволга, дикій чеснокъ, который мужики сажаютъ въ огородахъ. Въ берего-

выхъ рощахъ попадалась мышь съ черною на спинѣ полосою и длиннымъ хвостомъ: она живетъ здѣсь вплоть до зимы; зимою же, забившись въ дупло или нору, спитъ. 26 Апрѣля дулъ сильный вѣтеръ, а ночью былъ морозъ. Наконецъ, Палласъ въѣхалъ по Тоболу въ густо-населенную мѣстность близъ такъ называемаго *Царева Кургана.* Этотъ курганъ ничто иное какъ громадная насыпь, неизвѣстно когда сдѣланная; холмъ этотъ окруженъ валомъ и рвомъ въ триста пятьдесятъ аршинъ. Вокругъ него находится нѣсколько малыхъ насыпей. Невдалекѣ отсюда тянется большой березовый Илецкій лѣсъ, вдоль Чернаго ручья, на которомъ расположилось много деревень.

28 Апрѣля показались большія стада *казарокъ* (A. erythropus), направлявшихся на сѣверъ: онѣ паслись на поляхъ или летали; точно также видны были небольшія стада альпійскихъ жаворонковъ (A. alpestris), летѣвшихъ на югъ. Переѣхавъ Черную рѣчку, Палласъ вступилъ въ песчаный *Илецкій боръ*, изъ него вытекаетъ большая рѣчка Икъ, по которой населеніе также довольно густо. 29 поднялся сильный западный вѣтеръ, а на первое мая былъ сильный морозъ; но замѣчательно, что распускавшіяся почки мало повредились отъ него. Точно также и далѣе, по направленію къ озеру Ачикулу, расположилось много деревень. Здѣсь идутъ мѣста обильныя хлѣбомъ, потому что деревни лежащія по Тоболу и Иртышу, имѣютъ низкія поля и даже въ сильную засуху даютъ урожай; только въ очень мочливые года бываютъ неурожаи. Здѣсь сѣютъ рожь, пшеницу, просо и овесъ. Отъ Илецкаго бора до впаденія Исети въ Тоболъ тянется высокій хребетъ горъ, гдѣ множество большихъ кургановъ и солончаковъ.

1 мая вновь свирѣпствовала сольная буря съ запада, а на слѣдующій день выпалъ въ полъаршина снѣгъ, дороги сдѣлались окончательно непроходимы. Здѣсь отъ Суерскаго острога, между Тоболомъ и Сосновымъ боромъ, лежитъ плодородная долина со множествомъ деревень и разсѣяны курганы, поросшіе столѣтними соснами. Сегодня вечеромъ было сѣверное сіяніе. Въ Суерскомъ острогѣ больной чучеленикъ Палласа, Шумскій, умеръ. Отъ Суерска по другому берегу Тобола идутъ прекрасные лѣсистые холмы съ безчисленными курганами; здѣсь по Тоболу также населеніе густое. Небольшіе ястреба (F. regulus) гонялись за подорожниками и подымались съ добычей кверху.

Теперь путешественники въѣхали въ Уковскій боръ, идущій отъ рѣки Уки до устья Тобола, широкою полосою отъ восьми до двадцати верстъ. Но далѣе внизъ сосновый боръ исчезаетъ, а идетъ черно-лѣсье, гдѣ попадается уже липа, которая, начиная съ Уральскихъ горъ, не была до сихъ поръ видна. Дорога шла по рѣкѣ Укѣ страной обиленой лѣсомъ и хлѣбомъ; но, къ сожалѣнію, лѣсъ здѣсь истребляется самымъ неразумнымъ образомъ для большаго винокуреннаго завода: вездѣ торчатъ пни аршина въ два въ отрубѣ и недаютъ расти молодому лѣсу. Около истоковъ Уки холмы состоятъ изъ ила и чернозема, покрытаго густымъ березнякомъ; но страна эта такъ холодна, что здѣсь почки были въ такомъ еще положеніи, въ какомъ Палласъ ихъ оставилъ въ Челябинскѣ, и еще до сихъ поръ мѣстами лежалъ снѣгъ.

Страна между Укою и Вагаемъ (Вагайскій волокъ) болотиста, по крыта по сухимъ мѣстамъ кучами особаго вида мелкихъ муравьевъ. Здѣшніе крестьяне зимой ловятъ много горностаевъ ловушками. Мѣста по Вагаю, изобилуютъ жабами и ящерицами, которыми питаются копчики (Falco apivorus): зобы ихъ были набиты этими тварями Вдоль Вагая также расположено много деревень. Отъ Вагая путь лежалъ черезъ березовыя рощи и *кустарную иву*, которая очень обыкновенна вдоль Ишима, и одна покрываетъ большія болотистыя долины. Здѣсь попадалось путешественникамъ множество прекрасныхъ синичекъ (Muscicapa): у нихъ голова и спинка черная, грудь же оранжевая; ихъ пріятное пѣніе было слышно повсюду. До Ишима и Иртыша всюду шли поляны, покрытыя березовыми рощами, а мѣстности вдоль Карассука очень живописны. Вся страна эта, покрытая цвѣтущими полянами, указывала, что она теплѣе Вагая.

Рѣка Карассукъ течетъ дивными змѣеобразными извивами, имѣетъ высокіе иловатые берега и покрыта рощами. На ней встрѣчаются окаменѣлыя слоновыя кости. Мѣстность эта плодородна, обильна лугами и курганами, которые разрываются жителями. Въ Карассукѣ много рыбы.

Отсюда путешественники поѣхали вдоль Ишима, берега котораго усѣяны курганами; вода въ немъ мутная, берега иловатые, рыбы хорошей нѣтъ. За Ишимомъ они видѣли сильный степной пожаръ. По Ишимской степи путешественники проѣхали мѣстностью покрытой большими озерами, гдѣ водится много дичи;

особенно было много стерховъ, бѣлыхъ журавлей (Grus leucoranus), образъ жизни которыхъ Палласу хотѣлось узнать, почему онъ остановился на два дня въ деревнѣ Крутой. Около озера Монгуша, говорятъ, водится много дикихъ свиней.

11 мая вернулись охотники Палласа, посланные за бѣлыми журавлями, и привезли нѣсколько сотъ отличныхъ бѣлыхъ птицъ, которыя имъ стоили большихъ трудовъ. Эта птица еще гораздо осторожнѣе обыкновенныхъ журавлей: завидя человѣка издали, они съ лебединымъ крикомъ подымаются вверхъ. Они пяти футовъ ростомъ, поэтому могутъ очень далеко видѣть; малѣйшее движенiе въ тростникѣ дѣлаетъ ихъ подозрительными. Охотники весьма осторожно подкрадываются къ нимъ въ то время, когда они охотятся за мелкой рыбой. Напротивъ того, собакъ они нисколько не боятся, а замѣтя ихъ на берегу, бросаются на нихъ съ яростью; точно также они бываютъ смѣлы, защищая свои гнѣзды. Въ это время они не стараются улетѣть, а храбро защищаютъ свое жилище: огромный и острый ихъ носъ очень опасенъ. Гнѣзда дѣлаютъ они изъ тростника, въ уединенныхъ болотахъ, на холмахъ покрытыхъ осокой; самецъ и самка попеременно стерегутъ гнѣздо. Яицъ кладутъ два, величиною съ гусиныя, желтозеленыя съ темными крапинами. Теперь они лишь только начали нестись. Дѣти достигаютъ полнаго роста въ первый годъ, но имѣютъ охро-желтыя перья, а голова у носа черная; на второй годъ они бѣлѣютъ, только верхнiя перья крыльевъ черныя, носъ и ноги у нихъ красные, на шеѣ остается нѣсколько желтыхъ перьевъ; но съ годами они дѣлаются бѣлы, какъ лебеди. Они живутъ между Уральскими горами и рѣкою Обью, въ пустынныхъ, отдаленныхъ озерахъ и болотахъ Ишимской и Барабинской степи, куда прилетаютъ съ юга каждую весну. Весной они перелетаютъ Каспiйское море, кажется, въ одиночку и очень высоко. Но это не тотъ бѣлый журавль, который водится въ Малороссiи и извѣстенъ тамъ подъ именемъ *бочана*; онъ не водится въ Сибири, а живетъ въ Бухарiи, гнѣздясь на крышахъ. Молодыхъ можно воспитывать при домѣ: они живутъ мирно съ обыкновенными журавлями, но сердиты и кидаются на дѣтей.

Въ это же время Палласъ посылалъ охотниковъ за *летягами*, которыхъ много, начиная отъ Уральскихъ горъ, по всей Сибири въ березовыхъ рощахъ, чистыхъ или смѣшанныхъ. Летяги гнѣзда

вьютъ въ дуплахъ; кормятся березовыми сережками, а также еловыми почками. Онѣ выходятъ въ сумеркахъ или ночью; на землю спускаются рѣдко. Онѣ перелетаютъ, но не горизонтально, а вкось и внизъ, саженей на двадцать съ одного дерева на другое посредствомъ перепонокъ, растянутыхъ между ногами съ боковъ. Онѣ сѣраго цвѣта, а потому ихъ очень трудно различить на березѣ. Дѣтеныши до четырехъ недѣль бываютъ голые и слѣпые. Палласъ возилъ съ собою гнѣздо летяги: днемъ мать сидѣла надъ ними, вечеромъ закрывала ихъ мохомъ и искала пищи. Дѣти расли медленно и были слѣпы четырнадцать дней, чего не бываетъ ни у одного животнаго.

Наши путешественники продолжали путь. „13 мая былъ очень жаркій день, говоритъ Палласъ: множество растеній уже цвѣло; но замѣчательно, что не смотря на это было мало насѣкомыхъ. По Иртышу много растетъ дикаго укропа (Peusedanum) вездѣ, гдѣ подпочва солонцеватая. На пути лежало озеро Бекишево, замѣчательное тѣмъ, что на немъ въ это время собрались массы разнообразныхъ птицъ: всю ночь раздавался ужасный крикъ лебедей, утокъ, цаплей, нырковъ, выкрикивавшихъ одни за другими до самой полуночи, пока горлица не закончила этотъ концертъ. Мы теперь ѣхали къ югу по Иртышу, и потому много попадалось растеній, покрывавшихъ его берега: таволжникъ, боярышникъ, калина начали уже цвѣсти; на солончаковыхъ мѣстахъ попадалась Serratula съ листьями весьма причудливой формы. Здѣшніе (по Иртышу) крестьяне ловятъ много осетровъ и стерлядей (деревня Воровская); стерляди и осетры здѣсь жирны, но не вкусны. Зимой ихъ ловятъ около Семипалатинска и Устькаменогорска, гдѣ онѣ зимуютъ стадами. Самыя крупныя стерляди во всей Россіи попадаютъ въ Оби: онѣ бываютъ въ *полтора* аршина; осетры же здѣсь не бываютъ болѣе трехъ пудовъ. Въ Иртышѣ живетъ великое множество налимовъ, достигающихъ трехъ аршинъ длины; бѣлугъ, сомовъ и севрюгъ нѣтъ; изъ сиговъ водится *бѣлый сигъ* (нельма); форель попадается рѣдко. Въ верху рѣки, на каменистомъ днѣ, осетры и стерляди не такъ жирны. По степи протекаетъ весьма быстрая рѣчка Камышловка; растенія далѣе были уже въ полномъ цвѣту, особенно было много Potentilla bixida. Чѣмъ ѣхали мы далѣе, тѣмъ степь становилась чище и безлеснѣе, а растенія роскошнѣе цвѣли. Великое множество жаворонковъ и перепелокъ наполняли степь; здѣсь же я встрѣтилъ особый видъ желтоголоваго жаворонка (Calandra),

какого я еще никогда не видалъ: ихъ очень много до самыхъ горъ въ степяхъ около Иртыша. Они любятъ держаться близъ дороги, летаютъ не стадами и не высоко, поютъ хуже полевыхъ жаворонковъ, гнѣзда вьютъ также, какъ и полевыя, питаются кузнечиками и червями".

Итакъ въ концѣ Мая Палласъ прiѣхалъ въ Омскую крѣпость.

4. Окрестности Омска.—Природа по Иртышу.—Рѣчка Карассукъ.—Степная растительность и птицы; песчаныя степи и проч.—Барнаульскiй и Касмалинскiй боры.—Грачевскiй форпостъ.—Алтайскiя горы.—Шулбинскiй боръ.—Остатки древнѣйшихъ обитателей горъ.—Рѣка Алея, Уба и другiя.—Горныя сопки.

Подъ Омскомъ Иртышъ имѣетъ триста саженей ширины. Теперь вода въ немъ сбывала, но въ iюнѣ она вновь прибываетъ отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ. Въ Омскѣ военное начальство приняло Палласа холодно, не давало ему необходимыхъ справокъ и относилось къ нему недовѣрчиво, поэтому Палласъ съ иронiей замѣчаетъ, что «богъ войны есть врагъ музъ». При Омскѣ рѣка Омь, вытекающая изъ болотъ въ Барабинской степи, впадаетъ въ Иртышъ. Около Омска найдено два кинжалообразныхъ мѣдныхъ ножа длиною въ одинадцать дюймовъ, принадлежащихъ народамъ отдаленной древности. За Омской крѣпостью идетъ степь, обильная цвѣтущими растенiями; сюда иногда заходятъ сайги, переплывая рѣку, привлекаемыя растущими здѣсь каспiйской и морской полынями. Нигдѣ Палласъ не видалъ такого множества стрижей, какъ на высокихъ берегахъ Иртыша; мѣстами было такъ много ихъ гнѣздъ, что спугнутые стрижи изъ нихъ вылетали въ воздухъ положительно какъ камары. Такое же обилiе и ласточекъ: онѣ не дѣлаютъ такихъ глубокихъ ходовъ, какъ стрижи, а строятъ въ несмѣтномъ количествѣ мѣшкообразныя углубленiя въ пескѣ, такъ что одинъ берегъ занятъ стрижами, а другой ласточками. Въ крутыхъ берегахъ Иртыша попадаются слоновыя кости; изъ растенiй здѣсь встрѣчаются степная малина (Ephedra monostachya), солянка (Salsola kali,) перекати-поле (Gypsophila paniculata), скрыпунъ (Cotyledon spinosa), листья котораго крестьяне съ удовольствiемъ ѣдятъ; большiя пространства покрыты этимъ прекраснымъ растенiемъ; мѣстами во множествѣ расли бѣлые тополи и попадались прекрасныя Statice spinosa, еще не распустившiяся. На сухихъ мѣстахъ въ первый разъ замѣтили новую породу мохнохвостыхъ

мышей (Mus lagurus), живущихъ во множествѣ по песчанымъ степямъ Иртыша и Татаріи. Въ Барабинской степи много озеръ; наибольшее изъ нихъ—озеро Чаны. Въ этой степи жители ловятъ зимой горностаевъ, лисъ, корсаковъ, кабановъ, сайгаковъ, сернъ и даже дикихъ лошадей.

Отъ Усть-Татарской станицы Иртышъ течетъ въ крутыхъ берегахъ, гдѣ много ключей; кругомъ тянется песчаная степь; встрѣчаются пространства покрытыя осокорью, тополями, ясенью и различными кустарниками; на сухихъ пескахъ растетъ Polygonum fruticosum, а особенно много Atraphaxis съ большими листьями; крупноцвѣтный копытникъ (Hedysaram grandiflorum), хорошо уже разцвѣлъ въ это время. На низменныхъ мѣстахъ расли: блѣдно-желтый косатикъ (Jris salsa), терновникъ, тополь, кизиль (Cotoneaster) и много другихъ растеній. По пути застрѣлили двухъ *щурковъ*, которыя уже потомъ во всей Сибири болѣе не встрѣчались. Со вступленіемъ въ степь не было дня, чтобы на Иртышѣ не подымалась буря съ юговостока, югозапада или сѣвера; погода все время стояла холодная, небо постоянно было ясное. Жители увѣряютъ, что здѣсь, по Иртышу, круглый годъ свирѣпствуютъ бури, особенно сильно весной и лѣтомъ. За Желѣзинскимъ пошла песчаная степь съ песчаными холмами, наносимыми вѣтромъ; на холмахъ расли слѣдующія растенія: *колосникъ*, полынь, Atraphaxis и Astragalus arenarius; особенно много показалось далѣе по Иртышу Onosma echinoides; но здѣсь она выше и тверже, нежели въ западныхъ степяхъ. Эти песчаные холмы въ такомъ обиліи встрѣчаются здѣсь, какъ нигдѣ. Изъ растеній замѣчателенъ родъ дикихъ фіалокъ (Asclepias sibirica), растенія очень сходнаго съ Cheiranthus montanus; затѣмъ растутъ Astragalus depressus и др. Изъ животныхъ здѣсь много живетъ иртышской мыши (M. lagurus) и сусликовъ. По лѣсистымъ потокамъ Иртыша водятся ремезы, но не такъ ихъ много, какъ на Яикѣ; кромѣ того—замѣчательная овсянка съ желтой грудью(Emberiza aureola) и прекрасный клестъ (Loxia erithryna). На различныхъ астрагалахъ и на донникѣ сидѣло множество сибирскихъ казявокъ (Meloe sibirica). По низменной рѣчкѣ Карассуку не растетъ ничего кромѣ осоки, полыни и касатика (Iris salsa); по солончакамъ вокругъ рѣки растилаются Nitrariae и растутъ кусты спаржи; на островахъ живутъ во множествѣ горные утки (Tadorna) и пѣгіе кривоносики (Recurvirostri).

Въ пятидесяти верстахъ отъ Иртыша въ степи лежатъ Карасункія соленыя озера, не представляющія ничего особеннаго. Далѣе этихъ озеръ въ степи попадается много Sterna caspia, морскихъ сорокъ (Haematopus) и черныхъ мартышекъ (Sterna sissipes); изъ растеній же—Camphorosma monspeliaca, впрочемъ, какъ и на Яикѣ она безъ запаха; по низкимъ мѣстамъ стелется Atriplex portulacoides, съ листьями, торчащими вверхъ, растущая далѣе вездѣ по Иртышу; также много солодковаго растенія съ толстыми корнями; песчаныя мѣста покрыты печеночной травой (Herniaria glabra); на ирисѣ сидѣли долгоносики (Curculio ireos) и Apis ireos. Палласъ нигдѣ не видалъ такихъ ядовитыхъ комаровъ и оводовъ, какъ здѣсь по Иртышу. Съ закатомъ солнца воздухъ наполняется комарами на подобіе тумана; отъ укуса ихъ вскакиваютъ гнойные пузыри, причиняющіе сильныя мученія. Но за станицей Черноярской мы, говоритъ Палласъ, были вознаграждены за наши мученія обильной флорой. Вездѣ расли Orobanche coerulea, Centaurea sibirica, Cheiranthus montanus, прекрасный Convolvulus fruticans и др. Изъ насѣкомыхъ замѣтили рогача Cerambix floralia, а по песку ползали Tenebrio leucograpus, Cicindela violacea и др. По степи вдоль дороги валялись сотни палыхъ лошадей, не убираемыхъ никѣмъ и заражавшихъ воздухъ страшнымъ зловоніемъ. Близъ Ямышевскаго озера видѣли много чаекъ, куликовъ (Choradrius tataricus) и пестрыхъ утокъ; здѣсь много живетъ длинноухихъ ежей (E. auritus), а обыкновенныхъ ежей, напротивъ, очень мало. Подъѣзжая къ Черноозерской станицѣ, Палласъ въ первый разъ увидѣлъ здѣсь бабочку Papilio Appolo. Отъ Лебяжьей станицы по Иртышу идутъ песчаныя степи, гдѣ растетъ Axyris ceratoides, растеніе способствующее образованію въ степи песчаныхъ бугровъ. Около пня этого растенія, изъ котораго идутъ безчисленныя вѣтви, обыкновенно застреваетъ цѣлый песчаный холмъ.

Такому же застреванію песка и образованію въ степи холмовъ способствуетъ другое растеніе—Astragalus ammodytes. Это растеніе пускаетъ безчисленныя тонкія плети и *можетъ отлично служить для укрѣпленія песковъ.* На этомъ растеніи Палласъ нашелъ Tenebrio buprestoides, который роетъ себѣ норы внизу въ буграхъ. Здѣсь также растетъ превосходно укропъ и живетъ песчаная мышь (Mus arenarius), питающаяся стручками астрагала (Physodes). Далѣе путешественники увидѣли много цвѣтущей акаціи (Robinia halo-

dendron), любящую солончаковую почву;—тюльпаны, луковицами которыхъ питаются тарбаганчики или земляные зайцы (Mus sagitta). Безчисленное множество кузнечиковъ пожираютъ здѣсь всякую растительность. Изъ насѣкомыхъ обращали на себя вниманіе: жукъ Scarabeus agricola и красивая пчела Apis erythracea.

Отъ Семіярскаго форпоста по Иртышу видны два лѣса между Иртышемъ и Обью. Это Барнаульскій и Касмалинскій боры прекраснаго строеваго лѣса. Теперь Иртышъ течетъ снова въ гористыхъ берегахъ, гдѣ гнѣздится множество красныхъ скворцовъ, стадами нападающихъ и истребляющихъ саранчу. Здѣсь Палласъ впервые увидалъ растеніе Clematis orientalis съ ѣдкимъ сокомъ и черную шпанскую муху.

Грачевый форпостъ названъ потому такъ, что здѣсь гнѣздятся массы грачей, истребляющихъ саранчу, нападающую въ этихъ мѣстахъ въ іюнѣ на всякую растительность. Противъ самаго форпоста открывается видъ на горный хребетъ. Съ этихъ горъ предоставляется видъ на долины, гдѣ снѣгъ не долго держится и зимой, а лѣтомъ бываетъ очень знойно. Здѣсь увидѣли путешественники растеніе Salsola jodi, попадающееся довольно рѣдко. Окрестности Грачевскаго форпоста весьма замѣчательны въ естественно-историческомъ значеніи: на сухихъ, горячихъ холмахъ здѣсь много видно ехиднъ (Berus), бѣлыхъ змѣй (C. Dione), впрочемъ безвредныхъ, ползавшихъ между кустами, и шиповыхъ ящерицъ (L. arguto), земляныхъ зайцевъ, сунгарскихъ мышей и другихъ животныхъ; всюду жужжали Cicadae prosinoe, эти насѣкомыя прославленныя древними поэтами. „Я не могу безъ восторга вспомнить слова поэта, говоритъ Палласъ:

«Strident arbusta cicadis....»

Дорогой встрѣчались рѣдкіе дровосѣки.

15 іюня прибыли въ Черемкову станицу; здѣсь встрѣтили птичку плѣшанку (M. leucomela), водящуюся также на Волгѣ. Наконецъ, всѣ прибыли въ *Семипомостную* крѣпость, вблизи которой было много бѣлыхъ журавлей; кромѣ того, видѣли здѣсь насѣкомое Myrmeleon, рѣдкое растеніе Rindera и нѣсколько новыхъ видовъ клоповъ (Cimex lanatus). Красивая рѣчка Березовка течетъ между холмами, покрытыми еловымъ боромъ. Эта рѣчка очень удобна для поселеній, которыхъ къ сожалѣнію еще очень мало; здѣсь въ великомъ изобиліи растетъ трава *прунецъ*. Путешественники въѣхали въ Шулбинскій боръ, идущій по рѣчкѣ Шулбѣ, впадающей между горъ

ной малины, покрытой красной ягодой, называемой по киргизски *кизилча*. Ягоды эти сожигутъ и пепелъ кладутъ въ табакъ; во рту ягоды производятъ зудъ. По всему Шулбинскому бору, гдѣ берега Иртыша круты, бьютъ ключи. У источниковъ всюду растетъ водяная мята; затѣмъ попадалось дикая конопля, хмѣль, восточный клематисъ, оплетающій шпалерой деревья, а также много благовоннаго тополя, называемаго здѣсь *рай-дерево*. Онъ вездѣ растетъ обильно по Иртышу, Убѣ и другимъ горнымъ рѣчкамъ; жимолость достигаетъ здѣсь древовидной формы; видѣли замѣчательный кустарникъ-пищальникъ и кромѣ того исопъ (синій звѣ робой), не растущій нигдѣ болѣе. По ручью Шульбѣ встрѣчается мѣдная руда. Горы между рѣками Шульбою и Убою безлѣсны; мѣстами находится *аспидъ*. Всюду видны здѣсь слѣды древнѣйшихъ добываній руды. Встрѣчаются часто холмы, обнесенные камнями на подобіе могилъ нѣмецкихъ рыцарей. По Енисею попадается много мѣднаго оружія и различной утвари. Странствуя здѣсь, говорилъ Палласъ, я такъ изнурился отъ безпрестанныхъ простудъ и прежнихъ воспаленій, что едва могъ подняться на ноги. Въ горахъ появились дрозды и много новыхъ горныхъ растеній. Въ Красноярской деревнѣ Палласъ долженъ былъ слечь въ постель и пролежалъ нѣсколько недѣль. По этому онъ отправилъ студента Соколовъ въ Усть—Каменогорскъ, а самъ только 17 іюля всталъ съ постели.

Теперь Палласъ вступилъ въ новую обширную страну, Алтай, которая представляла богатый матеріалъ для наблюдній. Здѣсь ему открылись новыя растенія и животныя, новыя условія жизни, обиліе рудныхъ минъ и прочее. Оправившись отъ болѣзни, Палласъ поѣхалъ въ Змѣиногорскъ. Деревни, лежащія по рѣкѣ Убѣ, страдаютъ недостаткомъ лѣса. Въ горахъ здѣсь растетъ обильно высокими кустами акація (Robinia caragana), сучьями толще руки; затѣмъ осокорь, рябина, смородина и много земляники. Крестьяне собираютъ червеца, дикій чеснокъ и горный лукъ, который привозятъ домой цѣлыми возами; этотъ горный лукъ—бутунъ, хорошо растетъ и въ огородахъ. Отдѣльные холмы здѣсь называются сопками, напр. Сурковая сопка, Мохнатая сопка и т. д. Горы, идущія за селеніемъ Шемонайкой на Убѣ, составляютъ водораздѣлъ Иртыша и Оби.

Крестьянское населеніе здѣсь двоякое: одни совершенные тунеядцы, другіе, тоже православные, переселеные сюда изъ Польши,—

отличные земледѣльцы; но поселены на скверныхъ мѣстахъ, а потому упорные труды ихъ часто пропадаютъ даромъ. Нынѣшній годъ по Алеѣ и Убѣ появились массы какихъ то насѣкомыхъ и поѣли все на поляхъ и въ огородахъ.

Между рѣками Таловкой и Алеей тянется высокій каменистый хребетъ съ долинами, защищенными отъ вѣтровъ скалами. Въ этихъ долинахъ прежде, когда еще населенія здѣсь почи не было, зимовали обыкновенно маралы. Здѣсь во всѣхъ горахъ живетъ множество сурковъ и особый родъ горныхъ стрижей, которые далѣе на Алтаѣ во множествѣ гнѣздятся; они дѣлаютъ изъ глины большія, прекрасныя гнѣзда съ круглымъ ходомъ, подобно ремезу.

Изъ горъ замѣчательна *Вострая Мохнатая сопка*, состоящая изъ голыхъ глыбъ, нагроможденныхъ другъ на друга; въ разсѣлинахъ между ними растутъ громадныя сосны, березы и осокори, а сверху вся гора порасла стелящимся можжевельникомъ; удивительно извилистые стебли этого растенія разстилаются по утесамъ и такъ сказать прилипаютъ къ камнямъ. Дерево запахомъ и цвѣтомъ сходно съ ливанскимъ кедромъ; жаль, что оно сучковато и не толще руки; зато оно крѣпко, и даже зеленое такъ сухо и хорошо, что годится на всякія токарныя издѣлія. Въ горахъ вездѣ растетъ красноватый терновникъ, таволга (Spirea chamoedrifolia), различные розы, кустарный куколь (Silene suffruticosa), различныя породы лука и безчисленное множество другихъ растеній.

Говорятъ, что здѣсь также весной во всѣхъ долинахъ распускается прекрасный Erythronium, коренья котораго составляютъ любимое кушанье татаръ; они собираютъ его и сушатъ.

На Алеѣ живетъ прекрасный маленькій сибирскій клестъ Loxia sibirica); ихъ также очень много на Енисеѣ, гдѣ они питаются сѣменами полыни; кромѣ того здѣсь много змѣй, ехиденъ и различной мелкой рыбы.

Это путешествіе по горамъ укрѣпило здоровье Палласа.

5. Путешествіе къ Змѣиногорску.—Гольцовскій, Семеновскій и другіе рудники.—Тараканы.—Рѣка Бѣлая.—Тегерецкій форпостъ.—Изслѣдованіе его окрестностей.—Животныя Алтайскихъ горъ. — Известковая плодородная почва.—Колыванскіе заводы.

21 іюня Палласъ отправился къ Змѣиной горѣ для изученія рудниковъ.

По Алеѣ также встрѣчалъ онъ деревни изъ польскихъ поселенцевъ, занимавшихся земледѣліемъ; въ этой мѣстности лѣса были истреблены и уже чувствовался въ нихъ недостатокъ. Голыя скалы покрыты были низкимъ колючимъ барбарисомъ. Изъ кустарниковъ въ этихъ мѣстахъ обращала на себя вниманіе красная смородина съ крупными и необыкновенно кислыми ягодами; изъ древесныхъ же породъ расли: тополь, осина, сосна и др. По дорогѣ также встрѣчались сопки, названіе которыхъ ясно само собою, напр. Сосновая Сопка, Ревенная Сопка и др. Около Гольцовскаго рудника подымались очень крутыя горы; изъ замѣчательныхъ растеній были Lavatera thuringica, проскурнякъ (Althea ficifolia) цвѣтшій красиво, Veratrum, которая далѣе за Обью растетъ еще обильнѣе.

Къ ночи въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ раздавался голосъ маленькаго землянаго зайца (L. minutus), котораго Палласъ на Иртышѣ нигдѣ не встрѣчалъ. Въ сумерки же въ горахъ слышенъ былъ тихій, хриплый и продолжительный голосъ; рудокопы приписываютъ его сѣрымъ змѣямъ, очень обыкновеннымъ здѣсь въ горахъ.

Гольцовскій рудникъ — это очень крутая и скалистая гора, прорѣзанная глубокими долинами. Палласъ осмотрѣлъ также Семеновскій рудникъ, гдѣ добывается серебро изъ свинцовыхъ колчадановъ или бурый охровой руды. Въ пескѣ и охрѣ здѣсь иногда попадаются прекрасныя друзы свинцоваго блеска, дающія двадцать фунтовъ свинца и нѣсколько золотниковъ серебра. Иногда же попадаются черныя колчадановыя друзы, внутри которыхъ заключается чистая мѣдь, а снаружи листочки чистаго серебра; но чистое серебро въ колчаданахъ попадается рѣдко. Въ горѣ этой проходитъ ращелина въ крѣпкомъ желѣзистомъ камнѣ: въ этой щели налетѣло и осѣло серебро — то въ видѣ чистаго инея, то пластинками, смѣшанными съ охрой, то звѣздчатыми снѣжинками или же въ видѣ налета и пыли.

Затѣмъ Палласъ поѣхалъ далѣе по Алеѣ. Во всемъ Алтаѣ и въ Сибири вездѣ по рѣкамъ много растетъ піоній. Рѣка Алея течетъ весьма быстро, образуетъ множество заворотовъ. Здѣсь на горахъ растетъ золотой мохъ; мѣстами попадается большой кожистый, на подобіе блюдечка, лишай.

Между тѣмъ вернулся студентъ Соколовъ въ Усть-Каменогорскъ,

Онъ объѣхалъ и осмотрѣлъ рѣки Убу, Улебу и посѣтилъ Аблакеты.

Въ Усть-Каменогорскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должно быть съ товарами изъ Ташкента, были завезены тараканы, которые быстро здѣсь размножились. Эти же тараканы со времени открытія торговли быстро распространились по Сибири; они малы и плоски. Эти маленькія животныя, вѣроятно, быстро проберутся и въ Россію, хотя большіе азіатскіе тараканы укрѣпились не вездѣ по Иртышу. Въ стоячихъ водахъ при Иртышѣ водится много волосатиковъ; лѣтомъ они часто представляютъ клубки, штукъ въ двадцать вмѣстѣ свившихся животныхъ.

Рѣка *Бѣлая* велика, необыкновенно быстра и производитъ разрушительныя наводненія. Она вытекаетъ изъ снѣжной горы вмѣстѣ съ Убою и Алеею. На Убѣ есть водопады, гдѣ казаки ловятъ рыбу—крошицъ (таймень, ленокъ и хоріи). По Бѣлой горы покрыты лѣсомъ, непроходимымъ отъ зарослей малинника и тополей. Въ малинникѣ видны слѣды тропинокъ, сдѣланныхъ медвѣдями. На юго-востокъ, къ вершинѣ Бухтурмы, возвышаются бѣлки, т. е. высокія снѣжныя горы; они простираются къ Илецкому озеру, изъ котораго вытекаетъ Бѣлая. Весь этотъ уголъ Алтая хорошо видѣнъ съ Осиновой горы: съ нея видны высокія и крутыя скалы, подымающіяся пирамидами; вершины ихъ въ то время были покрыты грозовыми тучами, которыя здѣсь производятъ продолжительныя дожди. Тучи эти то спускаются въ долины, то подымаются вверхъ. Отъ Осиновой горы путешественники ѣхали къ Тегерецкому форпосту среди горъ и вдругъ, неожиданно, были поражены перемѣною растительности. До сихъ поръ они видѣли уже отцвѣвшія растенія, здѣсь же горы и долины зеленѣли, какъ весной, и безчисленное множество растеній было въ полномъ цвѣту. «Я, говоритъ Палласъ, увидѣлъ невиданныя мною здѣсь прежде растенія, которыя встрѣчаются только по Енисею, напр. горькую вику, различный чернобыльникъ, дикій лукъ и много другихъ. Здѣсь расла прекрасная таволга, неизвѣстная ученымъ, растущая прямыми стволами; по направленію къ Чарышу показались лиственницы, а на болотистыхъ горныхъ вершинахъ расли кедры. Но болѣзнь моя такъ меня ослабила, что я не могъ продолжать по горамъ самъ путешествія и послалъ студента Соколова изслѣдовать горы и собирать растенія, самъ же, на сколько позволяли

силы, занялся осмотромъ окрестной Тегерецкаго форпоста. Здѣсь на снѣжныхъ мѣстахъ растетъ много скрофуляріи съ бѣлыми цвѣтами. По скаламъ и пещерамъ живетъ безчисленное множество горныхъ стрижей (Hirundo alpestris). Рѣка Инъ бѣжитъ быстро, какъ стрѣла, среди горъ, такъ что лошадь едва можетъ держаться на ея каменистомъ днѣ.

Палласъ осмотрѣлъ по Тегереку пещеры, гдѣ нашелъ три калмыцкихъ черепа. Изъ растеній здѣсь были Cimicifuga и Saxifraga, которую пьютъ здѣсь вмѣсто чая. Листья у этого растенія опадаютъ чрезъ три года; у каждаго растенія по цвѣту можно узнать листья перваго, втораго и третьяго года: послѣдніе, самые черные, считаются лучшими для чая; они имѣютъ непріятный, сильно вяжущій вкусъ. Это растеніе очень обильно по всѣмъ здѣшнимъ горамъ.

Вернулся, наконецъ, изъ экскурсіи Соколовъ. Онъ въ горахъ въ одномъ мѣстѣ, по незнанію дороги, попалъ въ такую трущобу, въ лѣсъ, состоявшій изъ сосенъ, тополя и кедровъ, что изодралъ все свое платье въ клочки. Особенно препятствовала имъ двигаться растущая здѣсь повсюду во множествѣ Lonicera perinaica; къ тому же была стужа и сильнѣйшій туманъ, а, наконецъ, выпалъ снѣгъ. Но Соколовъ всетаки собралъ очень много растеній и принесъ Палласу звѣрка *еврашка*, водящагося здѣсь во множествѣ, какъ и далѣе на востокъ въ сибирскихъ горахъ. Еврашки немного побольше корбышей, шерсть на нихъ желтая, уши круглыя, а вмѣсто хвоста курдючекъ. Они живутъ въ ущельяхъ; въ пасмурную погоду цѣлый день свистятъ, сидя на камняхъ и подпускаютъ къ себѣ близко; послѣ выстрѣла прячутся, но скоро снова выходятъ. На зиму собираютъ траву себѣ въ нору; ихъ также зовутъ здѣсь *пищухами*. Здѣсь по линіи нѣтъ уже такой легкой и добычной охоты, какая была прежде; за то въ пустынныхъ и лѣсныхъ горахъ охота еще обильна. Главный ловъ здѣсь составляютъ соболи; они невелики, короткохвостые, но попадаются между ними хорошіе и даже черные. Алтайскіе соболи вообще предпочитаются красноярскимъ и кузнецкимъ. Здѣсь живетъ много луней; но далѣе къ сѣверу и востоку ихъ мало или вовсе нѣтъ; вверхъ по Енисею ихъ также мало. Небольшой звѣрокъ, *кулонокъ*, который нигдѣ не водится, кромѣ лѣсистыхъ странъ Сибири, здѣсь довольно обиленъ. Это родъ горностая, имя его по-татарски значитъ обжора, потому что онъ пожираетъ все по-

павшееся въ сѣти. Медвѣдей, лосей, мараловъ и дикихъ козъ по всѣмъ горамъ водится великое множество. Казаки лосей ловятъ въ ямы, въ которыя иногда попадаются и медвѣди, или же подстерегаютъ лосей по тропинкамъ въ лѣсахъ и бьютъ ихъ изъ ружей. Говорятъ, что въ высокомъ хребтѣ водятся кабаны, лисицы, рыси, россомахи, а по текущимъ въ горахъ рѣчкамъ—бобры и выдры. Такъ называемые каменные бараны держатся только въ неприступныхъ горахъ и неподходятъ къ населеннымъ мѣстамъ. Дикіе козлы также должны быть здѣсь, ибо я, говоритъ Палласъ, нашелъ на Енисеѣ козій рогъ, а въ могилахъ находилъ старинныя литыя изъ мѣди вещи, которыя часто имѣютъ на себѣ изображеніе козла. Бѣглые съ рудниковъ часто уходятъ въ горы за предѣлы нашихъ владѣній, строятъ тамъ себѣ лачуги и занимаются охотой; за ними иногда посылались команды до самой Бухтурмы.

2 августа Палласъ оставилъ Тегерецкій форпостъ и поѣхалъ вдоль рѣки Ины въ Колыванскій заводъ и на Змѣеву гору. Близъ Чагирскаго форпоста земля *черноземъ на известковомъ грунтѣ, что весьма способствуетъ урожаю* хлѣбовъ, а потому изъ другихъ горныхъ деревень крестьяне просятся сюда. Вообще на известкой почвѣ растительность въ горахъ рѣзко отличается. Да и вдоль Тегерека, не смотря на то, что онъ лежитъ высоко въ холодной полосѣ, такая же плодородная почва привлекаетъ сюда селиться казаковъ, потому что хлѣбъ на здѣшней *известковой почвѣ родится обильно и растетъ скорѣе.* Рѣка Чарышь глубока и быстра; въ ней кромѣ обыкновенныхъ горныхъ рыбъ, водятся, заходящія сюда изъ Оби, осетры, стерляди и нельма.

Въ алтайскихъ горахъ всюду видны остатки древнихъ рудниковъ, приписываемыхъ чудскому народу, который не имѣлъ хорошихъ инструментовъ, а потому добывалъ металлы только изъ поверхностныхъ слоевъ горъ.

Приближаясь къ Колыванскому руднику, поверхность горъ представляетъ оригинальный видъ отъ множества разсѣянныхъ по нимъ дикихъ кругляковъ. Въ окрестностяхъ рудника растетъ много сантоникъ (Artemisia santonica). Колыванскіе заводы, нынѣ только одно имя, древнѣйшіе въ Алтаѣ; они находятся близъ рѣки Бѣлой. Эти заводы устроены Акинфомъ Демидовымъ въ 1730 году. До того времени эта была пустынная страна и изрѣдко посѣща-

лась зюнгарскими калмыками и киргизами. Первая мѣдная руда, найденная здѣсь, заключалась въ узкой кварцевой жилѣ въ видѣ прекрасной лазури и зелени. Въ настоящее время лѣса вокругъ завода истреблены. Какъ въ Колыванскихъ, такъ и въ Змѣиногорскихъ рудахъ находится много золота и серебра. Въ 1745 году заводы были запечатаны Демидовымъ, а въ 1766 году совсѣмъ оставлены по недостатку лѣса. Изъ Колыванска видна *Синяя Сопка*, названная тамъ потому, что отъ постоянно покрывающихъ ее тумановъ, она издали кажется синей; вершина ея оканчивается тремя каменными сопками. Вся гора эта состоитъ изъ дресвянаго гранита. Колыванскія горы покрыты барбарисовымъ кустарникомъ, не выше двухъ аршинъ, съ прекрасными плодами. Здѣсь много живетъ горныхъ зайцевъ (Lepus alpinus). Колыванскіе жители ходятъ сюда на охоту за козами и оленями.

6. Остатки чудскихъ работъ на Алтаѣ.—Описаніе рудъ Змѣиной горы.—Дорога въ Томскъ.—Томскъ.—Дорога въ Красноярскъ.—Рѣки Кій и Чулымъ.—Ачинскъ.—Древнія могилы.—Рѣка Юса.—Качинскіе татары: ихъ обычаи, вѣра, богатство.—Абакинскъ.—Село Овсянское.—Рѣка Макъ.—Красноярскъ.

Дорога отъ Калыванскаго завода къ Змѣевой горѣ идетъ черезъ дикій хребетъ, гдѣ приходилось мѣстами ломать камни, чтобы проложить себѣ дорогу; проѣхавъ горный, лѣсистый ручей Черепаниху, дорога къ Змѣиногорску пошла чрезвычайно живописными мѣстами. Змѣиногорскъ получилъ свое названіе отъ множества водившихся прежде, до поселенія здѣсь руссихъ, по горѣ змѣй.

Съ Змѣиной горы Палласъ отправился на заводъ на рѣкѣ Алеѣ. Рѣка эта очень извилиста и покрыта лѣсомъ, гдѣ много растетъ бѣлаго тополя. По рѣчкѣ Березовой нашли много ископаемыхъ костей слоновъ и другихъ животныхъ. Во многихъ мѣстахъ по Алеѣ видны древнія чудскія могилы; а въ трехъ верстахъ отъ деревни Локтевки находятся слѣды древнихъ чудскихъ громадныхъ рудокопныхъ работъ. Удивительно, какъ эти древніе рудокопы могли плавить здѣшнюю руду, отличающуюся необыкновенною трудноплавкостью. Среди остатковъ этихъ работъ попадаются черепки глиняной посуды, т.-е., плавильныхъ горшковъ. Разсѣянныя здѣсь могилы, вѣроятно, принадлежатъ этимъ древнимъ рудокопамъ. Здѣсь Палласу попались большіе земляные зайцы, которыхъ

нѣтъ около Иртыша. Отъ деревни Локтевки по ту сторону Алеи тянется большой сосновый боръ.

Змѣиногорскіе рудники одни изъ замѣчательныхъ по всей Сибири. Первыя работы на ней относятся къ 1745 году. Здѣсь точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ на Алтаѣ, были найдены остатки древнихъ чудскихъ раскопокъ. Змѣиногорскъ отстоитъ отъ Иртыша въ 95 верстахъ, а отъ Оби—въ ста пятидесяти. Змѣиная гора лежитъ въ Алтаѣ высоко. Между крутыми, высокими и разсѣвшимися горами здѣсь течетъ ручей Карбалиха. Змѣиная гора стоитъ отдѣльно отъ другихъ горъ; она имѣетъ тридцать саженей въ перпендикулярѣ и состоитъ изъ сланцевъ, богатыхъ золотой, серебряной, мѣдной, свинцовой и оловянной рудой. Сланцы эти окружены шпатомъ; руды лежатъ жилами на роговомъ криптѣ; въ шпатѣ тоже заключена руда; между же роговымъ камнемъ и шпатомъ лежатъ богатыя охристыя и желтыя руды. Руды по достоинству своему дѣлятся здѣсь на верхнія и нижнія. Вообще находимыя здѣсь до сихъ поръ руды были до невѣроятія разнообразны. Въ верхней части горы находятъ самородное золото въ розовомъ камнѣ и сѣрой охрѣ, на глубинѣ десяти сажень; глубже уже руда является смѣшенной съ серебромъ. Самородное серебро съ небольшой примѣсью золота попадается здѣсь кусками.

Самородная мѣдь металлическаго вида встрѣчается кусочками различной формы. Но почти всѣ здѣшнія серебряныя руды содержатъ въ себѣ примѣсь мѣди. Свинецъ находятъ въ видѣ свинцоваго блеска и свинцовой охры; цинкъ же—въ смѣси со свинцомъ и серебромъ.

Слѣды древнихъ рудныхъ работъ здѣсь слишкомъ замѣчательны, чтобы ихъ пройти молчаніемъ.

Во всемъ Алтаѣ эти работы не шли, по несовершенству орудій глубже пяти саженей. Инструменты эти были вылиты изъ мѣди, такъ что желѣзо тогда было совсѣмъ неизвѣстно. Это неоспоримо доказываютъ найденные въ древнихъ чудскихъ гробницахъ по Иртышу и въ степяхъ различные ножи, кинжалы и стрѣлы, которые всѣ сдѣланы изъ мѣди. Вмѣсто молотовъ при работахъ они употребляли продолговатые, круглые крѣпкіе камни, съ вышлифованнымъ жолобкомъ вокругъ, для надѣванія ремня, чтобы при работѣ было удобнѣе держать камень въ рукахъ. Въ одномъ изъ рудниковъ найденъ сгнившій трупъ человѣка съ кожаннымъ мѣ-

шкомъ, въ которомъ была богатая золотая охра. Изъ этого можно заключить, что древніе рудокопы вымывали изъ охры и толченыхъ мягкихъ рудъ золотой шлихъ. Кажется, что чудь обитала въ древности въ прекрасныхъ и пріятныхъ горахъ по Енисею, ибо тамъ находится множество ихъ могилъ, заключающихъ въ себѣ золотыя и драгоцѣнныя вещи. Всѣ находимыя по Енисею орудія и украшенія сдѣланы гораздо искуснѣе, чѣмъ находимыя по Иртышу, гдѣ оружія тяжелы и грубой работы, а гробницы просто кучи камней или земли; по Енисею всѣ могилы обнесены кругомъ рѣчнымъ камнемъ.

Въ нѣкоторыхъ рудникахъ, на глубинѣ трехъ или четырехъ саженей, находятся деревянныя постройки этого народа; дерево пропиталось уже рудами и окаменѣло.

Съ 1749 по 1763 годъ ежегодно здѣсь добывалось серебро съ примѣсью золота отъ четырехъ сотъ до семи сотъ пудовъ. Замѣчу еще, говоритъ Палласъ, что лѣкарь Змѣиной горы, Андреевъ, счастливо прививаетъ оспу; это первые опыты въ Сибири. Въ Алтайскихъ горахъ иногда бываютъ довольно сильныя землетрясенія.

Въ нынѣшнемъ же году Палласъ хотѣлъ объѣхать Кузнецкія горы, а оттуда проникнуть до Енисея; но позднее время года заставило его вернуться черезъ Барнаулъ въ Томскъ. По дорогѣ туда онъ осмотрѣлъ Колыванское озеро, окруженное съ сѣверозапада высокими и дикими горами. Отъ озера идетъ равнина къ рѣкѣ Алеѣ, покрытая удивительно торчащими каменьями, наклоненными къ сѣверу. Здѣсь много живетъ еврашекъ; здѣсь же въ первый разъ попалась Androsace lactea, а между камнями—дикая сибирская пшеница. Къ сѣверу отъ озера находятся могилы, обнесенныя каменными оградами, что въ Западной Сибири бываетъ рѣдко. Къ сѣверу, за сліяніемъ Чарыша и Локтевки, страна представляется плоскою песчаною степью, во многомъ сходною съ Иртышской степью къ Алеѣ. Хотя здѣсь земля и хороша, но сибирскіе крестьяне плохо ее обработываютъ. По дорогѣ еще цвѣли нѣкоторые цвѣты, напр., Silene, Astragalus и др. Здѣсь множество могильныхъ насыпей; говорятъ, что кости изъ нихъ доказываютъ необыкновенный ростъ первобытныхъ обитателей Сибири. Всюду издали Палласа сопровождали высокія, покрытые сосновымъ лѣсомъ, берега Алеи; а далѣе, по направленію къ Барнаулу, пошелъ горный

хребетъ, Алейская грива. Алея впадаетъ въ Обь въ крутыхъ берегахъ.

Затѣмъ Палласъ поѣхалъ къ Оби до знаменитаго Барнаульскаго бора, идущаго отъ Иртыша вкось по степи и, наконецъ, прибылъ въ Барнаулъ, куда наканунѣ черезъ Борабу пріѣхалъ профессоръ Фалькъ. Въ Барнаулѣ, какъ извѣстно, плавится серебро и отдѣлывается золото.

Хотя Барнаулъ лежитъ сѣвернѣе посѣщенныхъ Палласомъ до сего времени горъ, но лѣто здѣсь гораздо теплѣе. 26 августа Палласъ оставилъ Барнаулъ и отправился вдоль сосноваго бора по населенной степи, по холмистымъ березовымъ лѣсамъ и мимо многочисленныхъ озеръ. Въ степи уже все отцвѣло, кромѣ маленькихъ астръ (Chrysocome biflora), отъ которыхъ степь казалась голубою. По Оби растетъ очень много полыни (Ar. coerulescens). Вдоль рѣки Касмалы до Оби, пошелъ Касмалинскій боръ; здѣсь Палласу встрѣчалось много Chenopodium aristatum и барабинскихъ сверчковъ (Gryllus barabensis): верхнія крылья у него бѣлыя съ черными точками, голени и лядвія красныя, при полетѣ онъ сильно трещитъ; кромѣ того путешественники видѣли и живущую здѣсь Mus barabensis. Въ деревняхъ по Оби много земли, скота и есть богатыя звѣриныя и рыбныя ловли. Обь здѣсь равняется по ширинѣ Волгѣ въ самыхъ широкихъ мѣстахъ. Почва здѣсь—не толстый черноземъ, съ мергелевымъ иломъ; но очень плодородна, такъ что съ одного поля по двадцати лѣтъ собираютъ урожаи, а съ новой берутъ пшеницу по шести лѣтъ кряду. Лошади хороши и сильны въ работѣ; крестьянскіе табуны безъ всякаго надзора бѣгаютъ по лѣсамъ. Въ ненаселенной же Барабѣ и далѣе между Обью и Иртышемъ бродятъ табуны дикихъ лошадей, предводительствуемыхъ жеребцами. Шерстью эти лошади большею частію бурыя, свѣтлорыжія и буланыя.

Въ Касмалинскомъ и Барнаульскомъ борахъ много большихъ бѣлокъ (телеутскія бѣлки): ихъ обыкновенно отправляютъ въ Китай.

Отсюда дорога идетъ къ Иртышу (верстъ семьсотъ) по рѣкамъ: Чумышѣ, Карассуну или по Касмалѣ. Осмотрѣли заводы по Оби, въ Сузунѣ, гдѣ били мѣдную сибирскую монету, *гривны* и *грошевики*. На этихъ монетахъ съ одной стороны былъ изображенъ вензель Екатерины II-й, а съ съ другой—два соболя. Отсюда по Оби пошли березовые и тополевые лѣса; земля мѣстами очень плодо-

родна, какъ напр. при деревни Березовкѣ на рѣкѣ Выдрихѣ, гдѣ родятся хлѣбъ и пшено необыкновенно хорошо. Страна между Обью и Томою покрыта березовымъ лѣсомъ, плодородна, но мало населена. На поляхъ были массы различныхъ мышей желтыхъ или же желтыхъ съ черными на спинѣ полосами (Mm. agrarius et minutus). Рѣка Берда покрыта съ самаго истока прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. На этомъ пути Палласъ упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Чувствуя необыкновенную боль, онъ долженъ былъ ѣхать такимъ образомъ цѣлыя сутки.

Миновавъ еще множество различныхъ рѣчекъ, поѣхали теперь вдоль рѣки Тома, гдѣ расположены зажиточныя деревни. За пятьдесятъ верстъ до Томска тянется сосновый и кедровый лѣсъ мимо татарскихъ деревень. Берега Тома обильны различными полезными ивняками, употребляемыми для горѣнія и для краски, а также оселками, бѣлой глиной и чернымъ купоросовымъ сланцемъ. Городъ Томскъ лежитъ на правомъ берегу рѣки, въ сорока верстахъ отъ впаденія Томи въ Обь. Ничего нельзя представить себѣ безотраднѣе этого города, съ узкими и кривыми улицами и грязными лачугами. До сихъ поръ я, говоритъ Палласъ, нигдѣ не видалъ такого пьянства и разврата, какъ въ Томскѣ; при этомъ нѣкоторыя болѣзни ужасно распространены по всей Сибири, гдѣ нѣтъ лекарей. Рѣка Томь—сплавная и даетъ городу хорошее торговое положеніе, поэтому здѣсь много хлѣба, мяса и рыбы. Три года тому назадъ, съ возобновленіемъ торговли съ Китаемъ, оттуда завезли сюда съ товарами множество таракановъ. Замѣчательно, что нынѣшнимъ лѣтомъ сюда двинулись бѣлки съ юговосточныхъ горъ въ такомъ множествѣ, что въ самомъ городѣ онѣ всюду живутъ въ башняхъ и пустыхъ строеніяхъ; ребятишки ловятъ ихъ и дешево продаютъ. Между ними попадаются большія черныя и темныя, какихъ много вверхъ по Енисею въ горахъ. Говорятъ, что онѣ иногда стадами переплываютъ Тому.

11-го сентября Палласъ поѣхалъ на сѣверъ изъ Томска въ Красноярскъ. Путь шелъ лѣсами, гдѣ по песчанымъ мѣстамъ растетъ сосновый боръ, на горахъ лиственница и болотная сосна, а по буеракамъ и болотамъ ельникъ и кедровникъ. Въ густыхъ и болотистыхъ лѣсахъ много дикихъ звѣрей: оленей, волковъ, а болѣе всего медвѣдей. За быстрой рѣкой Иайей, по которой много расположено татарскихъ деревень, дорога пойдетъ кедровыми лѣсами.

Далѣе, въ восточной гористой Сибири, между обыкновенными воронами встрѣчаются совсѣмъ черныя. Здѣсь онѣ, какъ и обыкновенныя вороны, очень хищны и, собравшись стаями штукъ въ двадцать, бросаются на куръ и раздираютъ ихъ. По рѣкѣ Ундеботѣ, впадающей въ Кiю, расположено много татарскихъ селенiй: жители ихъ ловятъ по Кiѣ и Чулыму соболей и другихъ звѣрей. Рѣка Кiя имѣетъ песчаное дно и чистую черную воду; въ ней ловятъ форель, стерлядь, осетровъ, лососей и другихъ рыбъ, которыя переходятъ и въ Чулымъ. Рыбу здѣсь ловятъ особымъ способомъ, называемымъ возгономъ: рѣку перегораживаютъ мережами съ отверстiемъ въ серединѣ, противъ отверстiя сзади ставятъ сѣти, куда и попадаетъ рыба, пройдя благополучно отверстiе въ мережѣ.

Такъ какъ осень установилась прекрасная, то Палласъ рѣшился остаться въ этой странѣ для собиранiя сѣмянъ и для изученiя птицъ и звѣрей. Онъ самъ рѣшился ѣхать въ Абонъ и вверхъ по Енисею, а оттуда зимовать въ Красноярскъ. Отправивъ стрѣлковъ на Iю, Палласъ поѣхалъ на Чулымъ.

Еще ранѣе онъ встрѣчалъ маленькихъ соловьевъ, травничковъ, съ яркожелтымъ брюшкомъ и зеленоватыми перьями къ хвосту, такъ называемыхъ синехвостыхъ трясогузокъ (Motacilla cyanurus), живущихъ лѣтомъ въ кустахъ по Енисею. Здѣсь же онъ ихъ нашелъ очень много, а также крошечныхъ, въ ползолотника вѣсомъ, мышей. Эти существа самыя маленькiя изъ всѣхъ четвероногихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ. Рѣка Кiя камениста, вдоль нея находится много рыбныхъ озеръ, а вдоль рѣки Темкои, впадающей въ Кiю, берега покрыты лиственными и кедровыми лѣсами. По рѣкѣ Чулымѣ растетъ трова Axyris amarantadoides, зола которой даетъ кали. Погода все время стояла удивительно прiятная. По всѣмъ здѣшнимъ лѣсамъ живетъ невѣроятное множество *бурундуковъ* (Sc. striatus), собирающихъ себѣ запасы на зиму. Село Богатово лежитъ въ прекрасной мѣстности; здѣсь обилiе всего и необыкновенная дешевизна, потому что нѣтъ сбыта: мука стоитъ три и четыре коп. ас. пудъ, лошадь—два и три руб., корова одинъ рубль ас.

Приближаясь къ Чулыму, Палласъ увидалъ растенiя, которыхъ прежде не было. Вдоль рѣки проходитъ узкiй, лѣсистый хребетъ *Арго*. Чулымъ вытекаетъ съ южной стороны близъ Енисея, раздѣляется у хребта и образуетъ крутые повороты. Въ различныхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ, путешественники видѣли разставленныя для ловли тете-

ревовъ волосяные силки: это ничто иное, какъ кружокъ на шестѣ, положенномъ между деревьями, къ которому привязанъ пукъ колосьевъ: тетеревъ садится на жердь и, желая попробовать зеренъ, долженъ къ нимъ просунуть голову черезъ петлю и такимъ образомъ удавиться. Отъ деревни Краснорѣченской до Ачинска идетъ сухая степь. Красноярскій уѣздъ въ окрестностяхъ Ачинска такъ обиленъ хлѣбомъ, что пудъ муки здѣсь стоитъ пять и шесть к. ас. У Ачинска Чулымъ широкъ, глубокъ и загруженъ судами для сплава хлѣба. По рѣкѣ Сильчуку путешественники видѣли бѣдныя и грязныя юрты крещеныхъ татаръ, но мало исповѣдующихъ христіанскую вѣру, придерживаясь болѣе своей старой вѣрѣ. Погода продолжала стоять превосходная, и путешествиники ѣхали вдоль хребта Арчи, поверху поросшаго непроходимымъ лиственичнымъ лѣсомъ. По дорогѣ, вдоль горнаго хребта, были видны прекрасныя пастбища, а около Юсуку, на горахъ, были видны древнія надписи, которыхъ далѣе по рѣкамъ Юсѣ и Енисею Палласъ видѣлъ очень много. Около холмовъ стояли большіе камни, по три и по четыре въ одномъ мѣстѣ. Такіе же камни онъ видѣлъ и на Алтаѣ. Эти могилы всегда попадались по ручьямъ, озерамъ и холмамъ. При раскопкѣ могилъ находятъ мѣдное оружіе, рѣже украшенія изъ серебра и золота, мелкія мѣдныя кольца и кинжалы, ножные черенки, пращные камни, кости, мѣдныя косы, изображенія оленей, лосей, козъ, дикихъ овецъ и множество мелкихъ мѣдныхъ полосокъ. Я, говоритъ Палласъ, досталъ пустыя пуговки съ изображеніемъ сайги и родъ подсвѣчниковъ, тоже съ изображеніемъ сайги, маленькіе камешки, бѣлые, на подобіе улитокъ и проч. Отъ деревни Найдшуръ пошла степь съ высокими горами; изъ этихъ горъ особенно замѣчательна по богатству растительности гора Учумъ. По рѣкѣ Юсѣ тянулась прекрасная степь, и богатыя пастбища доходили до Саянъ. Вся эта страна, защищенная горами съ сѣверо-востока, пользуется пріятной осенью. На Юсѣ до сентября не бываетъ морозовъ, и куры до Рождества гуляютъ въ полѣ, а рѣка замерзаетъ лишь въ январѣ.

Между Юсою и Абаканомъ прекрасныя луга заняты качинскими татарами, которыхъ не болѣе одного милліона душъ; въ ихъ языкѣ и обычаяхъ много монгольскаго (калмыцкаго). Они брѣются, какъ калмыки; молодые заплетаютъ косы; женщины одѣваются, какъ калмычки. Они живутъ въ юртахъ, подобныхъ калмыцкимъ, но еще нечистоплотнѣе ихъ. Они большіе пьяницы и любители табаку; ѣдятъ

мясо, горохъ и русскую кашу, поджаренную съ масломъ, и кромѣ того всевозможные коренья дикихъ травъ. Изъ всѣхъ татарскихъ народовъ они самые неопрятные, грубые и невѣрные; они отличаются дерзостью и наглостью. Богатство ихъ составляетъ скотъ, пасущійся всю зиму въ прекрасныхъ долинахъ. Лошади не крупны, но хороши; особенно красивы вороныя лошади съ головой, гривой и хвостомъ желѣзистаго цвѣта и съ бѣлыми ногами. Рогатый ихъ скотъ также замѣчателенъ: это мелкая, горная порода, но бодрая и тучная. Овцы—ублюдки русскихъ съ калмыцкими, горбоносыя, съ висячими ушами и небольшими курдюками; роговъ иногда бываетъ у нихъ по четыре и по шести; онѣ бѣлыя, съ черными или пестрыми головами. Татары эти язычники и приносятъ въ жертву злому духу весной вороныхъ или рыжихъ жеребцовъ. Жертвоприношеніе совершается такимъ образомъ: лошадь обводятъ вокругъ жертвеннаго огня, окуриваютъ благовонною полынью, обливаютъ ее молокомъ, привязываютъ къ гривѣ и хвосту бѣлые и красные лоскутки и затѣмъ пускаютъ въ табунъ. Злаго духа (тису) они изображаютъ въ видѣ птицы и ставятъ на шестѣ у каждаго жилища; иногда къ этому они еще прибавляютъ лисьи и горностаевыя шкуры. Сватовство ихъ состоитъ въ томъ, что сватъ идетъ къ отцу невѣсты съ виномъ и табакомъ; если отецъ принимаетъ это, то значитъ согласенъ выдать дочь. Черезъ шесть мѣсяцевъ женихъ приходитъ съ выкупомъ за невѣстой. Мертвыхъ опускаютъ въ яму, закрываютъ досками, дѣлаютъ насыпь, ставятъ на нее чарку, а черезъ недѣлю у могилы празднуютъ память покойнаго, причемъ сперва плачутъ бабы, а потомъ начинается пьянство и веселіе. Всѣ пьютъ изъ оставленной на могилѣ чаши и играютъ на инструментѣ въ родѣ еловаго деревяннаго ящика о шести струнахъ, изъ которыхъ каждая струна на особой подставкѣ; музыка ихъ и пѣніе также противны, какъ и калмыцкія.

Затѣмъ Палласъ отправился къ озеру Биликулю; дорога туда идетъ въ гористой мѣстности, покрытой прекраснымъ кустарникомъ Robinia pygmea. Отсюда онъ направился къ лѣсному озеру Иткулю, обильному рыбами; въ окрестностяхъ этого озера есть руды; окрестныя горы покрыты кустарниками Robinia pygmea и Prunus fruticosa. Около Енисея растетъ прекрасная благовонная гремучая трава Ballata lanata. По Енисею, въ пятнадцати верстахъ отъ Абаканска, на протяженіи пяти верстъ, находится безчисленное количество

могилъ, состоящихъ изъ четыреугольниковъ, наполненныхъ каменными плитами. Это было, вѣроятно, кладбище, либо боевое поле. Около Абаканска находятся каменныя плиты съ надписями большею частію на монгольскомъ языкѣ. Абаканскіе жители промышляютъ скотомъ; скотъ отсюда гоняется въ Иркутскъ, въ Колыванскіе заводы и въ другія мѣста; земли у нихъ много и очень плодородной. Кромѣ того абаканцы занимаются собираніемъ хмѣля, растущаго обильно внизъ до Иркутска. Зима здѣсь сравнительно съ красноярскою коротка и умѣренна, потому что эта мѣстность съ сѣвера защищена Саянскими горами, а съ востока и запада— Кузнецкими. Эти горы ограждаютъ эту страну отъ сильныхъ вѣтровъ, а отражающіеся отъ каменистыхъ горъ лучи солнца увеличиваютъ тепло, такъ что это весьма умѣренная часть Сибири. Переселившіеся сюда малороссы стали разводить здѣсь табакъ, арбузы и завели пчельники. Въ горахъ около Абаканска зимуютъ овсянки, сибирскіе клесты, синія трясогузки и пестрые дятлы. По дорогѣ начали показываться бѣлые воробьи. Говорятъ, что сюда забѣгаютъ откуда-то издалека какіе-то пестрые медвѣди.

Но приближалась уже зима; наступили холода, и Палласъ, боясь, что Енисей замерзнетъ, отправился въ Красноярскъ. На дорогѣ встрѣтилось ему замѣчательное село *Овсянское*. Все село это населено родственниками одной семьи; деревня эта зажиточная и многолюдная. Крестьяне этой же семьи населились и въ другихъ деревняхъ по Енисею. Праотцомъ этой семьи былъ нѣкто Юшковъ, переселившійся сюда изъ Россіи за сто лѣтъ тому назадъ съ семью своими сыновьями. Изъ нихъ одинъ былъ убитъ киргизами, безпокоившими тогда эти мѣста, а отъ прочихъ его шести сыновей произошли теперешніе *пятьдесятъ пять семей*. Прилежаніе этихъ піонеровъ, занятіе звѣриной охотой и рыбной ловлей, а также нѣкоторыя ремесла, перешли и къ ихъ потомкамъ. Звѣриная ловля происходитъ здѣсь по дикимъ и неприступнымъ горамъ, по рѣкѣ Манѣ; здѣсь множество соболей, рысей, россомахъ и медвѣдей; кулонковъ и бѣлокъ безчисленное множество. Также здѣсь не мало и кабарги, хотя она къ западу отъ Енисея уже рѣдка и встрѣчается только около Телецкаго озера въ Кузнецкихъ горахъ. Кабаргу ловятъ въ ущельяхъ самострѣлами и силками осенью; изъ шкуръ ихъ дѣлаютъ замшу. Въ рѣкѣ Манѣ много рыбы, особенно форели. Хлѣбопашество здѣсь большое, а по рѣкѣ устроены скотные дворы.

Въ известковыхъ горахъ находятся пещеры.

Отсюда до Красноярска двадцать двѣ версты, и дорога идетъ по бугроватой степи. Городъ Красноярскъ лежитъ въ пріятной и привольной мѣстности, на песчаномъ мысу Енисея.

С. Путешествіе по восточной Сибири и Дауріи въ 1772 г.

1. Красноярскъ.—Окрестная природа.—Звѣриные промыслы и рыбная ловля.—Путешествіе студента Зуева на сѣверъ Сибири.—Иртышъ и Обь.—Березовъ.—Птицы сѣвера.—Обдорскъ.—Крайній сѣверъ.—Остяки и Самоѣды.

Палласъ вернулся въ Красноярскъ въ октябрѣ; погода стояла хорошая, какая обыкновенно бываетъ осенью на востокѣ Сибири въ горныхъ мѣстахъ. Но съ половины октября по 19-ое ноября стояли сильныя бури. Красноярскъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь воздухъ находится въ постоянномъ движеніи.

Нигдѣ нѣтъ такой необыкновенной дешевизны, какъ здѣсь: пудъ ржаной муки стоитъ двѣ коп. асс., пшеничной—пятакъ; пудъ говядины—пятнадцать коп. ас., быкъ—1 р. 50 к. ас., лошадь—2 р., овцы и свиньи отъ тридцати до пятидесяти коп. за штуку. Всѣ хлѣба въ уѣздѣ родятся превосходно; земля по горамъ и по долинамъ—легкій черноземъ. Красноярскій уѣздъ будетъ въ длину верстъ шестьсотъ, а жителей въ немъ всего пятнадцать тысячъ. Сѣютъ также и табакъ (зеленчакъ), но не умѣютъ съ нимъ обращаться. Кромѣ того жители получаютъ большой доходъ съ хмѣля, растущаго на островахъ по Енисею; цѣна ему пятьдесятъ копѣекъ и рубль пудъ. Изъ полезнѣйшихъ растеній въ горахъ находится ревень; мужики осенью роютъ его вверхъ по Абакану, а также по Сальбѣ и Сизиму; это собственно корень волнистаго ревеня (Rhei undulati.) Въ 1771 году было его отправлено въ Тобольскъ 511 пудовъ. Онъ мало разнится отъ настоящаго китайскаго ревеня. Лѣсу различныхъ породъ здѣсь много, за исключеніемъ клена, вяза и липы, которые къ востоку не встрѣчаются; но кедровника, напримѣръ, по рѣкѣ Мокѣ очень много. Около Абаканска растетъ много пахучаго тополя, почками котораго питаются тетерева; также много черемухи и боярышника по рѣкѣ Качѣ.

Зимой въ Красноярскѣ много всякой дичи и мѣховъ. Соболя

здѣсь два сорта: одинъ плохой, сѣроватый, долгохвостый, приходитъ большею частію съ Юскихъ горъ и Чулыма; другой, лучшій, ловится по Саянскому хребту. За Енисеемъ, по рѣкѣ Обѣ и другимъ горнымъ рѣчкамъ, водится соболь съ низкою остью, черный, съ сѣдиною, а подъ горлышкомъ имѣетъ желтоватое пятно; но онъ гораздо хуже Удинскихъ соболей. Волки въ Красноярскѣ вытравлены, но лисицъ еще много; бобровъ и выдръ много по ту сторону Енисея, въ горныхъ рѣчкахъ; рысь попадается рѣже, но россомахъ и барсуковъ очень много. Между Саянскимъ хребтомъ и Тунгузкою временемъ бываетъ очень много бѣлокъ, а на сѣверъ отъ Красноярска, въ степи, и около Абаканска много ловятъ горностаевъ; колонковъ и лисокъ огненнаго цвѣта также много, но ихъ не ловятъ. Самая же выгодная мѣстная промышленность состоитъ *въ охотѣ на сохатыхъ звѣрей*, т. е., имѣющихъ сохи, (рога,)—это лосей, зыней, косуль (родъ оленя), кабарги, которые по горамъ за Енисеемъ водятся въ изобиліи. Косуль же около Красноярска такъ много, что туша цѣлая цѣнится пятнадцать копѣекъ ас., кожа же не дороже десяти коп. Я получилъ, говоритъ Палласъ, какъ рѣдкость, одну совершенно бѣлую каборгу. Рыбами Красноярскъ не обиленъ, потому что въ Енисеѣ по причинѣ каменистаго дна и быстраго теченія, рыба держится плохо; здѣшніе осетры и стерляди очень вкусны, но держатся въ глубочайшихъ мѣстахъ, гдѣ тише.

Въ январѣ пріѣхалъ къ Палласу студентъ Зуевъ, котораго онъ посылалъ для изслѣдованія сѣверныхъ странъ Сибири.

Онъ лѣтомъ поднимался по Оби до самого Ледовитаго Океана. Вотъ выписки изъ его путешествія. Зуевъ отправился изъ Тобольска въ Березовъ вдоль Иртыша. Отъ Демьянскаго Яма на сѣверъ живутъ Остяки. Правый берегъ Иртыша выше лѣваго и состоитъ изъ бугровъ, по которымъ расположены деревни. Ниже Демьянскаго Яма мало сѣятъ ржи, а больше ячмень и овесъ, еще сѣвернѣе уже только пойдетъ конопля и ленъ; а за ними—овощи, капуста, которая уже здѣсь родится не кочнами, а стелется по землѣ; батунъ же, рѣдька и хрѣнъ еще хорошо родятся. Но чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ мѣстность пустыннѣе и лѣсистѣе; однако лѣса плохіе и болотистые, состоящіе изъ плохаго тальника, ольхи, осины, тополя, березы, ели и сосны; липа же ниже Тобольска не встрѣчается; кромѣ того красная и черная смородина, ерникъ и сибирскій курослѣпъ. Луговыя долины

Иртыша часто затягиваются во время разлива иломъ. Вообще природа здѣсь печальная, бѣдная, и единственное богатство этого края— птицы и рыбы. Сверчки и тараканы уже не встрѣчаются далѣе Самарскаго Яма. Отъ устьевъ Иртыша правый берегъ рѣки Оби состоитъ изъ высокихъ слоевъ бѣлой, желтой и красной горшечной глины и шиферовъ и покрытъ кедровыми, сосновыми и еловыми лѣсами; лѣвый же берегъ плоскій, покрытый мелкими порослями тальника и осинника. При устьяхъ Сосвы, Обь раздѣляется на множество протоковъ и образуетъ большіе, низкіе острова, покрытые тальникомъ. Ближе къ Березову, лѣвый берегъ Оби выше праваго: эти возвышенности ничто иное, какъ продолженіе Уральскихъ горъ, приближающихся къ Оби вдоль рѣки Сосвы.

Березовъ лежитъ на пять градусовъ сѣвернѣе Тобольска; но лѣтомъ иногда здѣсь бываетъ жарко. Въ 1771 году августъ и сентябрь въ Березовѣ еще были теплые; но въ октябрѣ уже всѣ рѣки замерзли. Жители Березова вывозятъ отсюда по Оби сушеную и мороженую рыбу. Здѣсь продается много бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, оленьихъ и лосиныхъ кожъ, черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ, бобровъ, выдръ и множество бѣлокъ. Вокругъ города тянутся низкія болотистыя мѣста; земля неспособна къ хлѣбопашеству: еще нѣсколько сносно родится рѣдька, рѣпа и капуста. За тѣмъ единственнымъ произрастеніемъ является лѣсъ.

Кромѣ несмѣтнаго количества рыбъ въ Оби, жители добываютъ массы пролетныхъ птицъ, являющихся здѣсь вскорѣ по наступленіи оттепели, а именно—лебедей, гусей и утокъ; они солятъ ихъ на зиму. Пролетныя птицы держатся здѣсь по болотамъ и озерамъ, покуда не вскроются самыя рѣки, тогда птица разлетается по тундрамъ для вывода дѣтей и для линьки. Если же птицы прилетятъ рано, когда около Березова все еще замерзло, то улетаютъ назадъ на югъ по Иртышу и дожидаются оттепели: тогда птицы громадными стадами потянутся опять на сѣверъ. Изъ замѣчательныхъ птицъ здѣсь водятся: чагвои (Anas pulchricollis), турпаны (A. nigra), черныя утки (A. marila), савки (A. hiemalis), шилохвость (A. acuta), гагары (Col. articus), чайки (L. minutus), соколы (F. barbatus), который гнѣздится въ горахъ далеко на сѣверъ, трехперстый дятелъ (P. tridactylus) и другія птицы. Вообще же здѣсь всюду массы гусей, различныхъ утокъ, журавлей и куликовъ; особенно много куликовъ и другихъ голенастыхъ птицъ.

Богатые жители Березова держатъ въ тундрѣ стада оленей. Здѣсь особенно много собакъ, такъ что по городу слышется часто страшный ихъ вой: стоитъ только завыть одной стаѣ, чтобы всѣ остальныя подхватили, и городъ тогда наполняется ужаснымъ завываніемъ этихъ собакъ.

11 іюня Зуевъ отправился въ Обдорскъ: въ это время тамъ только лишь начинаетъ распускаться береза. Здѣсь во время разлива, рѣка Обь заливаетъ все, такъ что изъ воды торчатъ только вершины деревъ. Остяки *Обдорскъ* называютъ *Полноватъ-вашъ*. Городъ стоитъ на горѣ при рѣкѣ Полуѣ; въ немъ пять дворовъ и множество амбаровъ. По обѣ стороны Оби идутъ мѣста гористыя и лѣса. Около самаго города растетъ тальникъ и дрянной лѣсъ, гдѣ попадается береза и ясень. За Обдорскомъ уже нѣтъ ни кедра, ни ясени; а еще далѣе къ сѣверу растетъ только лиственница и стелящійся шпалерами ельникъ. Лѣто здѣсь коротко, но солнце свѣтитъ непрерывно. Во всю ночь видно, какъ оно катится по горизонту въ видѣ большаго шара; но свѣтъ его такъ слабъ, что можно смотрѣть на него простыми глазами. 30 іюля солнце понизилось и ночью были видны звѣзды. Зимой же часа три бываетъ совершенно темно, и въ это время свѣтитъ сѣверное сіяніе; но здѣсь еще неслышно шуму и свисту, которые приписываются этому явленію въ Океанѣ. Бури здѣсь рѣдки; лѣтомъ слышатся раза два вдали раскаты грома. Въ половинѣ іюня травы едва начинаютъ цвѣсти, но уже въ нѣсколько недѣль успѣваютъ разбрасывать сѣмена. Въ іюлѣ отъ холодныхъ вѣтровъ травы начинаютъ желтѣть. Изъ овощей здѣсь растетъ только рѣдька и рѣпа. Земля едва оттаиваетъ на два или три фута, а въ болотахъ подъ густымъ мхомъ лежитъ ледъ. Лошади и коровы здѣсь не живутъ. Лѣтомъ по мшистымъ болотамъ также ѣздятъ въ саняхъ на оленяхъ.

3 іюля Зуевъ поѣхалъ на оленяхъ отъ Оби прямо къ сѣверу по низкимъ, болотистымъ мѣстамъ, поросшимъ осокой, тальникомъ и кустарной березой. Въ этотъ же день онъ пріѣхалъ на рѣку Хаю, быструю и, какъ хрусталь, свѣтлую горную рѣчку, и пробылъ здѣсь два дня. Всюду здѣсь растетъ низкая лиственница и олеції мохъ; но онъ теперь сухъ и олени не трогаютъ его, а питаются мануемъ, тальникомъ и Hedysarum alpinum. 6 іюля пріѣхали на голыя горы, покрытыя Sedum quadrifidum; тамъ и сямъ встрѣчалась по горамъ лиственница и ольха въ сажень ростомъ;

ночью былъ густой, холодный туманъ, обыкновенный въ этихъ мѣстахъ. Горы эти были отлоги Урала къ сѣверу. Наконецъ, пріѣхали къ рѣчкѣ Щучьей, откуда впереди виднѣлись высокія горы. Здѣсь такое множество было комаровъ, что у нашихъ путешественниковъ разбѣжались олени, и самоѣды насилу собрали ихъ. 9-го іюля поѣхали далѣе по горамъ, гдѣ встрѣчалось много озеръ обильныхъ рыбой *чебачкомъ;* долины были покрыты кустами тальника и ольхи. 12-го пріѣхали къ рѣкѣ Лѣсной, берега которой были покрыты, какъ шпалерами, различными сѣверными кустарниками. Эта быстрая рѣчька несется прямо въ Ледовитый Океанъ; на западъ отъ нея почти уже нѣтъ никакой растительности, кромѣ морошки и мелкихъ кустиковъ. Изъ птицъ было много различныхъ куликовъ. Въ долинахъ лежало много снѣгу.

Такимъ образомъ Зуевъ доѣхалъ до Карской губы. Здѣсь, не смотря на теплый воздухъ, морская вода была необыкновенно холодна. Мѣстность эта болотистая со множествомъ озеръ. Къ вечеру добрались до того мѣста, гдѣ Уральскій хребетъ спускается въ море крутыми обрывами; путешественники нашли здѣсь массу облинявшихъ гусей, которыхъ и наколотили палками. Около морскихъ береговъ плаваютъ множество медузъ (Beroё). На берегахъ попадаются кусочки янтаря и каменнаго угля. Съ Карской Губы главный хребетъ Урала кажется горами за облаками. Зуевъ ѣхалъ все вблизи моря на западъ. 22-го вѣтеръ нагналъ къ берегу цѣлые бугры льда. Здѣсь въ море впадаетъ множество рѣчекъ; попадаются часто озера, гдѣ было много гусей. Во всѣхъ озерахъ живетъ морская вша (Monoculus arcticus), любимая пища утокъ и всѣхъ птицъ. Наконецъ, пріѣхали къ рѣкѣ Оби; ночью былъ ужасный холодъ, такъ что даже мерзла вода. 25-го прибыли въ Карскій заливъ, берега котораго высоки, круты и песчаны. Здѣсь нашли человѣкъ сорокъ рыбаковъ изъ Пустозерья. Они были заняты ловлей кунжи (родъ семги) и извѣстныхъ по всей Сибири омулей; кромѣ того здѣсь попадается треска и навага. Посреди Карскаго залива лежитъ небольшой островъ. 29-го сдѣлалась сильная стужа, и Зуевъ отправился въ обратный путь и 14 августа прибылъ въ Обдорскъ. Здѣшней бѣдной странѣ придаютъ нѣкоторое украшеніе полосы сѣверныхъ кустарниковъ, между которыми встрѣчается Rhododendron ferrugineum. На самыхъ гнилыхъ болотахъ, по берегамъ Океана, растетъ Hippuris совершенно такой

же, какъ и въ южныхъ странахъ. Кромѣ того видны были Plantago maritima и различныя камнеломки. Достойно удивленія, прибавляетъ Палласъ, что на самомъ сѣверѣ встрѣчаютъ кости мамонтовъ. Изъ морскихъ животныхъ плаваетъ множество различныхъ актиній, асцидій и т. п. Изъ Обдорска Зуевъ ѣздилъ въ Обскую губу и на Уральскія горы. Берега Обской губы покрыты песчаными и глинистыми буграми. Изъ Обдорска Зуевъ направился въ Березовъ; по дорогѣ ему попадалось множество остятскихъ юртъ.

12 сентября прилетѣло съ сѣвера къ Березову множество казарокъ и чагваевъ (A. pulchricollis), отправлявшихся на югъ.

Изъ этого путешествія Зуевъ привезъ въ Красноярскъ бѣлаго медвѣжонка.

Обдорскіе остяки называютъ себя Кондихо (хо-человѣкъ). Обскіе остяки были первые покорены русскими въ Сибири; они сильно теперь истреблены разными болѣзнями, особенно же оспой. Остяки роста средняго, сложены слабо, сухощавы, лицо имѣютъ плоское, блѣдное, волосы рыжеватые, у мужчинъ спускающіеся космами. Они боязливы, суевѣрны, легкомысленны, грязны и склонны къ праздности. Они носятъ кожаное платье, которое надѣваютъ прямо на тѣло: это малица, родъ рубашки, изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, въ видѣ мѣшка съ дырой для головы; сверху же надѣваютъ родъ шубы съ капюшономъ. Щеголи лѣтомъ носятъ малицу изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, опушенную собачьимъ мѣхомъ. Вверхъ по Оби носятъ платье изъ рыбьей кожи; въ голодное время они обыкновенно съѣдаютъ это платье. Чулки и сапоги дѣлаютъ также изъ оленьей кожи.

Бабы ихъ носятъ двѣ косы и прицѣпляютъ къ нимъ бляшки въ видѣ оленей, лошадей и рыбокъ; при постороннихъ онѣ закрываютъ лицо покрываломъ. Женщины особенно любятъ раскрашивать тѣло разными фигурами, выкалывая ихъ на тѣлѣ иглою и намазывая эти мѣста сажей, отчего получаются синія фигуры. Въ этомъ отношеніи остяцкія бабы похожи на тунгузовъ и нѣкоторыхъ американскихъ народовъ.

Остяки настоящіе рыбаки, потому что большую часть года они проводятъ въ ловлѣ рыбы. Звѣроловство и птицеловство не составляетъ ихъ полнаго занятія. Для рыбной ловли они должны кочевать съ одного мѣста на другое, для чего и устроиваютъ себѣ въ

извѣстныхъ мѣстахъ зимовья. Юрту (чумъ) дѣлаютъ изъ шестовъ въ видѣ пирамиды, крышу сшиваютъ изъ бересты; выше же Березова они живутъ въ деревянныхъ избахъ, внутри которыхъ поставлены лавки. Лодки выдалбливаютъ прямо изъ цѣлаго дерева. Юрты, родъ широкихъ избъ, раздѣленныхъ на маленькія коморки, на зиму ставятъ на берегахъ рѣкъ, на половину въ землѣ. Въ одной юртѣ помѣщается нѣсколько семей, иногда тридцать и, понятно, какая бываетъ здѣсь грязь. Ребятишки висятъ въ берестовыхъ люлькахъ, внутри которыхъ вмѣсто тюфяковъ насыпано гнилое дерево; тутъ же въ юртахъ живутъ лучшія собаки. Посреди юрты горитъ постоянно огонь, гдѣ всякій готовитъ себѣ обѣдъ, когда хочетъ; здѣсь же жарятся крупныя кости рыбъ для собакъ. Юрты никогда не чистятся, и дѣти никогда изъ нихъ не выходятъ для естественныхъ отправленій. Остяки никогда не моются; дѣти покрыты вшами, и женщины, выбирая ихъ, поѣдаютъ. Остяки дѣлаютъ замѣчательныя кожи, не портящіяся отъ сырости. Богатые, ближе къ Тобольску, имѣютъ стада оленей; всѣ же прочіе занимаются рыбной ловлей, какъ старые, такъ и малые. Рыбу ѣдятъ сырую: отрѣзавъ большой кусокъ рыбы и обмакнувъ его въ рыбью же кровь, засовываетъ кусокъ въ ротъ, пока лѣзетъ и затѣмъ обрѣзаетъ его у самыхъ губъ. Зимою же ѣдятъ, настрогавъ ее, мороженую съ костями.

Лѣтомъ, внизъ по Оби, бываетъ несмѣтное количество рыбы; мелкую обыкновенно выбрасываютъ, изъ крупной вырѣзаютъ только жирные мѣста и безъ соли сушатъ или жарятъ ихъ на зиму. Они обыкновенно вырѣзаютъ изъ боковъ рыбы (муксуна) длинныя полосы, продѣваютъ ихъ на палки, сушатъ, поджариваютъ и связываютъ пучками. Брюшко и спинку, которыя очень жирны, сушатъ отдѣльно, поджариваютъ и сохраняютъ въ берестовыхъ буракахъ или въ сушеныхъ оленьихъ желудкахъ; кости также сушатъ и жарятъ, сберегая на кормъ собакамъ. Кромѣ того они вытапливаютъ рыбій жиръ и приготовляютъ вязигу и клей. Зимой ловятъ рыбу подо льдомъ. Осенью, лишь только выпадетъ снѣгъ, пускаются на охоту за лосями и оленями: убивъ звѣря, остякъ устраиваетъ праздникъ своимъ сосѣдямъ, при чемъ почки, легкія и другія внутренности съѣдаются сырыми. Зимой на лыжахъ остякъ отправляется иногда на нѣсколько мѣсяцевъ на охоту за бѣлками, соболями, песцами и лисицами: орудіе охоты—стрѣлы. Во время охоты ѣдятъ мед-

вѣдей, лисицъ, бѣлокъ и даже падаль. Такъ какъ въ это время свирѣпствуютъ страшныя холода, единственнымъ ихъ утѣшеніемъ бываетъ нюхательный табакъ, хотя и курятъ также съ жадностью: обыкновенно набивъ носъ табакомъ, онъ затыкаетъ ноздри наглухо, отчего лицо сильно разгарается. Отправляясь на охоту, онъ старается чихать, потому что это хорошая примѣта.

Весною пролетная птица также доставляетъ остяку богатую добычу.

Главная болѣзнь, истребляющая ихъ — это оспа; старики часто страдаютъ цынгой. Вообще же они довольно крѣпки.

Ниже Березова они язычники и имѣютъ по нѣскольку женъ; они женятся и на близкихъ родственницахъ жены. За невѣсту платятъ калымъ. Дѣвки у остяковъ не имѣютъ именъ, а жена называется просто баба (ими), мужъ — мужикомъ (тагъ). Мертвыхъ хоронятъ на особыхъ кладбищахъ и кладутъ съ покойникомъ стрѣлы, топоръ, табакъ и проч.; гроба дѣлаютъ изъ лодокъ. Около покойника бабы воютъ, мужчины стоятъ вокругъ съ печальнымъ видомъ. Мужчинъ хоронятъ мужики, женщинъ—бабы; на могилѣ убиваютъ трехъ или болѣе любимыхъ оленей. Въ прежнія времена они управлялись своими князьками.

Языкъ обскихъ остяковъ сходенъ съ финскимъ, особенно вогульскимъ и мордвинскимъ. Напримѣръ:

	По-остятски.	По-вогульски.	По-мордовски.
Два	катъ.	кити.	кафта.
Дьяволъ.	куль.	куль.	куль.
Ухо.	пелъ.	пель.	пиле.
Городъ.	вашъ.	вошь.	ошъ.

Некрещенные остяки имѣютъ деревянныхъ идоловъ, передъ которыми кладутъ табакъ и прочіе подарки и каждый день мажутъ имъ голову рыбьимъ жиромъ. Кромѣ того обожаютъ коробки, пни, колья, нѣкоторыя деревья, горы и проч. Въ случаѣ неудачи остякъ рубитъ идола и топчитъ его ногами. Въ лѣсу у нихъ есть священныя мѣста, которыя они скрываютъ отъ русскихъ; сюда они собираются молиться со своими шаманами; здѣсь они приносятъ въ жертву оленей.

Убивъ медвѣдя, остякъ вѣшаетъ его кожу и всячески старается извиниться передъ ней, что убилъ медвѣдя, боясь, чтобы душа его не принесла ему какой-нибудь вредъ.

Особенно замѣчательны остятскія пляски: въ этихъ пляскахъ, требующихъ силы и ловкости, они изображаютъ похожденія свои на охотѣ за различными звѣрями, птицами и рыбами, насмѣшки и прочее, такъ что это своего рода театръ пантомимъ. Самая причудлавая—это пляска журавля, гдѣ представляются всѣ движенія этой птицы. Во все время пляски играетъ музыка; инструментъ въ тридцать струнъ на подобіе гуслей. Они также охотники разсказывать сказки и различныя приключенія. Съ гостями очень привѣтливы и щедры на подарки.

Самоѣды, живущіе вблизи остяковъ, почти смѣшались съ ними. Они называютъ себя хазова (человѣкъ), точно также какъ тунгузы зовутъ себя боія (тоже человѣкъ).

Самоѣды занимаютъ самыя сѣверныя предѣлы Россіи и Сибирь по Енисею. Конечно, эти народы были загнаны войной въ такія отдаленныя страны; хотя вѣроятнѣе всего, что они и въ прежнія времена кочевали въ этихъ высокихъ холодныхъ горныхъ странахъ. Въ восточной Сибири въ сосѣдствѣ Саянскихъ горъ есть народы (Колбилы, Сойоты, Корагосъ), которые очень похожи лицомъ и языкомъ на самоѣдовъ, такъ что можно положить, что и самоѣды пришли отсюда. Какъ видомъ, такъ и языкомъ самоѣды отличаются отъ остяковъ. Остякъ болѣе походитъ на чухонца (финна), самоѣдъ имѣетъ видъ совершенно тунгуса. Они отличаются круглымъ, плоскимъ, широкимъ лицомъ (молодыя женщины бываютъ не дурны), толстыми губами, широкимъ носомъ, маленькой бородой, жесткими волосами и маленькимъ ростомъ; но они плотнѣе и мускулистѣе остяковъ, грубѣе, безразсуднѣе и безпокойнѣе ихъ. Одѣваются почти также, какъ остяки; нѣкоторые брѣютъ головы; но женскій нарядъ своеобразенъ, и онѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ. Платье шьютъ изъ оленьихъ шкуръ съ суконными лоскутами и дорогой опушкой и носятъ замшевые штаны. Мужчины дома спятъ нагіе, только въ однихъ штанахъ. Жизнь ведутъ кочевую въ безлѣсныхъ тундрахъ; живутъ въ кожаныхъ шалашахъ, но также неопрятны. Занимаются пастьбой оленей, а также ловлей дикихъ оленей и другихъ звѣрей; но оленей не доятъ и рѣдко убиваютъ. Когда прикочевываютъ близко къ морю, то питаются бѣлыми медвѣдями и выброшенными бѣлухами, чѣмъ нисколько не гнушаются. Иногда въ заливахъ ловять рыбу. Осенью преимущественно ловятъ песцовъ, чѣмъ заняты не только мужчи-

ны, но бабы и ребятишки; они выкапываютъ ихъ изъ земли, ставятъ ловушки и проч. Убивъ оленя, уши отрѣзаютъ для принесенія въ жертву, затѣмъ вынимаютъ кости изъ ногъ и, расколовъ ихъ, поѣдаютъ сырой мозгъ; точно также ѣдятъ теплый головной мозгъ, глаза же закапываютъ въ тайномъ мѣстѣ; весной, когда рога оленя хрящеваты, ѣдятъ ихъ сырые; остальное варятъ. Бабы не смѣютъ ѣсть съ мужиками, а питаются остатками. Женщины у нихъ еще въ большемъ презрѣніи, чѣмъ у остяковъ и считаются нечистой тварью. Невѣсту покупаютъ также калымомъ. Ребенку даютъ имя лѣтъ пяти; но постоянное имя даютъ не ранѣе пятнадцати лѣтняго возраста. Вотъ ихъ имена: качка, ломанная нога, сукъ, дикій, сумасбродъ, гусиная лапа (эптугай) и т. д. Дѣвки и у нихъ именъ не имѣютъ. Мертвыхъ хоронятъ, гдѣ попало; на голову надѣваютъ котелъ, гдѣ могла бы жить душа покойника; кладутъ съ нимъ оружіе, убиваютъ оленей и засыпаютъ снѣгомъ, почему покойниковъ обыкновенно съѣдаютъ песцы и россомахи. На поминки приглашаютъ шамана. Вслѣдствіи своего образа жизни и страшнаго суевѣрія, они имѣютъ разстроенное воображеніе и такъ пугливы, что часто отъ шума или свиста приходятъ въ изступленіе. Пляска ихъ неуклюжее топтаніе на одномъ мѣстѣ, вмѣсто же музыки храпятъ въ носъ.

Остяки наиболѣе рыболовы, самоѣды—звѣроловы.

Во всей Россіи и Сибири нѣтъ другой рѣки, гдѣ бы рыба подымалась такими громадными стаями. Причина выхода изъ моря въ Обь рыбы, вѣроятно,—качество воды и мягкое дно рѣки. *Лосось* сюда не заходитъ; *омуль* хотя и заходитъ изъ Енисея въ Ангору и озеро Маджиры, но въ Оби нигдѣ не встрѣчается; *чиръ* (Salmo nasus), водящійся въ Обской губѣ, вверхъ по Оби никогда не подымается; здѣсь также нѣтъ форелей, которыхъ много по Ленѣ и Амуру, хотя форель и водится въ алтайскихъ горныхъ рѣчкахъ. Таймени и харіусовъ въ Оби менѣе, но осетровъ и стерлядей множество; также много ряпушекъ (S. albula), бѣлорыбицы, огромныхъ налимовъ, щукъ, ершей, карасей и др. Нельма, таймень и харіусъ весной идутъ вверхъ по рѣкѣ огромными стаями; около іюня они появляются подъ Березовымъ, а оттуда идутъ въ Иртышъ и Тому. Зимой на Оби рыба держится только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ нее впадаютъ быстрыя горныя рѣчки и бываютъ ключи; въ другихъ мѣстахъ рыба замираетъ и собирается въ страшномъ количествѣ подо льдомъ.

Весенній ловъ начинается въ іюнѣ; но въ это время бываетъ сильная вода и часто невозможно производить ловъ. Остяки рыбу ловятъ неводами и особыми мѣшками-сѣтками. Въ устьяхъ рѣкъ и у береговъ дѣлаютъ заборы съ окнами, противъ которыхъ ставятъ сѣти на подобіе мѣшковъ. Затѣмъ пускаютъ по Оби обрубки деревъ, къ которымъ привязано множество веревокъ съ удочками и приманкой. Осенью же остяки и самоѣды ловятъ рыбу на отмеляхъ: по ночамъ, при свѣтѣ горящей бересты, бьютъ рыбу острогой; дѣлаютъ также проруби, надъ которыми ставятъ будки; въ проруби пускаютъ удочки съ мелкой рыбкой для примана хищныхъ рыбъ, которыхъ и убиваютъ острогой. Самый сильный ловъ зимой бываетъ около ключей, гдѣ рыба, избѣгая мертвой воды, собирается кучами. Лѣтомъ исключительно ловятъ осетровъ, которыхъ здѣсь масса. Пудъ осетрины въ Березовѣ стоитъ 40 к. ас; пудъ жира 50 к. и 1 рубль.

Въ Обской губѣ водится родъ дельфина: онъ, гоняясь за рыбой, часто входитъ далеко отъ устья въ рѣку; его здѣсь называютъ *бѣлухой*. Это животное принадлежитъ къ китообразнымъ и водится также въ Камчаткѣ и Гренландіи. Мясо его сходно съ мясомъ волжской бѣлуги, откуда русскіе и дали ему названіе. Самоѣды считаютъ ее не рыбой, а звѣремъ. Она бываетъ длиною въ три сажени и имѣетъ небольшую голову; дѣтей кормитъ молокомъ, для чего имѣетъ два соска; плаваютъ стадами. Самоѣды загоняютъ ихъ на отмели и убиваютъ.

Къ сѣверу отъ Березова, по снѣжнымъ степямъ около моря, звѣропромышленность выгодна: здѣсь много бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, волковъ, россомахъ, оленей; а ближе къ Березову по лѣсамъ—лосей, соболей, горныхъ бѣлокъ, а по рѣкамъ—бобровъ, выдръ, черныхъ медвѣдей, а на сѣверѣ и бѣлыхъ. Замѣчательно, что песцы въ нѣкоторые годы уходятъ вслѣдъ за мышами на востокъ. Для всѣхъ звѣрей здѣсь ставятъ капканы и самострѣлы; волковъ же и лисицъ отравляютъ чилибухой и сулемой. Соболей стрѣляютъ тупыми стрѣлами и ловятъ сѣтями передъ самой норой. Бобры рѣдко живутъ обществомъ по глухимъ рѣчкамъ, а болѣе живутъ по одиночкѣ. Найдя нору, съ воды ее заваливаютъ камнемъ, а въ нору пускаютъ собаку, которая схвативъ бобра держитъ его зубами, а охотникъ за ноги вытаскиваетъ собаку. Оленей и лосей ловятъ въ засѣкахъ или же ставятъ самострѣлы и петли;

на оленей устраиваютъ также и облавы, или же пускаютъ въ стадо дикихъ сильнаго домашняго самца съ запутанными веревкой рогами; дикій олень бросается на него, запутывается въ его рогахъ: завязывается борьба, и дикій олень дѣлается добычей охотника. Кромѣ того самоѣды гоняются за нимъ на лыжахъ, а лѣтомъ въ жару бьютъ ихъ въ водѣ, куда олени прячутся отъ насѣкомыхъ. Самоѣды ловятъ также тюленей, цвѣтъ шерсти которыхъ обыкновенно бѣлый, серебристый. Весной тюленей ловятъ такъ: близъ устьевъ рѣкъ тюлени выходятъ черезъ продушины на верхъ подышать; охотникъ около продушины ставитъ доску съ веревкой, посредствомъ которой задвигаетъ продушину и убиваетъ звѣря.

Весной по Оби бываетъ милліоны водяныхъ птицъ. Охотники обыкновенно прячутся въ засадѣ близъ проталинъ и стрѣляютъ лебедей, гусей и утокъ или же ставятъ на снѣгу для приманки чучела; а также ловятъ вышеописаннымъ способомъ въ просѣкахъ. Мелкихъ птицъ здѣсь никто не трогаетъ. Утокъ и гусей солятъ такія запасы на цѣлый годъ, что часто весной выбрасываютъ несъѣденное вонъ.

2. Дорога въ Иркутскъ.—Начало весны.—Байкалъ.—Селенгинская область.—Рѣка Чикой.—Кяхтинскіе Китайцы: ихъ обычаи, торговля съ ними и прочее.

Мы оставили Палласа зимовать въ Красноярскѣ. 28 февраля къ нему сюда пріѣхалъ Георги со студентами, а 4 марта Палласъ отправилъ студента Вальтера съ натуральными коллекціями въ Петербургъ. Самъ Палласъ отправился теперь въ Иркутскъ, куда еще въ январѣ былъ посланъ за Байкалъ студентъ Соколовъ, въ Красноярскѣ же для собиранія травъ весной оставленъ студентъ Кашкаревъ. Зуевъ вновь отправленъ на сѣверъ Сибири.

Дорога до самой Ангоры шла по гористой, лѣсной и покрытой глубокими снѣгами мѣстности. Отъ Ангоры страна пошла возвышеннѣе, гористѣе и холоднѣе. Отъ рѣки Калы до Удинскаго Острога шелъ красивый боръ; затѣмъ до рѣки Тунгуски тянулись дикіе, не населенные и болотистые лѣса. Въ большомъ соснякѣ за рѣкой Удою, Палласъ въ первый разъ увидалъ *багульникъ* (Rhod. dauricum), котораго нигдѣ нѣтъ кромѣ Забайкалья; онъ растетъ небольшимъ деревцомъ по низкимъ падямъ горъ. Отъ станицы Тулуйской пошли мѣста гораздо пріятнѣе, и 14

марта Палласъ пріѣхалъ въ Иркутскъ. Первое, что поразило его въ новой странѣ—это былъ найденный въ прошломъ году на рѣкѣ Вилюѣ носорогъ съ уцѣлѣвшей кожей. Земля по Вилюѣ никогда не оттаиваетъ, почему, конечно, кожа носорога и не могла сгнить.

Наступила оттепель. На сѣверъ полетѣли снѣжныя жаворонки (Al. alpestris) и черные воробьи (Fring. flavirostris); вездѣ во множествѣ появились пестрыя вороны (C. daurica), зимующія въ теплыхъ странахъ Монголіи и Китая.

20 марта выпалъ ужасный снѣгъ. Палласъ отправился далѣе: на Ангорѣ уже были полыньи и много утокъ и гагаръ. Здѣсь Палласъ увидѣлъ впервые утку A. histrionica. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Байкалу, тѣмъ горы становились выше и пейзажъ первобытнѣе. Устья Ангоры при входѣ въ море стѣснены горами. На горахъ вокругъ озера еще едва зеленѣлись травы. Въ Байкалѣ растетъ особый видъ бодяги, называемой здѣсь губкой. Палласъ ѣхалъ вдоль берега Байкала; во льду были уже широкія трещины. Народъ готовился на тюленій ловъ, бывающій здѣсь въ апрѣлѣ. Тюлени на зиму расходятся по рѣчкамъ, гдѣ есть полыньи: въ настоящее время они выходятъ грѣться на ледъ. Охотники растягиваютъ на саняхъ бѣлый парусъ, за которымъ скрываются, подходятъ близко и стрѣляютъ тюленей.

Наконецъ, Палласъ переѣхалъ черезъ Байкалъ въ Посольскій монастырь: на всемъ пути была только одна въ полтора аршина трещина, заставившая сдѣлать объѣздъ. Море замерзло такъ гладко что было какъ зеркало: только по берегамъ стояли льдины. На этой гладкой поверхности не держится снѣгъ, и сначала зимы нельзя ѣздить по озеру. Ледъ на Байкалѣ замерзаетъ обыкновенно въ сентябрѣ и держится до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Весной, когда уже на морѣ ледъ начинаетъ разсѣдаться, берутъ съ собою доски; позднѣе же берутъ уже лодку, такъ какъ расщелины бываютъ въ нѣсколько саженей. Весной сухопутьемъ нельзя ѣхать вдоль Байкала, потому что въ горахъ отъ таянія снѣга дороги становятся непроѣзжими. Такимъ образомъ Палласъ добрался до Ильинской заимки. Отсюда начинаются страшные горы и лѣса, и узкая дорога идетъ въ мѣста, гдѣ Селенга пробиваетъ горный хребетъ. По ту сторону Селенги начинается уже Китайская граница.

Селенгинскій округъ лежитъ въ весьма теплой мѣстности, такъ что 20 февраля здѣсь уже выгоняютъ овецъ въ поле. Всѣ мѣста,

лежащія на полдень, уже растаяли, и сюда слетѣлось множество птицъ.

20 марта убили первую трясогузку. Затѣмъ появились—Motacilla leucomella, съ черными и бѣлыми на крыльяхъ полосками (она также водится въ гористыхъ мѣстахъ по Волгѣ и Иртышу) и маленькій сѣроголовый травничекъ (Mot. daurica), который лѣтомъ улетаетъ на сѣверъ, а теперь во множествѣ держится около Селенги. Также пролетѣли и сибирскіе клесты (L. cocotraustes et sibirica), которыхъ здѣсь много, а ближе къ Россіи ихъ нѣтъ, ибо здѣсь находится много дикой яблони (P. baccata), плодами которой они питаются, а наконецъ,— маленькій клестъ (L. sibirica) и прекрасная розовая коноплянка (F. rosea). Вокругъ Селенгинска всю зиму живутъ грачи. Снѣжные жаворонки и даурскія вороны летаютъ въ горахъ громадными стадами. Къ концу марта прилетаютъ дрозды, красныя утки и лебеди; снѣгъ въ это время держится только въ лѣсахъ и на горахъ на полночь.

3 апрѣля Палласъ отправился вверхъ по Чикою для осмотра монгольскаго капища и для сравненія ламайскаго богослуженія съ калмыцкимъ. Вдоль по Чикою идутъ песчаные бугры, поросшіе илимовникомъ (Ulma pumilla), высокія же горы покрыты густыми лѣсами. На рѣкѣ было множество турпановъ и китайскихъ гусей, въ кустахъ держался сибирскій клестъ. Затѣмъ горы по Чикою вновь смѣняются песчаными мѣстами, покрытыми Robinia caragana, ростущей здѣсь обильно, но въ видѣ весьма низкаго кустарника, вѣроятно, вслѣдствіи частыхъ пожаровъ и поѣданія скотомъ. Наконецъ, путешественники пріѣхали къ капищу, построенному на песчаномъ мѣстѣ, поросшемъ ковылемъ, лѣсомъ и покрытымъ буграми, такъ что все это вмѣстѣ представляетъ пріятную картину Отсюда идетъ дорога въ Кяхту по сухой и гористой степи.

Кяхта лежитъ въ долинѣ, но окружена лѣсистыми и высокими горами. Кяхта получила свое названіе отъ монгольскаго слова кіэкъ-ту, т. е. покрытая камышемъ, потому что по рѣкѣ Кяхтѣ растетъ много камышу.

Кяхта—рѣчка ничтожная, бѣдная водою; у китайцевъ же находятся хорошіе родники. Почва въ городѣ плохая и негодная подъ огороды. Въ Кяхтѣ живутъ русскіе купцы или прикащики: у нихъ здѣсь вѣчный праздникъ. Пріѣзжаго начинаютъ поить чаемъ, переходя отъ одного сорта къ другому, чѣмъ немало надоѣдаютъ.

Напротивъ Кяхты лежитъ торговая слобода Маймачинъ, по манджурски называемая Хидалда-чинъ.

Въ домѣ каждаго китайца есть кивотъ, завѣшенный шелковыми занавѣсками: здѣсь сожигается ладонъ и свѣчи, пепелъ же и огарки собираются въ красивые сосуды. Кухня китайцевъ чистотою и порядкомъ превосходитъ европейскую. Особенно замѣчательны у нихъ ножи, стальные четыреугольные, отшлифованные и острые, какъ бритвы. Посреди слободы находится китайскій храмъ; по угламъ его крыши висятъ желѣзные колокольчики съ деревянными языками, при вѣтрѣ издающіе особый звукъ. Стѣны храма изукрашены живописью, внутри же находятся истуканы различныхъ боговъ, передъ которыми стоитъ родъ алтаря, гдѣ въ праздники ставятъ яства, лакомства и даже цѣлыхъ убитыхъ барановъ; кромѣ того — курительныя и горящія свѣчи и сосуды для золы. Передъ нѣкоторыми идолами день и ночь горятъ лампады. На одномъ алтарѣ лежитъ родъ шлема, по которому молящіеся должны колотить молоткомъ. Живущіе здѣсь купцы всѣ нагайцы изъ южнаго Китая, Пекина, Сангуи и другихъ мѣстъ; они пріѣзжаютъ сюда безъ семей, и во всей слободѣ нѣтъ ни одной женщины. Китайцы торгуютъ компаніями, по два товарища вмѣстѣ. Одинъ покупаетъ товаръ въ Китаѣ и привозитъ его, а другой ему на смѣну уѣзжаетъ съ товарами отсюда въ Китай. Съ ними здѣсь живетъ и ихъ начальникъ Сургучей.

Китайцы хорошо сложены, многіе имѣютъ бѣлые и довольно пріятныя лица, черные маленькіе глаза и черные, какъ смоль, волосы; но большая часть ихъ похожи на манжуровъ, т. е., широколицые, широконосые, съ большими ушами; бороду имѣютъ рѣдко и только старики. Платье, особенно же шляпы, мѣняются сообразно времени года. Весной шляпа маленькая съ широкими полями, лѣтомъ на подобіе горшка, плетеныя очень искусно и дорогія, зимой же шляпа плоская, опушенная лисой. Снять шляпу передъ знатнымъ считается невѣжествомъ. Платье носятъ длинное, черное или синее, сапоги широкіе, съ толстыми подошвами изъ грубаго шелковаго вещества, не пронашивающагося по нѣскольку лѣтъ. На поясѣ виситъ шелковый мѣшокъ, футляръ съ припасомъ и палочка для обѣда. Всѣ китайцы очень чистоплотны, многіе отращиваютъ громадные въ полвершка ногти. Морозы переносятъ весьма легко. Пищу употребляютъ здоровую; въ ѣдѣ умѣренны; любятъ плоды, овощи и сла-

дости, а также лукъ и чеснокъ. Въ огородахъ разводятъ капусту, огурцы, рѣдьку, бобы и всѣмъ этимъ снабжаютъ Кяхту; кромѣ того для себя сѣютъ шпинатъ, сельдерей, петрушку, рѣпу, свеклу, салатъ и цвѣтную капусту. Привозятъ съ собой рисъ, розовой горохъ, сушеныя, а зимой замороженные плоды. Изъ бобовъ продолговатый зеленый (Phaseolus radiatur) перемываютъ въ нѣсколькихъ водахъ и ѣдятъ, какъ салатъ. Изъ ягодъ привозятъ яблоки въ родѣ ренетъ (пинза), груши, продолговатые апельсины, кислые и сладкіе померанцы, маленькіе каштаны, орѣхи и проч., изюмъ, чернословъ, сушеные яблоки, варенье въ сахарѣ, померанцы, инбирь, миндаль, кромѣ того соленыхъ раковъ, сушеныхъ голотурій наниткахъ, морскую капусту и множество другихъ дикихъ, неизвѣстныхъ Европѣ, корней и травъ. Зимой они получаютъ замороженныхъ фазановъ съ горъ между Амуромъ и Хаангайре. Говорятъ, что они любятъ собачье мясо, лягушекъ и саранчу: все это ѣдятъ въ Пекинѣ, по здѣсь боятся насмѣшекъ русскихъ. У Китайца чай цѣлый день не сходитъ съ огня, и они пьютъ его безъ сахару; имѣютъ напитокъ въ родѣ водки съ пивомъ, которымъ и напиваются до пьяна; всѣ страстные курильщики и не выпускаютъ цѣлый день изъ рту крошечной трубочки. Они также любятъ играть въ карты и шашки; въ гости ходятъ не званные и сидятъ, не обращая вниманія на то, пріятно или нѣтъ ихъ посѣщеніе хозяину. Всѣ ходятъ съ четками изъ лиственичной смолы. Въ торговыхъ дѣлахъ лукавы, скрытны и дѣйствуютъ сообща дружно.

Всѣ идущіе изъ Китая караваны собираются верстъ за пятьсотъ отъ Кяхты въ городѣ Оерге или по-русски Ургѣ. Товары привозятся большею частію на верблюдахъ. Когда караванъ слѣдуетъ степью, то купцы берутъ съ собою войлочныя палатки, а лѣтомъ складныя изъ тростника палатки, которыя разставляютъ при остановкахъ и покрываютъ парусиной. Дорога до Пекина считается въ пятьдесятъ дней.

Всѣ китайцы умѣютъ говорить по монгольски; но по-русски произносятъ такъ мягко и худо, что едва можно понять: буквы *р* совсѣмъ не выговариваютъ и замѣняютъ ее буквою *л*, а нѣсколько рядомъ стоящихъ согласныхъ, что такъ обыкновенно въ русскомъ языкѣ, раздѣляютъ гласными.

Торговля здѣсь мѣновая: русскіе мѣняютъ на чай рухлядь:— лисицъ сиводушекъ и бѣлодушекъ, недолисей, бѣлыхъ и го-

лубыхъ песцовъ,—мѣха, которые носятъ также различныя названія, какъ то; — норники, синяки, чаяшники. Бѣлые песцы лѣтомъ бываютъ бурые и родятся бурыми; но уже въ августѣ молодые выходятъ изъ норъ съ бѣлыми боками и бурыми еще спинками, въ половинѣ же сентября у старыхъ только крестецъ бурый и ихъ тогда называютъ *крестоватиками;* въ октябрѣ они уже всѣ бѣлые съ бурыми пятнами на спинѣ—это чаяшники; если у синяковъ на спинѣ сѣрые пятна, то ихъ называютъ недопесцами. Кромѣ того собираютъ шкурки кротовъ, еврашковъ и проч. Китайцы все это вымѣниваютъ на чай, шелкъ, фарфоръ, лакированныя вещи и ревень (донхо).

Китайцы суевѣрны. 7 апрѣля было лунное затмѣніе, и китайцы стучали въ доски, котлы, колокола, чтобы прогнать злаго духа, сѣвшаго на луну. Они не набожны, въ храмы ходятъ только во время новолунія и полнолунія: тамъ, сложивъ руки, кланяются бурхану. Главный праздникъ—бѣлый мѣсяцъ—бываетъ въ февралѣ. Въ это время передъ идолами ставятъ множество кушаній, а вечеромъ передъ ними же розыгрываютъ шуточныя пьесы.

9 апрѣля Палласъ выѣхалъ опять по Чикою для осмотра мѣстнаго капища. На полыньяхъ попадалось много замѣчательныхъ хохлатыхъ утокъ (A. falcata), зимующей въ Китаѣ, а лѣтомъ живущихъ небольшими стадами по рѣкамъ Дауріи, Ленѣ и Енисею; голосъ ихъ – пронзительный свистъ. 13 апрѣля распустилась Anemone pulsatilla и прилетѣли на Селенгу, по которой ѣхалъ теперь Палласъ, бакланы; растительность начала быстро развиваться. 20 апрѣля появилась Potentilla acaulis, первая весенняя пища оголодавшихъ овецъ.

Оставивъ студента для изслѣдованія растительности по Селенгѣ, самъ Палласъ отправился въ такъ-называемую Закаменную Даурію.

Странствованіе по Дауріи.

1. Рѣки Хилка и Уда.—Хребетъ Яблень—Даба.—Страна между Ингодою и Аргунью.—Рѣка Или.—Охота на дзереновъ.—Рѣдкія птицы по Онону.—Степныя озера: Тарей—Ноорь и другія.—Джигетай.—Рѣдкія птицы по Аргуни.—Звѣрокъ чекушка.—Растеніе Stellera.

Рѣка Хилка вверхъ верстъ на двѣсти хорошо заселена. Обыкновенная дорога въ Даурію идетъ по рѣкѣ Удѣ черезъ Удинскъ.

Палласъ ѣхалъ теперь внизъ по Селенгѣ. Въ сосновыхъ лѣсахъ встрѣчалось Emberyza cia, а по тальникамъ—голубыя кедровки (C. cyanus), съ черными головками и длинными хвостами. Онѣ прилетаютъ рано весной изъ Монголіи и Китая и гнѣздятся по Селенгѣ, Онону и Аргуни. Онѣ необыкновенно бдительны и летаютъ стадами. Эта сивая сорока, ронжа, летаетъ на манеръ простой сороки, пуглива, хитра и криклива. Другую новость встрѣтилъ здѣсь Палласъ—это черная, съ оранжевымъ брюшкомъ и хвостомъ, трясогузка (M. aurorae); она держится по тальнику вдоль Селенги и весьма обыкновенна вблизи деревень.

По вскрытіи рѣки Хилки вездѣ сѣютъ ярицу и арбузы. Мѣстность здѣсь вообще гористая, внутрь лѣсная. Здѣсь встрѣтилась весьма рѣдкая камышевка (Em. rustica): головка у нея черная, спинка какъ у воробья; она водится по ивняку въ Дауріи.

По рѣкѣ Култуку поселены поляки. Здѣсь страна горная и холодная, и хлѣба часто побиваетъ морозъ. Многіе крестьяне держатъ здѣсь овецъ черноголовыхъ съ небольшими курдюками; они также держатъ и козъ. На лѣто стада свои они отдаютъ бурятамъ. Здѣсь ягнятъ зашиваютъ въ холстъ, чтобы получить курчавую шкурку. Лѣса по Култуку состоятъ изъ сосны и лиственницы, гдѣ много различныхъ звѣрей; въ горахъ находится желѣзная руда; крестьяне собираютъ ее зимой и обжигаютъ въ кучахъ. На обратномъ пути Палласъ видѣлъ здѣсь желтыхъ трясогузокъ (M. citreola), которыхъ въ восточной Сибири довольно много. Жители Удинска занимаются скотоводствомъ и ловлей даурскихъ бѣлокъ, которыхъ добываютъ до 400 т. штукъ въ годъ. Между Хилкою и Байкаломъ живутъ бурята, а также и по ту сторону горъ, по обѣимъ сторонамъ Ингоды до Онона, и раздѣляются на одинадцать родовъ. Они платятъ ясакъ съ одинадцати тысячъ луковъ; они большею частію язычники и подвластны шаманамъ, но ламайцы распространяютъ между ними свое ученіе.

Осмотрѣвъ на рѣкѣ Мангутѣ древніе рудники, Палласъ отправился далѣе. На этой же горѣ онъ встрѣтилъ рѣдкое растеніе Dracocephalum pinnatum. Странствуя въ различныхъ мѣстахъ по рѣкѣ Удѣ, Палласъ былъ захваченъ снѣжною вьюгой 5 мая и пріютился въ одной землянкѣ. Во время бури вокругъ землянки собралось довольно много рѣдкихъ птичекъ; подъ вечеръ многіе изъ нихъ,

напр., голубая трясогузка (M. cyanura), замерзли и лежали на снѣгу.

9 мая Палласъ переправился черезъ стремительную рѣчку Урбу-Догно; на ней свободно играли красивыя утки A. histrionica, водящіяся по горнымъ рѣчкамъ и озерамъ восточной Сибири. Отъ рѣки Урбу-Догно горы называются Яблень-Даба: онѣ отдѣляютъ Даурію отъ Сибири и рѣки, впадающія въ Байкалъ и Лену—отъ Амурскихъ. Этотъ хребетъ переселившіеся сюда русскіе назвали Яблоннымъ. Гребень этого хребта, шириною въ двадцать верстъ, идетъ между Онопомъ и Чикоемъ до Восточнаго Океана. Самый гребень плоскій, но по бокамъ есть горы съ вѣчными снѣгами. Что самый гребень тоже высокъ, это доказываютъ рѣки, быстро съ него стремящіяся въ море. Горы состоятъ изъ разбросанныхъ глыбъ, покрытыхъ мохомъ, мелкимъ березнякомъ, лиственницей, а по юго-восточному склону—красной и бѣлой сосной. Когда мы перевалили на южный склонъ хребта, говоритъ Палласъ, то тамъ уже были ласточки.

11 мая Палласъ изъ Притупова отправился въ Читинскъ, а отсюда на плоту внизъ по Ингодѣ. По теплымъ склонамъ горъ по Ингодѣ цвѣлъ пурпуровый багульникъ (Rh. daurica). Мѣстами берега Ингоды были то лѣсистые, то гористые. Большіе камни покрыты здѣсь хвощемъ (Licopodium rupestre), прекраснымъ папоротникомъ (Pteris pedata), на теплыхъ мѣстахъ растетъ ревень (Rh. undulata), въ водѣ плаваютъ утки (A. histrionica). 14 мая переѣхали рѣку Оленгуй, а 15 достигли Туры. Здѣсь южные склоны горъ были покрыты роскошной даурской флорой; особенно Androsace vilosa и Erigeron gramine украшали собою горы: онѣ встрѣчаются во множествѣ по южнымъ горамъ всей восточной Сибири. По низменностямъ расла обильно Primula farinosa; по косогорамъ стлалась прекрасная травка Cotyledon malacophillum.

Трудно повѣрить какое здѣсь, между Ингодой и Аргунью, множество чернохвостыхъ мышей (M. oeconomus): это таже порода, что встрѣчается въ Баробѣ и Ишимской степи. Онѣ копаютъ подъ дерномъ ходы во всѣ стороны съ камерами, куда на зиму таскаютъ очищенные корешки Polygonum viviparum. Въ каждомъ гнѣздѣ можно найти полпуда и болѣе этихъ очищенныхъ корней. Въ Дауріи, по высокимъ горамъ, живетъ другой видъ мыши—свѣтло-сѣрыя (M. socialis): онѣ ведутъ почти такой же образъ жизни, но собираютъ луковичныя растенія. Эти животныя приносятъ краю

необыкновенную пользу. Тунгузы отыскивають эти запасы и обкрадывають мышей, не убивая впрочемъ ихъ; но дикія свиньи, охотясь за запасами, поѣдаютъ и самыхъ хозяевъ. Кромѣ того въ Дауріи живетъ множество сурковъ.

Рѣка Тура довольно значительна, берега ея гористы и лѣсисты; мѣстами они расходятся, образуя долины, удобныя для хлѣбопашества и луговъ. По Турѣ и по всѣмъ горнымъ мѣстамъ между Ингодой и Онономъ русскихъ поселеній нѣтъ. Лѣтомъ здѣсь кочуютъ буряты и тунгузы.

Проѣхавъ различныя мѣстности, Палласъ достигъ рѣки Или, покрытой богатой растительностью. Здѣсь цвѣлъ Prunus sibirica и Spiraea chamaedrifolia, такъ обыкновенные по крутымъ южнымъ склонамъ Дауріи; мѣстами попадались небольшія стада степныхъ козъ. Чѣмъ ближе къ Онону, тѣмъ въ Аргунской степи встрѣчается больше кочекъ, сдѣланныхъ мышами (M. aspolati), живущими большими стаями. Ниже по Или идутъ мѣста безлѣсныя и гористыя, гдѣ путешественники увидѣли цвѣтущій дикій макъ и бѣлую мать-и-мачиху. Теперь путешественники ѣхали вдоль крутыхъ безлѣсныхъ горъ Онона. Картина была поразительная: по южнымъ склонамъ горъ цвѣлъ сибирскій черносливъ, а по сѣвернымъ, склонамъ съ верху до самой подошвы, горы были одѣты пурпуровымъ багульникомъ. Такого пейзажа, говоритъ Палласъ, еще нигдѣ я не видалъ.

Затѣмъ пробыли еще нѣсколько дней въ Акшинскѣ, чтобы познакомиться съ охотою на дикихъ козъ. Облава на дикихъ козъ считается у монголовъ и тунгузовъ первымъ удовольствіемъ. Обыкновенно осенью, собравъ отъ 50 до 200 всадниковъ съ луками и стрѣлами, выбираютъ старшину охоты. Затѣмъ посылаютъ на избранное мѣсто объѣздъ человѣка въ три высмотрѣть стада дзереновъ. Наконецъ, поданъ знакъ; всѣ дѣлятся на кучки, затѣмъ становятся цѣпью и такимъ образомъ подкрадываются къ козамъ изъ-за горъ и бугровъ. Цѣпь сходится: всѣ бросаются съ крикомъ и пускаютъ поющія стрѣлы въ животныхъ. Монголы удивительно искусные стрѣлки. Стадо стараются загнать къ лѣсу или рѣкѣ: иногда къ охотникамъ присоединяются волки и помогаютъ преслѣдовать животныхъ.

Въ этой странѣ теперь все находилось въ полномъ цвѣту. По низкимъ мѣстамъ Онона цвѣлъ всюду душистый тополь, вездѣ было

множество ириса, примулъ, фіалокъ и маку. Особенно красивъ Papaver nudicaule, покрывавшій сплошь громадныя поля.

Рыбы Даурскихъ водъ, впадающихъ въ Амуръ, отличаются отъ прочихъ рыбъ. Небольшіе сазаны и другіе рыбы очень вкусны. Какъ извѣстно, въ Сибири нигдѣ нѣтъ сомовъ, а здѣсь попадается родъ небольшаго сома. До Онона и Ингоды заходитъ иногда бѣлуга, называемая здѣсь калугой, но она попадается только осенью. Щуки здѣсь замѣчательно испещрены пятнами. Въ Ононѣ живутъ осетры, таймень, семга, называемая около Байкала морскимъ сигомъ. Раковъ въ Сибири нѣтъ; но въ Дауріи водится ихъ маленькій сортъ; также много окуней, а на западныхъ склонахъ Яблоннаго хребта—чебаковъ. Въ Ононѣ есть жемчужныя раковины, а въ озерахъ много раковъ, достигающихъ полуаршина. Рѣка Ононъ течетъ по каменному дну и выкидываетъ много сердоликовъ и холцедоновъ, но они мелки. Всюду попадаются куски разныхъ цвѣтовъ яшмы, а по Аргуни сердоликовъ попадается еще болѣе. Между Онономъ и Чикоемъ зимой ловятъ много темныхъ бѣлокъ.

23 мая тунгузы принесли Палласу нѣсколько дзереновъ. У старыхъ самцовъ подъ горломъ находится шишка. Дзерены телятся въ іюнѣ, когда поспѣетъ сарана (Lilium pomponicum). Пойманныя молодыми, онѣ легко дѣлаются ручными. Въ поляхъ онѣ часто ходятъ со стадами коровъ, но все-таки близко не подпускаютъ къ себѣ охотника.

Изъ рѣдкихъ птицъ Дауріи здѣсь встрѣчаются ронжа (C. cyanus), рудожелтый съ черноватыми крыльями сорокопутъ (L. brachyurus), птица и здѣсь довольно рѣдкая,—рыжій подорожникъ (Em. rutila), и др.

25 мая Палласъ поѣхалъ изъ Акшинска по Онону для собиранія растеній. Около Онона въ тальникѣ водится прекрасный видъ скворца (Gracula sturnita): онъ питается червяками, листьями дикаго лука, гнѣзда вьетъ въ разсѣлинахъ горъ; величиною онъ съ клеста, длиннохвостый, самка простаго сѣраго цвѣта, но у самца спинка между крыльями чернофіолетовая, крылья же и хвостъ желтоватые. Между растеніями выдавалось Artemisia depressus, коей были покрыты огромныя пространства.

Затѣмъ Палласъ вступилъ въ песчаныя степи около Тарей-Нора и Цаганъ-Нора. Степи эти были покрыты вербовникомъ и акаціей (Robinia caragana), которая въ Дауріи не растетъ выше аршина, ибо тунгузскія овцы очень ее любятъ и жирѣютъ отъ ея. Дѣй-

ствительно, даурскія овцы самыя крупныя въ свѣтѣ, даже крупнѣе киргизскихъ. Между кустарниками цвѣли даурскій ирисъ и рѣдкіе астрагалы.

Палласъ прибылъ къ озеру Хара-Норъ, около котораго зимой бываютъ ужасныя бури. За Хара-Норомъ идетъ множество степныхъ озеръ, гдѣ ночью раздается страшный крикъ водяныхъ жабъ, которыхъ множество, какъ въ этой, такъ и въ аргунской степи. По дорогѣ въ Курусутай идетъ верстъ на тридцать пустынная степь, среди которой торчатъ каменные бугры, какъ острова въ океанѣ. Здѣсь растетъ особый родъ ежевики (Ribes diaconta), сушеныя ягоды которой похожи на коринку; мѣстами роскошно цвѣлъ голубой касатикъ. Вокругъ Торей-Нора ростетъ Phaca soecula и тянется открытая степь, сливающаяся долѣе съ пустыней Шамо. Въ этихъ, около Торей-Нора лежащихъ степяхъ, водятся дикія лошади—джегетаи; особенно ихъ много въ безводной Гоби. Джегетай занимаетъ средину между осломъ и лошадью; онъ красивѣе лошака. Его нельзя смѣшивать съ степными ослами, куланами, которые ничто иное, какъ настоящіе дикіе ослы, или онагры древнихъ, и живутъ въ горахъ западной Татаріи. Джегетай сложенъ красиво и легко; имѣетъ ноги тонкія, соразмѣрныя уши; тяжелую голову, быстрый взглядъ, лоснящуюся шерсть, копыты, какъ у осла, величиной онъ будетъ съ среднюю лошадь. Отъ лошади отличается некрасивой головой, задъ и грудь имѣетъ суши, чѣмъ у лошади; онъ буланой масти, по спинѣ имѣетъ ремень, грива его и хвостъ короткія; когда бѣжитъ, то заноситъ голову кверху. Бѣгъ его необыкновенно быстръ: облавой ихъ поймать невозможно, потому что они необыкновенно чутки и предводительствуются опытными жеребцами. Они такъ дики, что ихъ невозможно приручить.

Въ Курусутаѣ Палласъ оставался до 31 мая, а Соколова отправилъ по Аргуни для изслѣдованія растеній. Палласъ говоритъ, что здѣсь ему представлялось столько новыхъ предметовъ для изслѣдованія, что даже некогда было ѣсть. Особенно было много рѣдкихъ птицъ въ болотахъ около Аргуни; здѣсь были журавли изъ рода индѣйскихъ чепуръ (Ardea antigone et virgo), много дрофовъ, но стрепетовъ не было. Особенно много было жаворонковъ (Al. mongolica), весьма похожихъ на калянору съ рыжеватой головкой,—съ двойнымъ чернымъ пятномъ на зобу. Ихъ было много по солончакамъ между Онономъ и Аргунью, гдѣ они поютъ, не по-

дымаясь съ земли. Около соленыхъ озеръ Монголіи водится родъ чибиса (Charadrius mongolus) и красношеей пѣтушокъ (Tringa ruticola), величиной съ водяного воробья, на котораго и похожъ, но ноги имѣетъ черныя. Онъ попадается по всѣмъ соленымъ озерамъ Дауріи. Весною по лугамъ между Онономъ и Аргунью летаютъ голубыя трясогуски (M. cyana), у которыхъ крылья и хвостъ сверху василькового цвѣта, а снизу бѣлыя; онѣ очень похожи на американскихъ трясогузокъ.

Изъ звѣрей въ здѣшнихъ степяхъ есть маленькій звѣрокъ, похожій на чекушку (L. pusillus) и горные зайцы (L. alpinus), о которыхъ говорилось въ статьѣ объ Алтаѣ. Монгольская чекушка величиною почти съ горнаго зайца, имѣетъ тупую голову, что очень напоминаетъ горнаго зайца. Онѣ роютъ въ пескѣ по степямъ норы со множествомъ ходовъ. Изъ норъ выходятъ въ полдень или сумерки; онѣ обгладываютъ кору съ дикой яблони (P. baccata), для чего часто живутъ на островахъ, поросшихъ этимъ деревомъ. Утромъ и вечеромъ раздается ихъ чоконье. Осенью онѣ затыкаютъ всѣ отверстія въ норы вероникой и дѣлаютъ запасы вѣтреницы. Ихъ ловятъ манули, монгольскія кошки, которыхъ здѣсь много.

Проѣзжая по рѣкѣ Онону, путешественники встрѣчали много цвѣтущихъ растеній—примулъ, фіалокъ, прекрасныхъ бѣлыхъ касатиковъ, а также Stellera, корнемъ котораго уже здѣсь многіе отравились. Корень этотъ здѣсь зовутъ—мужикомъ; старые корни величиною съ добрую брюкву; отъ каждаго корня идетъ пятьдесятъ и сто стеблей съ благовонными цвѣтами. Тунгузскіе ребятишки носятъ на головѣ для украшенія цвѣтки этого растенія.

2. Горы Адонъ-Шало.—Бородачъ или Эллоо и другія птицы.—Каменные бараны.—Даурскіе тунгузы.—Рѣка Ага.—Обратный путь. —Соленгинскъ.—Въ Кяхтѣ.—Общій обзоръ Забайкальскихъ странъ.

Рѣка Борза бываетъ обильна водами только весной; въ верховьяхъ ея растетъ черная береза, растеніе весьма сучковатое и съ густой вершиной. Извѣстно, что въ Сибири орѣшникъ появляется только за Аргунью, а дубъ растетъ только на Амурѣ.

Изъ Удагашая вверхъ по Борзѣ видны вершины Адонъ-Шало или Одонъ-Чалонъ. Отсюда по всѣмъ горамъ живетъ много аргаловъ или каменныхъ барановъ. Такъ какъ Палласъ очень желалъ имѣть аргала, то велѣлъ сдѣлать на нихъ облаву. Палласъ отправился

осматривать горы Одонъ-Чалонъ, которыя отсюда всего въ двадцати верстахъ. Окольныя горы не высоки и покрыты зарослями; но чѣмъ далѣе, тѣмъ горы становятся выше, и самыя высокія чрезвычайно разбиты, круглы, раздѣлены глубокими долинами и подымаются удивительными вершинами вверхъ. Отдѣльные камни представляются издали какими-то остатками зданій, гротовъ и громадныхъ стѣнъ. Точно такими же причудливыми камнями украшены и другія сосѣднія горы, такъ что издали кажется, что видишь стадо лошадей или верблюдовъ, почему монголы и называютъ эти скалы Одонъ-Чалонъ, т. е., стадо скота. Въ двухъ мѣстахъ по этимъ горамъ есть пещеры. Горы эти, какъ и большая часть Даурскихъ, состоятъ изъ опоки. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ находится цѣлая гора точильнаго камня, въ которомъ попадаются кристаллы на подобіе бразильскаго электрическаго смарагда; тунгузы собираютъ ихъ дѣтямъ на игрушки.

„Различныя глыбы горъ, приводящія въ удивленіе своей формой и положеніемъ, долины покрытыя пріятной зеленью, березовыя и осиновыя рощицы, покрывающія въ разныхъ мѣстахъ вершину горъ съ сѣверной стороны, множество оленей и другихъ дикихъ звѣрей, еще большее обиліе различныхъ птицъ въ это весеннее время года— все это дѣлаетъ эту страну такою пріятною, что пріятнѣе и уединеннѣе нельзя и желать, и я никогда въ жизнь мою ничего не видалъ лучше, говоритъ Палласъ. Такая волшебная обстановка, а особенно множество въ полномъ цвѣту растеній, на южной сторонѣ горъ, привели меня въ такое восхищеніе, что я остался ночевать здѣсь при одномъ ключѣ."

„Въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ такъ доволенъ и гдѣ я то подымался, то спускался внизъ по горамъ, не имѣя покоя и четверти часа,—водится множество дикихъ звѣрей, особенно оленей и каменныхъ барановъ.—Я самъ только что успѣлъ перелѣзть черезъ одинъ камень, какъ увидѣлъ семь барановъ, мчавшихся съ необыкновенною быстротою и перепрыгивавшихъ въ испугѣ съ камня на камень. Волковъ, лисицъ, корсаковъ и манулей здѣсь много; но послѣднихъ на Селенгѣ гораздо болѣе. Зайцы здѣсь, какъ и въ южной Дауріи, и по Селенгѣ, двухъ родовъ, — обыкновенные и сѣрые, въ родѣ кроликовъ, съ маленькой головой и чернымъ хвостикомъ. Во время преслѣдованіи они бѣгутъ прямо и прячутся въ разсѣлину или первую попавшуюся нору, не роютъ своихъ норъ, а живутъ въ степяхъ подъ кустами гороховаго дерева.

Изъ рѣдчайшихъ птицъ здѣсь живетъ громадный бородачъ, по монгольски *эллоо*; затѣмъ—Corvus graculus, съ краснымъ носомъ и съ такими же ногами, — дикіе голуби въ родѣ горлицъ, гнѣздящіеся здѣсь и по Онону въ разсѣлинахъ; — Turdus saxatis снизу, какъ огонь красный, затѣмъ маленькій краснохвостый сорокопутъ (L. phoenicurus), — особый родъ соловья Muscicapa rupicola,—маленькій травничекъ (Motacila certhiaria), — три вида ласточекъ, изъ которыхъ одинъ вьетъ гнѣзда также и въ Алтаѣ, а другія два гнѣздятся въ высочайшихъ разсѣлинахъ по Байкалу; — наконецъ, множество кукушекъ.

Солнечные склоны здѣшнихъ горъ покрыты макомъ, и рисомъ, горнымъ левкоемъ, астрагалами, таволгой, Sambucus racemosa и друг. Вообще всѣ долины Даурін покрыты прекрасной растительностью.

„Каменные бараны, по монгольски *аргалы*, станомъ гораздо крѣпче сайги, вѣсомъ пудовъ въ пять, а самцы и гораздо болѣе, потому что одни рога вѣсятъ пудъ и болѣе. На ногахъ они выше обыкновенныхъ овецъ, но тѣломъ столь же увалисты, головой нисколько не отличаются отъ овцы. Уши небольшія и торчатъ прямо, рога загнуты, у ярки полудугою, очень плоски, уши сверху рога тупые, внизу острые. У барановъ рога выростаютъ до чрезвычайной величины и загибаются по сторонамъ головы. Хвостъ очень коротокъ. Зимой шерсть длинная, косматая съ подпушкомъ,— лѣтомъ, напротивъ, короткая и ровная. Въ настоящее время зимняя шерсть у нихъ уже совсѣмъ вылѣзла, а новая шерсть была коротка и сѣро-пепельнаго цвѣта. Аргалы держатся исключительно въ уединенныхъ, жаркихъ и безлѣсныхъ хребтахъ, гдѣ находятъ довольно горныхъ травъ. Ягнятся прежде, нежели станетъ снѣгъ ягната очень похожи на телятъ лани, только у нихъ есть большіе плоскіе отростки, гдѣ должны быть рога и весьма мягкая, косматая волна, темнаго цвѣта. Нѣтъ ни одного оленя, который бы былъ такъ пугливъ, какъ аргалы, такъ что подойти къ нимъ нѣтъ никакой возможности. Во время преслѣдованія они бѣгутъ отъ человѣка прямо, не кидаются въ сторону, такъ что обыкновенно набѣгаютъ на спрятавшагося за гору человѣка. На бѣгу быстры и сильны. На ровной мѣстности онъ бѣжитъ безъ остановки, ловко цѣпляется по ухабамъ и камнямъ; а прыгаетъ чрезвычайно быстро. Старые бараны необыкновенно дики; но молодыхъ козаки пріучали къ молоку и корму.“

3 іюня Палласъ поѣхалъ осматривать соленое озеро Дабассунейноръ въ высокой степи на Борзѣ; оно покрыто вершка на два глауберовой солью.

Во время этой поѣздки по Дауріи Палласъ и всѣ его спутники расхворались: легкій и весьма лѣтомъ упругій воздухъ въ горахъ сильно подѣйствовалъ на нихъ. Кажется, говоритъ Палласъ, этотъ воздухъ дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ и на жителей Дауріи. Наконецъ, Палласъ вернулся наОнонъ, чтобы заняться собираніемъ растеній по Селенгѣ. На этомъ обратномъ пути встрѣчаются весьма часто озера. По долинамъ Дауріи вездѣ растетъ ревень, особенно на буграхъ щебня. Буряты иногда ѣдятъ его кисловатые и сильно вяжущіе стебли. Палласъ замѣтилъ раньше, что хорошей обработкой и уходомъ сибирскій ревень можетъ вполнѣ замѣнить китайскій.

Затѣмъ Палласъ проѣхалъ рѣчки Тургу и Жиду. Во всей Дауріи долина этой послѣдней наилучше населена. Горы по Онону были покрыты самымъ разнообразнымъ макомъ. Здѣсь растетъ рисъ (Dichotoma), кромѣ Дауріи нигдѣ не встрѣчающійся, Centaurea, растущая только въ Восточной Сибири; на островахъ и берегахъ Онона вездѣ видна P. baccata. Здѣсь же добыли по кустамъ новую птичку Em. fucata, сѣраго воробьинаго цвѣта.

Съ Онона Палласъ свернулъ на рѣчку Цуголу и Агу.

Даурскіе степные тунгузы называютъ себя донки или оньенки. Они до того смѣшались съ бурятами и монголами, что развѣ найдутся только старики, которые знаютъ по-тунгузски. Всѣ они говорятъ по-русски лучше бурятъ, произносятъ слова не скоро, но свободно и ясно. Лице у нихъ плоское, монгольское и напоминаетъ самоѣдское; бородъ не имѣютъ.

Палласъ видѣлъ одного семидесятилѣтняго тунгуза; но онъ былъ также бодръ, какъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. Волосы у нихъ черные; на головѣ оставляютъ чубъ, будто-бы для того, чтобы во время перехода глубокихъ рѣчекъ, привязывать къ нему лукъ. Образомъ жизни они мало отличаются отъ бурятъ. Они живутъ въ китайскихъ владѣніяхъ и далѣе по Амуру. Они также дики, какъ и тунгузы, живущіе по тундрамъ Енисея. По Аргуни, Онону и Ингодѣ они были прежде богаты скотомъ, но войны съ монголами и болѣзни ихъ обѣднили; отъ ясака они уходятъ тайно въ китайскую Даурію. Многіе бѣдные тунгузы работаютъ здѣсь у

русскихъ мужиковъ. Изъ всѣхъ степныхъ народовъ, видѣнныхъ мною, говоритъ далѣе Палласъ, они самые искусные наѣздники и стрѣлки. Въ 1767 году оспа истребила ихъ много. За подробностями о тунгузахъ Палласъ отсылаетъ къ сочиненіямъ Георги.

Теперь Палласъ поѣхалъ вверхъ по Агѣ, гдѣ встрѣчалось много луговыхъ займищъ и бурятскихъ могилъ. Здѣсь кочуетъ много бурятъ. По рѣкѣ Аргамѣ тянутся мокрыя горы, покрытыя березнякомъ и многими красивыми и рѣдкими растеніями: здѣсь теперь цвѣла Spiraea chamedrifolia. И такъ проѣхавъ Туру, Хара-Мянгуту и Ингоду, встрѣчая всюду по дорогѣ красивые Phoca sibirica et alpina, путешественники выѣхали изъ Дауріи чрезъ лѣсныя долины и поѣхали по Ингодѣ, гористыми лѣсными мѣстностями, гдѣ часто въ лугахъ встрѣчался красивый желтый ирисъ, и прибыли снова въ Читинскъ.

Перебравшись черезъ Яблонный хребетъ, уже мало покрытый растительностью, встрѣтили у озера Шакма-норъ плавающую Sagita natans, обыкновенно растущую въ холодныхъ водахъ Восточной Сибири. Въ горахъ верховьевъ Уды цвѣлъ еще рододендронъ, встрѣчались остролистыя ольхи, астрагалы, Loniccra coerula и другіе кустарники и чѣмъ далѣе удалялись отъ горъ, тѣмъ цвѣтовъ было болѣе. По рѣкѣ Погромной, обильной минеральными родниками, цвѣло множество Phlox sibirica. Въ этихъ минеральныхъ водахъ лечатся буряты. По рѣкѣ Удѣ еще цвѣло много Phaca sibirica, астрагаловъ, лилій, голубаго Palemon, оранжеваго Trolleus и пр. Затѣмъ проѣхали много горныхъ озеръ; вообще всѣ мѣста вокругъ Байкала, не смотря на гористое положеніе, богаты не мѣнѣе Исети, Ишимы и Барабы глауберовой солью. За рѣчкой Кудуну поѣхали вдоль Кышанга, гдѣ были рѣдкія и прекрасныя травы, напр.,—Cymbaria daurica и Convolvulus consabrica. Наконецъ, выѣхали на Хилку, гдѣ нашли красивый кустарникъ Ramnus erythrofylon, котораго твердая и какъ кровь красная древесина употребляется бурятами на кивоты своимъ богамъ; мѣстами цвѣла прекрасная Hedysarum fructicosum и другія растенія.

20 іюля Палласъ прибылъ въ Селенгинскъ. Городъ стоитъ среди песчанныхъ горъ, горы прорѣзаны долинами, что такъ благопріятствуетъ разнообразію растительности, такъ что здѣсь можно найти всѣ даурскія растенія. Здѣсь много кустарниковъ: какъ-то Q. baccata, Ribes diacantha, Ulmus pumilla, Robinia pygmea, кото-

рой нигдѣ нѣтъ въ такомъ обиліи, какъ вокругъ Селенгинска; ее называютъ здѣсь золотарникомъ, потому что цвѣты ея желты, какъ золото; также попадается здѣсь и бобовникъ, называемый на Волгѣ калмыцкимъ орѣшкомъ. Изъ птицъ здѣсь добыты Turdus saxatilis и M. Caliope, побольше горихвостки; на глоткѣ у ней алое блестящее пятнышко: она живетъ въ густомъ тальникѣ по горнымъ ручьямъ и, сидя на верхушкѣ дерева, прекрасно поетъ. Здѣсь также много зайчиковъ (ототопы), и тушканчиковъ (M. jaculus). Палласъ нигдѣ не видалъ ихъ столько какъ по Селенгѣ и Чикаю, потому что здѣсь растетъ много сараны. Монголы ихъ искусно ловятъ и жарятъ. Около Селенгинска въ пескѣ попадаются аметистовые камешки.

24 іюля Палласъ отправился въ Кяхту, чтобы осмотрѣть южную Селенгу и Чикой. Поля по Чикою мѣстами желтѣли отъ гемерокала. По песчаннымъ берегамъ Селенги растетъ особый родъ гребенщика, который встрѣчается по берегамъ Жиды, а также и въ Дауріи. По рѣкѣ Кяхтѣ живетъ безкрылый кузнечикъ, на видъ невзрачный; но его въ нуждѣ ѣдятъ монголы. (G. onos). Флора по Кяхтѣ заключаетъ въ себѣ, кромѣ селенгинскихъ растеній и такія, которыя встрѣчаются только въ горной Дауріи. По солончакамъ близъ Чикоя цвѣла прекрасная Statice aurea, встрѣчающаяся только около Торей-Нора.

Теперь сдѣлаемъ общій обзоръ осмотрѣнной нами Забайкальской страны. Я долженъ сказать, говоритъ Палласъ, что начиная съ Урала до самаго Байкала, я не собралъ столько замѣчательныхъ произведеній природы, какъ въ одной Дауріи, т.е., по границѣ Монголіи, и на сѣверѣ Байкала. Словомъ, нигдѣ продукты эти не были въ такомъ обиліи и совершенствѣ, какъ въ Дауріи и въ нагорной странѣ за Байкаломъ. Кромѣ высокихъ лѣсныхъ хребтовъ отъ Байкала до верховья Селенги, кромѣ этихъ, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыхъ, горъ — все остальное пространство между Байкаломъ и границею суть сухіе, открытые, крутые склоны, между которыми идутъ песчанныя долины, образовавшіяся изъ разрушенныхъ окрестныхъ скалъ при помощи вѣтра, дождя и тающаго снѣга.—Въ Селенгинскомъ уѣздѣ и въ Нерченскомъ (Даурія) скалы представляютъ прекрасные ландшафты. Вся мѣстность необыкновенно благопріятствуетъ разнообразію растительности. Здѣсь положеніе горъ дѣлаетъ то, что одни мѣста, напр., Селенга и Кяхта, теплы и благопріятствуютъ созрѣванію арбузовъ

и дынь, другіе же, какъ Уфа и Байкалъ, холодны: здѣсь падаетъ ранѣе снѣгъ, а за сто верстъ на Селенгѣ видимъ уже совершенно обратное. Во всей Дауріи воздухъ настоящій альпійскій, а такъ какъ она открыта вѣтрамъ съ Ледовитаго Океана, то и не удивительно, что здѣсь все-таки климатъ суровый.

Самое обыкновенное дерево въ Дауріи и по Селенгѣ—сосна, дѣлающая вершины горъ здѣсь еще красивѣе. На высочайшихъ холодныхъ хребтахъ растутъ вмѣстѣ—лиственница, сосна, пихта, береза, осина, а рябина и багульникъ (R. daurica) образуютъ опушку луговъ. Самыя высокія вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ или же голы и покрыты только стелящимся кедровникомъ, березой и даурскимъ можжевельникомъ.

Какъ на Селенгѣ, такъ и въ Дауріи—русскіе, буряты и тунгузы женятся между собой, и потому здѣсь образовалось смѣшанное племя, хорошо сложенное, съ монгольскимъ лицомъ и съ черными волосами: ихъ называютъ здѣсь карымками.

Въ Селенгинскомъ уѣздѣ иногда бываютъ землетрясенія, обыкновенно около Байкала; но они не распространяютъ далеко свое дѣйствіе.

Изъ Селенгинска Палласъ отправился къ Гусиному озеру, гдѣ встрѣтилъ нѣкоторыя рѣдкія травы, напр., Dracocephalum moldavica, Rubia cordifolia, Atraphaxis и др. Robinia pygmea составляетъ здѣсь обыкновенный кустарникъ. По другую сторону озера росъ другой видъ акаціи, еще неизвѣстный ботаникамъ: это кустарникъ въ ростъ человѣка, съ колючими иголками, а потому онъ можетъ хорошо служить для изгородей, стручки же его могутъ идти въ пищу. Этотъ превосходный кустарникъ весной желтымъ цвѣтомъ своихъ листьевъ придаетъ прекрасный видъ мѣстности; но онъ кромѣ этого мѣста нигдѣ болѣе не встрѣчается. Монголы и буряты называютъ его *карагана*. Этотъ кустарникъ (Robinia ferox), *антагана*, вѣтвистъ, весь покрытъ весной цвѣтами. Онъ одинаково хорошо растетъ на сырыхъ и сухихъ мѣстахъ и по долинамъ наполненнымъ щебнемъ.

Этого же кустарника много разводятъ около Пекина; стручья его не сваливаются до слѣдующаго года. Гусиное озеро глубоко, сильно волнуется при вѣтрахъ; около него много хорошихъ пастбищъ и два ламайскихъ храма. Въ пяти верстахъ отъ озера лежитъ соленое озеро, изъ котораго добывается соль на весь Селенгинскій уѣздъ.

Отъ Удинска внизъ по Селенгѣ по горамъ цвѣла Valeriana rupestris; чѣмъ далѣе внизъ по Селенгѣ, тѣмъ ракитникъ растетъ крупнѣе, а отъ Ильинской горы къ морю тянутся прекрасные луга. Отъ Селенгинска до Посольскаго монастыря лежатъ плодородныя долины, хорошо населенныя. По рѣчкѣ Вилуйкѣ растетъ прекрасная Veronica sibirica и Poeonia lactiflora. Мѣста при устьяхъ Селенги покрыты щебнемъ, что указываетъ на то, что море прежде стояло выше. Когда Палласъ пріѣхалъ въ Посольскій монастырь, то уже дней восемь, какъ надъ Байкаломъ стоялъ туманъ, и тучи носились то къ сѣверу, то къ югу надъ моремъ. Въ то же время въ Дауріи и по Енисею стояли страшные дожди до самой осени; но весна и лѣто были жаркія и сухія. Около монастыря ловятъ рыбу огромными неводами. Самый лучшій ловъ здѣсь бываетъ весной, когда ловятъ морскихъ сиговъ и ленковъ, которые въ это время по отмелямъ мечутъ икру. Лѣтомъ же ловятся только омулей, которые осенью уходятъ въ устья рѣкъ. Замѣчено вообще, что рыбы идутъ метать икру въ то мѣсто, гдѣ сами родились. Въ устьяхъ Селенги омули появляются около Успенія, а около Удинска только въ половинѣ сентября; но они не заходятъ въ Уду и Хилокъ, а идутъ въ Жиду и Чикой до Урлука, въ сѣверныя же рѣчки и въ Ангору не заходятъ. По Енисею изъ Ледовитаго моря омуль проникаетъ даже до Маджарскаго озера.

Какимъ образомъ попали въ Байкалъ тюлени, трудно объяснить. Въ Байкалѣ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ кромѣ того живетъ рыбка коломенка, необыкновенно жирная: она никогда не попадается въ сѣти, а лѣтомъ ее обыкновенно выбрасываетъ бурей цѣлыми валами съ нагорной стороны къ устьямъ Селенги; изъ нея только вытапливаютъ жиръ; даже чайки и вороны ее не ѣдятъ.

На Байкалѣ дуютъ обыкновенно ураганы съ сѣверныхъ береговъ и разбиваютъ суда. Самое же Байкальское море есть ни что иное, какъ ужасная пропасть, дна которой въ срединѣ не доставали, берега ея составляютъ разбитые хребты горъ. Между травами Байкала упомянемъ Polypodium fragrans, рѣдкій, прекрасный и благовонный папоротникъ, собираемый бурятами по разсѣлинамъ горъ: онъ употребляется противъ цынги.

Уѣзжая изъ Дауріи, Палласъ оставилъ здѣсь для продолженія изслѣдованій студента Соколова; результаты этого изслѣдованія

приводятся Палласомъ въ его путешествіи. Соколовъ проѣхалъ по Аргуни, поросшей обильными лѣсами. По этой рѣкѣ растетъ Ranunculus catharcticus, не встрѣчающійся болѣе нигдѣ,—сибирское абрикосовое дерево,—замѣчательное растеніе Chenopodium suffruticosum,—даурскія пеоніи,—Spiraea sorbifolia и др. По песчанымъ мѣстамъ между Аргунью и Ononомъ вездѣ растетъ Clematis hexapetalae. Въ Аргуни живетъ рыба зубатка, широкая, въ аршинъ длиною, съ горбатой головой, съ голубоватыми плавниками; она покрыта мелкой чешуей. Кромѣ того здѣсь встрѣчается рыба остробрюшка. Аргунь въ верховьяхъ течетъ медленно; во время разлива въ нее входитъ изъ Далай-Нора много карповъ, сиговъ и другой рыбы.

Всѣ мѣста въ верхней Аргуни безплодны и безлѣсны. Лѣтомъ же вообще всѣ горы и степи вокругъ Аргуни сухи и покрыты безчисленнымъ множествомъ кузнечиковъ (G. obscurus et barabensis); они при полетѣ издаютъ особый шумъ.

Во всемъ Даурскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, нѣтъ ящерицъ и змѣй. Къ Аргунскому Острогу, гдѣ лѣсистѣе и прохладнѣе, водятся и змѣи.

25 іюля Соколовъ, миновавъ различныя горныя страны, пріѣхалъ къ рѣчкѣ Болыръ. При устьяхъ этой рѣки растетъ обильно Tamarix germanica и другія рѣдкія растенія Восточной Сибири.

Высочайшая гора Дауріи Чоконда-Сохондо. Она крута, покрыта лѣсомъ и огромными каменными глыбами. Густыя лѣса ея состоятъ изъ лиственницъ или кедровниковъ, подлѣсокъ же составляютъ Salyx fusca. Въ лѣсахъ цвѣтетъ Serratula; болота желтѣютъ отъ Saxifraga hirculus. Недалеко отъ верховьевъ рѣчки Агуцока находится гора Елоо, гдѣ страшные бородачи вьютъ себѣ гнѣзда. Гора окружена старымъ кедровымъ лѣсомъ; изъ его тающихъ снѣговъ всюду текутъ потоки. Въ этомъ лѣсу въ лѣтнюю жару прячутся различные дикіе звѣри. Съ этой горы видны къ югу всѣ горы внизъ по Онону, а къ западу подымаются, вблизи лежащія крутыми стѣнами, высокія, заходящія за облака горы; онѣ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и синѣются отъ тумана. Въ этой странѣ воздухъ въ безпрерывномъ движеніи; ежедневно идетъ дождь и бываютъ постоянныя бури. Среди лѣта здѣсь не таитъ снѣгъ, деревья покрываются инеемъ, а при сѣверномъ вѣтрѣ падаетъ сильный снѣгъ. Эти снѣговыя горы занимаютъ огромное пространство. Изъ нихъ

вытекаютъ Агуза, Агуцаганъ, Букукунъ и другія, текущія въ Ингоду, рѣчки. Горы эти имѣютъ поразительный видъ: онѣ состоятъ изъ обмытыхъ, взгроможденныхъ другъ на друга, до самыхъ облаковъ, полуразрушенныхъ, сѣраго цвѣта, скалъ. Онѣ кажутся какъ будто обточенными, внизу же раздѣлены глубокими разсѣлинами; на нихъ нѣтъ ни зелени, ни деревьевъ. На одну изъ такихъ горъ Соколовъ цѣлый день взбирался, именно на южную сопку. Онъ прошелъ шесть утесистыхъ уступовъ; чѣмъ выше, тѣмъ уступы становятся шире и на нихъ бьютъ съ ужаснымъ шумомъ ключи. Вершина горы представляетъ громадную площадь, съ двумя огромными провалами, на днѣ которыхъ находится озеро. До третьяго яруса гора покрыта снѣгомъ, оледенѣвающимъ ежегодно толстымъ слоемъ; изъ-подо льду выходятъ ручьи, по которымъ растутъ сѣверныя растенія. Первая, вторая и третья площадь горы снизу покрыты, какъ шпалерой, стелющимися кедрами, можжевельникомъ и особенно рѣдкимъ Salyx berberis; по нѣкоторымъ мшистымъ утесамъ расли рѣдкія колокольчики. Тунгусы считаютъ эту гору мѣстожительствомъ гнѣвнаго бога, пускающаго ежедневно тучи, дождь, бури и вѣтры, которые и носятся по горѣ, дабы никто не могъ къ ней подступиться. Вообще и далѣе по Киркуну и Кукубуну находится множество громадныхъ горъ или покрытыхъ большими лѣсами, или голыхъ.

3. Возвращеніе въ Красноярскъ. — Общія замѣчанія о флорѣ Сибири.— Рѣка Енисей. — Поѣздка въ Саяны.—Енисейскіе татары.—Рѣка Абаканъ.— Белтирцы. — Рѣка Таштыпъ.—Койбальскіе татары.—Кашинскіе татары.

Палласъ отправился теперь вдоль по Ангорѣ въ Иркутскъ; затѣмъ ѣхалъ по рѣкамъ Китаю и Бѣлой, гдѣ бабы собирали на зиму дикій лукъ (Al. ungulare). Миновавъ рѣки Оку, Зиму, вытекающія изъ Саянскихъ горъ и рѣку Иль, за которой, уже внѣ границъ Иркутской губерніи, пріятные луга съ березовыми рощами изчезаютъ, а начинаются густые дикіе и топкіе хвойные лѣса обильные дичью. Проѣхавъ и другія рѣки — Курганъ, Курсанъ, пейзажъ не измѣняется и только переправившись за Уду, снова появляются березовыя рощи, и страна становится веселѣе; но за рѣкой Камышевкой страна снова принимаетъ дикій характеръ.

1 августа Палласъ возвратился въ Красноярскъ. Травы уже

большею частію имѣли сѣмена; оставленный здѣсь студентъ Комаровъ собралъ по Саяну много рѣдкихъ сибирскихъ растеній.

Ниже Красноярска берега Енисея высоки, покрыты хрящемъ или красной землей; въ хрящѣ не рѣдко попадается окаменѣлое дерево, а мѣстами плохой рыхлый, каменный уголь. Въ этомъ же щебнѣ по Енисею встрѣчаются сердолики, аспидные камни, горный хрусталь, желтый топазъ; но исландскаго шпата въ Сибири нигдѣ нѣтъ. Но самая замѣчательная найденная здѣсь въ 1750 году вещь, это кусокъ желѣза *) въ сорокъ пудовъ. Желѣзо это ничто иное какъ такъ называемый метеоритъ, т. е., упавшій съ неба камень. Этотъ кусокъ твердаго желѣза имѣетъ въ себѣ повсюду продолговатыя ячейки, наполненныя чистымъ стекловиднымъ веществомъ.

Теперь уже въ рукахъ Палласа было много собрано матеріала, и онъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія о растительности Сибири.

1) На востокъ отъ Уральскихъ горъ и особенно въ южныхъ провинціяхъ растительность такая же какъ въ Паноніи, и здѣсь еще мало собственно сибирскихъ растеній. 2) Но подходя къ Алтайскимъ горамъ, растительность измѣняется и приближается къ флорѣ Енисея. 3) Многія растенія, которыхъ нѣтъ на западѣ, а встрѣчаются только вблизи Алтайскихъ горъ, обильно произрастаютъ по ту сторону Оби и на высокихъ равнинахъ. 4) Вверхъ по Енисею уже встрѣчаются многія растенія, истинная родина которыхъ на югѣ отъ Байкала. 5) Но эти же самыя растенія изчезаютъ въ лѣсистыхъ и низменныхъ странахъ между Байкаломъ и Енисеемъ, и здѣсь встрѣчаются снова лишь самыя обыкновенныя. 6) Горныя и скалистыя мѣстности вокругъ Байкала имѣютъ рѣдкія и свои собственныя растенія. Въ восточной Сибири вообще встрѣчаются альпійскія растенія, свойственныя странамъ холоднымъ.

Такимъ образомъ было употреблено пять мѣсяцевъ на изученіе и посѣщеніе замѣчательныхъ и мало извѣстныхъ мѣстностей Сибири.

16 августа съ сѣвера Сибири возвратился Зуевъ. По Енисею онъ нашелъ многочисленныя поселенія тунгусовъ. Рѣка Енисей, противъ Селякина, гдѣ начинается уже ея устье, необыкновенно

*) Теперь это знаменитое желѣзо, называемое «Палласовъ метеоритъ», распиленное на двое, хранится въ музеѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

широка. Правый берегъ рѣки гористъ, лѣвый ровенъ; но оба покрыты лѣсомъ. Снѣгъ и ледъ пропадаютъ только въ іюнѣ, но въ буеракахъ онъ даже никогда не таитъ. Здѣшнія деревья—ольха, лиственница, верба и береза, распускаются только въ концѣ іюня. Ревень доходитъ здѣсь до 66°. Внизъ по Енисею русскихъ промышленниковъ живетъ болѣе, чѣмъ внизъ по Оби.

Изъ Красноярска Палласъ ѣздилъ въ Саяны. Дорога шла дикими лѣсами и безчисленными болотами. Изъ замѣчательныхъ растеній встрѣчалась Gentiana ciliata распространенная весьма далеко по сѣверной Сибири. Ночью всюду свѣтили Ивановы червячки. Изъ рѣдкихъ птицъ попадались синички съ красной шейкой. (M. Coleope). Въ горахъ Учима попадались летающія Corvus draculus, садившіяся на самыя высокія скалы. На глинистыхъ подошвахъ горъ расла Hesperis tatarica, растеніе не встрѣчавшееся Палласу болѣе нигдѣ въ Сибири. Самая гора совершенно алѣла отъ красныхъ ягодъ степной малины (Ephedra). Въ Дауріи и по Селенгѣ ягоды эти считаются ядовитыми. Затѣмъ поѣхали по рѣкѣ Росѣ. Здѣсь растетъ такъ-называемый *бѣлый звѣробой* (Swertia), попадающееся вездѣ по солончаковымъ озерамъ Юсы, употребляемый русскими и татарами какъ лѣкарство. На песчаныхъ мѣстахъ этой рѣки растетъ прекрасный кустарникъ (Rhaca muricata), который впрочемъ не ѣдятъ овцы. Рѣчка Туюмъ, по берегамъ которой растетъ много Raphanus sibirica, протекаетъ въ горное озеро Билоскуль. Это растеніе нигдѣ не встрѣчается въ такомъ обиліи, какъ здѣсь. Оно цвѣтетъ съ весны до осени, и вѣтви его, полные стручками, опускаются до земли.

Съ рѣки Сооны, поросшей осинникомъ, Палласъ поѣхалъ на югъ на Юрбу; здѣсь окрестныя горы покрыты густымъ лиственнымъ лѣсомъ. Въ этихъ мѣстахъ кочуютъ крещеные татары Кайдинъ-Аманъ. Въ Енисей течетъ много холодныхъ рѣкъ и рѣчекъ; страна перерѣзана долинами и покрыта горами и лѣсами. Противъ Абаканска впадаетъ въ Енисей рѣка Кама. Далѣе степью до рѣки Уйбаты идутъ солончаки. По обоимъ берегамъ этой рѣки идетъ степь, окруженная горами, отчего здѣсь весьма тепло, и богатые татары сгоняютъ на зиму сюда скотъ.

Вся степь покрыта могилами, что указываетъ на древнѣйшія здѣсь поселенія. Отсюда поѣхали къ Маламу Сыру, гдѣ на высокихъ поляхъ расло много Stellaria dichotoma, засохшей и свившейся въ клубки, подобно другимъ степнымъ травамъ, катившимся по степи вѣтромъ и разсѣвавшимъ свои сѣмена. Между рѣкою Неною и Сыромъ лежитъ озеро Буланы-Куль. Здѣсь всюду, какъ и по Абакану, растетъ Robinia pygmea. По рѣкѣ Базѣ живутъ татары сагайцы; они лѣтомъ кочуютъ по долинамъ окрестныхъ горъ. Богатые сагайцы имѣютъ много лошадей и овецъ; овцы у нихъ небольшія, съ маленькими курдюками. Замѣчательно, что во всей сѣверовосточной Азіи нѣтъ нигдѣ черкасскихъ длиннохвостыхъ овецъ. Сагайцы, подобно кузнецкимъ татарамъ, собираютъ на зиму много разныхъ дикихъ корней, напр. корень растенія кандыкъ (Erithium dens canis); бабы копаютъ его въ маѣ, моютъ, щиплютъ и сушатъ. Передъ тѣмъ, какъ ѣсть, его обвариваютъ и ѣдятъ съ молокомъ или смѣтаной; онъ тяжелъ для желудка. Такъ же собираютъ въ іюлѣ растущій во множествѣ по Енисею корень саранъ (Lilium pomponum ə mathagon); его пекутъ въ золѣ или варятъ въ молокѣ. Саранъ татары вынимаютъ изъ норъ Mus socialis. Кромѣ того горные татары ѣдятъ корни множества другихъ растеній. Но любимое ихъ кушанье зимой—дикая вишня, которую ѣдятъ толченую вмѣстѣ съ косточками. Лѣтомъ же ѣдятъ молодые побѣги шиповника, красной и черной смородины, барбариса, Cotoneaster, Opulus и другихъ растеній.

Белтиры и койбалы собираютъ также дикорастущую крупу кырлыкъ. Смочивъ ее, они насыпаютъ эту крупу въ мѣшки на сутки, чтобы разбухла, а потомъ жарятъ на желѣзныхъ сковородахъ, отчего шелуха лопается и получается чистая крупа — ботху. Боярскую спѣсь (Lychis chalcedonica) они употребляютъ вмѣсто мыла; корни Onosmae echinoides, растущую по степямъ близъ Абакана,—вмѣсто румянъ; арчикъ (Sabina) и багульникъ какъ лѣкарство. Изъ растущихъ здѣсь дикаго льна и коноплянои крапивы они дѣлаютъ холстъ и веревки; для связыванія употребляютъ прутья Robiniæ pygmeae; изъ имерокаллы дѣлаютъ искусныя полости подъ сѣдла и т. д.

Съ высочайшихъ горъ Харлегантау течетъ въ Абаканъ большая рѣка Арскышь, а къ западу съ горъ Том-баше течетъ Томь. Отсюда на Томь дорога идетъ черезъ гору Утены-сынъ, гдѣ тата-

ры, проѣзжая, изъ благочестія втыкаютъ прутъ. Отсюда дорога идетъ на Кузнецкъ и на Алтай. Отъ устья Арскыша, внизъ по Абакану идутъ съ обоихъ сторонъ голыя горы; на нихъ всю зиму не держится снѣгъ, такъ что здѣсь пасется всю зиму скотъ. Пашни же у сагайцевъ и белтирцевъ всѣ находятся на южныхъ склонахъ рѣки.

5 сентября Палласъ поѣхалъ по Таштыпу. Здѣсь живутъ 150 человѣкъ ясачныхъ белтирцевъ; лицемъ и испорченнымъ татарскимъ языкомъ они похожи на сагайцевъ. У нихъ много скота; хлѣбъ убираютъ на полѣ, тутъ же молотятъ, *а солому сжигаютъ на мѣстѣ и по ней сѣютъ ячмень*. Они пашутъ старинной сохой. Осенью изъ молока гонятъ водку и сильно пьянствуютъ. Они всѣ язычники, покойниковъ не погребаютъ, а, положивъ въ гробъ, подвѣшиваютъ на деревья въ глухихъ мѣстахъ лѣса; гробъ просто связываютъ изъ досокъ; въ головахъ кладутъ платье, съ боку мѣшокъ съ крупой, кубышку съ жиромъ, сушеное мясо, копалку для рытья кореньевъ, ножикъ, топоръ, плеть, промежду ногъ сѣдло; покойника кладутъ головой на сѣверъ, иногда на востокъ, около гроба на деревѣ вѣшаютъ шкуру убитой на похоронахъ лошади съ хвостомъ и копытами, а голову лошади съ уздой и удилами во рту—на другомъ суку. Кромѣ того въ гробъ кладутъ лукъ, стрѣлы; если покойникъ любилъ музыку, то кладутъ — балалайку. Лошадь убиваютъ любимую. Черезъ двѣ недѣли вновь убиваютъ на поминкахъ лошадь, кости которой тщательно сжигаютъ.

Вся мѣстность между горами за Арскышемъ и Абаканомъ есть голая степь со множествомъ могилъ и громадныхъ памятниковъ. На нѣкоторыхъ камняхъ грубо вырѣзаны человѣческія лица или верблюды; могилы обложены большими плитами. Попадаются также и каменныя бабы, между которыми одна очень большая—великая баба. Осенью, идя на охоту, татары молятся этой бабѣ и кладутъ ей въ ротъ сала. Но самый замѣчательный памятникъ въ Сибирѣ находится на Иссѣ. Кругомъ его лежатъ четыресаженные плиты, на плитахъ высѣчены лица; вокругъ памятника сто пятьдесятъ шаговъ; кругомъ его много камней и плитъ. Вѣроятно, вся страна по Абакану была нѣкогда населена однимъ народомъ.

По Абаканской степи растетъ много дикаго льну. По открытымъ южнымъ долинамъ горъ живетъ множество куропатокъ. Онѣ здѣсь лѣтаютъ стадами, не пугливы и находятъ круглый годъ достаточно

корму; но далѣе Красноярска къ сѣверу ихъ нѣтъ. 6 сентября по Абакану пролетѣли съ сѣвера Charadrius morinellus.

На обратномъ пути теперь дорога шла вдоль по Таштыпу горами и долинами. На монгольской границѣ стоитъ русская деревня Таштыпь; она расположена внизу горы, снизу до верху покрытой лѣсомъ. Земли здѣсь много и она удобна для земледѣлія и скотоводства. Зимой здѣсь много всякой дичи; но соболи уже всѣ выловлены. Вообще здѣсь мѣста хорошія и по Таштыпу и далѣе къ Кузнецку, но ихъ слѣдуетъ населить.

Таштыпъ великъ; весной течетъ сильно и быстро промежду извилистыхъ горъ; берега его покрыты лиственницей и сосной. Изъза лѣсовъ виднѣются высокія горы Канссынъ, уже съ мѣсяцъ покрывшіяся снѣгомъ. Отсюда вытекаютъ рѣки Абаканъ и Зея. На востокъ лежитъ высокая гора Сабынъ, покрытая снѣгомъ; тамъ начинается Китайская Монголія. Въ этихъ горахъ живетъ звѣроловный народъ сойоты: они держатъ оленей и языкомъ сходны съ самоѣдами.

Около Таштыпа кочуютъ татары колѣна колноскаго и кабынскаго. Первыхъ двадцать пять человѣкъ; они питаются дикими кореньями и звѣрями; они бѣдны, язычники и живутъ въ неприступныхъ мѣстахъ. Зимой живутъ ближе къ рѣкѣ.

Подымаясь въ горы по Таштыпу, путешественники подняли медвѣдя; но онъ бросился въ рѣку и уплылъ. Палласъ послалъ за татарами и они тотчасъ выгнали его на поляну. Палласъ съ горы любовался охотой и его особенно поразила ярость одной татарской лошади: она нѣсколько разъ на всемъ скаку, догнавъ медвѣдя, сбивала его передними ногами. Горы вдоль Таштыпа покрыты были зеленью; но травы здѣсь такія же какъ на Юссѣ и Алтаѣ, хотя есть и астрагалы, встрѣчающіяся въ Дауріи. Вдоль по Таштыпу въ низкихъ мѣстахъ, какъ и по всему Енисею, попадались кусты Oxyacantha, Opulus, Cornus alba, Padus, огромные Cotoneaster, черная и красная смородина; на песчанныхъ мѣстахъ—чрезвычайной величины Verbascum thapsus, въ долинахъ—дикая конопля въ четыре слишкомъ аршина, на косогорахъ разстилается гребенщикъ (Juniperus Sabina) и Hedysarum obscurum съ деревянистымъ стеблемъ, Ephedra и др. Гребенщикъ (арчинъ) идетъ по всей Сибири, какъ лѣкарство, а также и богородицына трава: дымомъ этихъ растеній окуриваютъ больныхъ; эти же травы спасаютъ и отъ злаго духа.

Но еще большей славой пользуется здѣсь и въ Дауріи багульникъ съ прекрасными свѣтложелтыми пучками цвѣтовъ и твердыми толстыми листьями. Онъ растетъ только на каменистыхъ мѣстахъ по косогорамъ. Въ Дауріи его каждый знаетъ; казаки называютъ его кашкары и дарятъ, какъ рѣдкость или лѣкарство. Багульникъ цвѣтетъ въ іюлѣ; казаки собираютъ его осенью. Олени и сибирская кабарга любятъ его листья. На открытыхъ горахъ ближе къ Абаканску вновь встрѣчается Robinia frutescens; но уже за Енисеемъ въ восточной Сибири ея болѣе нѣтъ. Утесистыя Абаканскія горы покрыты гребенщикомъ, дающимъ такое же благовонное адерево, какъ и алтайскій можжевельникъ.

Рѣка Абаканъ шириною въ восемьдесятъ сажень, глубока, быстра; по обѣ ея стороны идутъ горы. Съ горъ въ нее впадаетъ множество рѣчекъ: изъ нихъ Кола, не доходя до Абаканска, скрывается въ землѣ.

Въ восьми верстахъ отъ Саянскаго острога Палласъ встрѣтилъ койбальскихъ татаръ. Они отличаются какъ видомъ, такъ и разговоромъ отъ всѣхъ встрѣчавшихся до сихъ поръ языческихъ татаръ. Плоское лицо ихъ напоминаетъ тунгусовъ, но у нихъ есть борода; языкъ ихъ сходенъ съ самоѣдскимъ. Вообще живущіе здѣсь народы, напр., моторы и другіе имѣютъ много сходнаго въ языкѣ, что показываетъ, что они отродье одного племени (самоѣдами) разсѣяннаго еще здѣсь въ древности и загнаннаго впослѣдствіи, на сѣверъ.

Вотъ для примѣра сравненіе словъ этихъ языковъ.

по-русски.	по-самоѣдски.	по-койбальски.	по-моторски.	по-карагакски.
Два.	сиде.	чиде.	кидде.	тидъ.
Четыре.	тедъ.	тедте.	тейдте.	дейте.
Снѣгъ.	сырра.	сирре.	сирре.	сира.
Вода.	уйть.	бы.	бу.	бу.
Земля.	я.	деру.	дера.	дера.

Всѣ койбалы крещеные. Взрослыхъ покойниковъ хоронятъ они въ землѣ, младенцевъ же подвѣшиваютъ на деревьяхъ. Они прилежно занимаются земледѣліемъ; пашутъ сабаномъ. Занимаются также собираніемъ дикаго льна и крапивы для веревокъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ куръ. Осенью отправляются партіями за соболями и разной дичью въ дикіе лѣса по Ою и Тубѣ; по небольшамъ лѣснымъ рѣчкамъ ловятъ бобровъ и выдръ. Соболей, выдръ и бобровъ ловятъ обыкновенно въ декабрѣ и январѣ; въ мартѣ же по снѣгу гоняются за оленями, лосями и другими дикими звѣрями. Россомахъ ловятъ они самострѣлами. Этотъ звѣрь ходитъ обыкновенно по слѣдамъ лисицы, чтобы дѣлиться съ ней добычей и въ разставленные самострѣлы онъ поподается первый.

Когда осенью въ горахъ нельзя достать изъ-подъ снѣга лошадямъ сѣна, то койбалы отбираютъ сѣно заготовленное тушканчикомъ (L. alpinus).

Изъ татарскаго племени моторовъ уцѣлѣло теперь только десять человѣкъ: ихъ истребила оспа. Они прежде жили за Саянскимъ Острогомъ въ горахъ, потомъ внизъ по Тубѣ. Они отличаются отъ койбаловъ образомъ жизни и одеждой. Они бѣдны; собираютъ сарану; лѣтъ тридцать тому назадъ ихъ крестили. Они прежде хоронили покойниковъ также на деревьяхъ, между тремя досками.

Вообще древніе обитатели Сибири хоронили покойниковъ или въ каменныхъ или въ земляныхъ могилахъ; въ каменныхъ—въ головахъ покойниковъ часто находятъ серебряная чаши, золотые пуговицы и прочее. Земленные курганы, повидимому, принадлежали другому народу. Въ нихъ стоятъ гробы изъ лиственитыхъ бревенъ; могилы съ полами и крышами; въ ногахъ обыкновенно ставились глиняные и мѣдные кинжалы, изображенія дикихъ барановъ и прочее; мѣдныя вещи, встрѣчаются всѣ литыя.

Окресности Саянска каменисты и неспособны къ хлѣбопашеству. Мѣстами же по Енисею хлѣбопашеству мѣшаютъ ранніе морозы. Не далеко отъ Саянска лежитъ высокая гора Буреусу, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ.

На пути между рѣками Зисою и Голубою путешественникамъ встрѣтилось много куропатокъ и перепеловъ. Они зимуютъ здѣсь подобно тетеревамъ, подъ снѣгомъ, и на зиму не отлетаютъ въ теплыя страны, потому что на высокихъ горахъ рано падаетъ

снѣгъ, когда еще въ Европѣ нѣтъ осени. Такимъ образомъ эти перелетныя птицы измѣнили свой образъ жизни вслѣдствіи характера мѣстности.

Богатыя могилы, разсѣянныя въ здѣшнихъ странахъ, показываютъ, что еще въ древности богатые жители Азіи любили кочевать по раздольнымъ степямъ Абакана и Енисея, а бѣднымъ оставляли лѣса и горы для звѣриныхъ промысловъ.

Затѣмъ Палласъ проѣхалъ рѣки Шуму, Ой и Амуль, быструю рѣку, вытекающую изъ горнаго озера Мажаръ, обильнаго рыбой (осетрами и омулями), и лѣсами. На этомъ пути Палласъ слышалъ, что въ высокихъ горахъ по Усѣ водятся въ непроступныхъ мѣстахъ каменные козлы (тегге). Дѣйствительно, уже въ 1773 году ему доставили двухъ козловъ, убитыхъ между Удою и Бирюсою. Цвѣтомъ шерсти, говоритъ Палласъ, они похожи на гвинейскую кабаргу или киргизскую козу; тегге свѣтлобураго цвѣта, па затылкѣ и лбу имѣетъ шерсть косматую, бороду—черную, между глазъ черное пятно, черную же полосу на лопаткахъ и такіе же ноги около копытъ. У молодыхъ грудь и брюхо бѣлыя; у старыхъ—длинные рога, бороздчатые съ обручами, ноги крѣпкія, лопатки мясистыя и подшерстокъ.

По Енисею около Абаканска и Тубы кочуютъ каштнскіе татары, которые косятъ траву на островахъ. Они язычники, имѣютъ по одной женѣ, сватаютъ ее себѣ лѣтъ пять, играютъ двѣ свадьбы: одну у отца жениха, другую у невѣсты; сѣятъ рѣдко ячмень и кырлыкъ. Главный ихъ праздникъ бываетъ весной, когда начинаютъ доить коровъ. Каштнская орда занимаетъ самыя лучшія мѣста Красноярскаго вѣдомства.

На рѣкѣ бѣлой Усѣ есть пещеры, куда скрываются олени во время непогодъ.

По Енисею, Юбѣ и Абакану мѣстами находится много селитры.

Обратный путь въ Россію въ 1873 году.

1. Заселеніе Сибири.—Бараба: озеро Чаны, обиліе птицъ и прочее.—Тара.—Башкирія.—Таныпь.—Вотяки и Черемисы.

Такъ какъ страны по Ленѣ были еще раньше Палласа изслѣдованы Гмелиномъ и Стеллеромъ, то, пославъ впередъ студента на низовье Волги, самъ Палласъ также направился въ Россію. Георги хотѣлъ остаться въ Иркутскѣ на лѣто для осмотра Култука, но по совѣту Палисаса онъ направился въ Пермь. Оба путешественника поѣхали изъ Красноярска въ Томскъ.

Теперь на обратномъ пути по Томскому уѣзду, населеніе нѣкоторыхъ деревень умножилось; но дѣло въ томъ, что въ нихъ были одни только мужики, бабъ-же не было. Относительно заселенія въ его время этихъ пустынныхъ мѣстностей, Палласъ говоритъ слѣдующіе: „ежегодно сюда ссылается въ зачетъ рекрутъ, для населенія Сибири, народъ бѣдный, неспособный къ работѣ—больные, различные уроды, безумные и старики; многіе старики, отцы многочисленныхъ семействъ, отлучены безчеловѣчно и посланы въ сіи страны, исполненные печали и бѣдности; нѣкоторые же, чтобы справиться съ полевыми работами, по нуждѣ заводятъ себѣ по нѣсколку бѣдныхъ женъ и живутъ въ многоженствѣ. Многіе со слезами оплакивали передо мною участь оставленныхъ ими дѣтей.“

Отсюда Палласъ поѣхалъ по Тару черезъ Барабу, пространную степь, совершенно подобную Ишимской, ибо это тоже весьма плодородная равнина, частію покрытая озерами, солончаками и березовыми рощами; къ югу она приближается къ Алтайскимъ горамъ и рѣкѣ Иртышу, безлѣсна и не такъ плодородна, какъ къ сѣверу, гдѣ тянутся до Оби темные лѣса.

Озеро Чаны весьма обильно щуками и окунями; щуки попадаются до тридцати фунтовъ, ихъ ловятъ лѣто и зиму, солятъ и

сушатъ. Зимою пудъ мерзлой рыбы стоитъ здѣсь три копѣйки. Рыбу ловятъ большею частію бѣглые крестьяне, живущіе около Томы въ рыбацкихъ хижинахъ. Нынче въ здѣшнихъ мѣстахъ заводятся постояныя селенія, напр., около Убы, около озера Абышканъ и другимъ мѣстамъ. По всѣмъ этимъ озерамъ живетъ громадное количество воденыхъ птицъ. Барабинскіе татары сдираютъ съ гагаръ бѣлыя пуховыя брюшки и продаютъ ихъ проѣзжающимъ по три и по пяти копѣекъ; другіе собираютъ чернофіолетовыя шейки гагаръ и зеленыя головки селезней и сшиваютъ ихъ на муфты. Вообще Бараба плодородна и заселяется: по ней хорошо радится ленъ и славится по всей Сибири. Но внизъ по Оми она становится открытѣе и безлѣснѣе. Въ Тарахъ Полласъ съ Георги остановились, чтобы привести въ порядокъ коллекціи и отправить ихъ въ Петербургъ. Въ Тарѣ 1715 человѣкъ жителей, изъ нихъ 282 бухарца; здѣсь живъ еще одинъ родственникъ хана Кучума. Въ окрестностяхъ много звѣрей—медвѣдей, волковъ, лисицъ, бѣлокъ, россомахъ, бобровъ, рысей; къ сѣверу въ лѣсахъ есть олени, въ Барабѣ—лоси, серны и много кабановъ. Страна около Тары богата хлѣбомъ и рыбой. Въ Иртышѣ и озерахъ Барабы и Ишимы всю зиму ловятъ рыбу. Важнѣйшія породы рыбы здѣсь—осетръ, стерлядь, пельма, таймень, ленки, исполинскія щуки и окуни.

23 Февраля Георги отправился на Исеть, чтобы весною осмотрѣть ее до Екатеринбурга, а тамъ отправиться на Чусовую и Уралъ къ Волгѣ. Палласъ направился къ Камѣ черезъ Ишимску и Исетеную провинцію, сѣверную Башкирію, а затѣмъ весною къ Уралу и южнымъ частямъ Волги, описать еще ненаблюденныя никѣмъ растенія. 28 Февраля Полласъ прибылъ въ Челябинскъ. Въ Исетской степи уже появились подорожнички и снѣжные жаворонки. Проѣзжая по Башкиріи, Палласъ замѣчаетъ: „счастливые башкиры имѣютъ здѣсь большое земледѣліе, пчеловодство и много скота, въ около лежащихъ дремучихъ лѣсахъ—дичи; въ еловыхъ лѣсахъ до Камы водятся стада лапландскихъ оленей; здѣсь живутъ по всей Россіи извѣстныя куницы; мѣстами растетъ дубъ и лещина; въ еловыхъ лѣсахъ необыкновенное обиліе клестовъ; ихъ много здѣсь ловятъ силками.“

По рѣкѣ Таныпу идутъ дубовые лѣса. Лѣвый берегъ рѣки мѣстами весьма плодороденъ и удобенъ для земледѣлія, а правый покрытъ густыми еловыми лѣсами. По Таныпу живутъ башкиры, а

особенно вотяки и черемисы. Вотяки большею частію некрещеные и большіе пьяницы. Вотяки вмѣстѣ съ черемисами, вогулами, остяками и мордвою принадлежатъ къ финскому племени. Они здѣсь живутъ изстари. Во время нашествія на Россію, татары оттѣснили ихъ къ сѣверу въ густые лѣса по Вяткѣ и верховьямъ Камы, которая на ихъ языкѣ значитъ большая рѣка. Вотяки сами себя называютъ Утъ-Муртъ. Русскіе изъ утъ или вутъ сдѣлали воты или вотяки.

Вотяки отличаются нравами своими отъ сосѣднихъ съ ними черемисовъ: они проворнѣе, веселѣе, не такъ упрямы; но пьяницы, мелкаго роста, особенно женщины, всѣ рыжіе. Бабы на головѣ носятъ кусокъ бересты, покрытый краснымъ сукномъ и бисеромъ; рубахи носятъ шитыя, сверху надѣваютъ кафтанъ безъ рукавовъ и штаны.

Дома ихъ построены въ разбросъ, безъ дворовъ, внутри татарскія печи. Они хорошіе земледѣльцы, держатъ бортевыхъ пчелъ, зимой промышляютъ звѣрей ловушками и убиваютъ ихъ изъ луковъ. Ткацкіе станки ихъ устроены весьма удобно и легко разбираются. Они не оставили еще своихъ древнихъ жертвоприношеній; жертвенные мѣста находятся въ еловыхъ лѣсахъ, священныя ели огораживаются; у нихъ есть богъ земли и богъ солнца. Въ честь бога земли праздникъ бываетъ лѣтомъ послѣ посѣва; другой праздникъ бываетъ передъ сѣнокосомъ; въ это время для испрошенія хорошей работы и ясной погоды сожигаютъ въ огнѣ чернаго дятла, котораго нарочно ловятъ и кормятъ для этого. Самый большой праздникъ бываетъ по окончаніи жатвы: тогда на жертвенныхъ мѣстахъ приводятъ рыжую лошадь, вола, овцу, гуся и утку и ѣдятъ ихъ здѣсь. Сперва приносятъ малыя жертвы, а подъ конецъ жрецъ Шиды—Шилваши закалываетъ лошадь: кости ея, кровь и желудокъ сжигаются; голова же лошади, а также овцы и вола и скелетъ лошади вѣшаются на священное дерево; при этомъ читаются молитвы въ полдень, а не утромъ.

Черемисы, называющіе себя мари, довольно многочисленны по Вяткѣ и Камѣ. Они средняго роста, бѣлокурые или рыжіе, съ жидкой бородой. Лицо имѣютъ бѣлое, невыразительное, слабосильны, вялы, лукавы и упрямы; нѣкоторыя женщины встрѣчаются довольно красивыя. Волосы у бабъ жидкіе и короткіе, на головѣ носятъ разноцвѣтныя шапочки. Любятъ вышивать свое платье, штаны носятъ холщевыя. Они чистоплотнѣе мордвы и вотяковъ

и подобны въ этомъ отношеніи чувашамъ. Дома у нихъ разсѣяны, безъ дворовъ, иногда строятъ двѣ избы рядомъ, одну лѣтнюю, другую зимнюю. Они трудолюбивые земледѣльцы; хлѣбъ ставятъ въ круглыя остроконечные скирды на столбахъ, чтобы мыши не ѣли; скота имѣютъ довольно, но пчелъ держатъ менѣе. Многіе изъ нихъ еще язычники, другіе же магометане. Весной у нихъ такой же бываетъ праздникъ, какъ и у вотяковъ; пашутъ татарскимъ сабаномъ. Въ главный праздникъ моются въ банѣ, наряжаются въ лучшее платье и приносятъ въ жертву рыжую лошадь и бѣлую корову; жиръ, кровь и кости кидаютъ въ огонь, шкуру же послѣ молитвъ вѣшаютъ на шестъ. И у нихъ такой же праздникъ въ честь бога жатвы, какъ и у вотяковъ. Новый годъ у нихъ начинается весной, въ мартѣ.

2. Весна въ Сарапулѣ.—Торговля Сарапуля.—Обиліе рыбы.—Земледѣліе по Камѣ. —Возвышенныя страны Пріуралья.—Рѣки Кинель и Таныпъ.—Рѣка Самара.—Дикія лошади.—Степи около Сока.—Рѣка Узень.

7 Апрѣля Палласъ пріѣхалъ въ Сарапуль. На открытыхъ мѣстахъ уже стаялъ снѣгъ и показался бѣлокопытникъ; на слѣдующій же день показался во множествѣ трилистникъ, а 12 зацвѣла болотная фіалка; 18 числа показалось много медунокъ и золотоголовиковъ и сталъ распускаться орѣшникъ.

Еще въ концѣ марта прилетѣли скворцы, грачи, зябляки, овсянки, дрозды и луговики; за ними въ начала апрѣля появились синички, болотные и лѣсные кулики и прочія птицы. Но такъ какъ въ южной странѣ нѣтъ ни озеръ, ни горъ, то прилетъ не представлялъ ничего замѣчательнаго для наблюдателя.

Сарапуль очень большое и замѣчательное село на правомъ берегу Камы. Здѣсь бываютъ большіе базары, на которые стекается много народу изъ окрестныхъ деревень. Здѣсь торговля сильно развита и отсюда идетъ много хлѣба въ Селикамскъ, Чордынь и за Печерскій и Двинской Волокъ въ сѣверную Двину и Печеру, въ края безхлѣбные, и даже въ Нижній-Новгородъ и Астрахань. Вверхъ по Сарапулу растутъ огромные сосновые лѣса, а потому здѣсь строятъ барки въ двадцать сажаней длины (насады), на которыхъ перевозятъ дрова въ Астрахань. Кромѣ того здѣсь устроены пильныя мельницы, кожевенные заводы, едва успѣвающіе приготовлять товаръ. Народонаселеніе Сарапуля весьма пестрое. Различные бѣглые

азіатцы, спасаясь бѣгствомъ отъ рабства у киргизовъ, обращаются въ христіанскую вѣру и разселяются между крестьянами въ Сарапулѣ, чтобы научиться русскому языку. Между ними я, говоритъ Палласъ, видѣлъ персіянъ, арабовъ и туркменцовъ; всѣхъ ихъ считается здѣсь теперь до 64 душъ.

Въ протекающей здѣсь Камѣ вылавливается громадное количество рыбы; здѣшняя рыба считается самой вкусной во всей Россіи; осетры, бѣлорыбица и стерляди здѣсь вкуснѣе волжскихъ; особенно много здѣсь лососей. Въ рѣкѣ Бѣлой попадается особый сортъ лосося, называемый *стрешевой линь*, но онъ довольно рѣдокъ и Палласу не довелось его увидѣть. Этой рыбы нѣтъ въ Каспіи, а она заходитъ въ Каму изъ Печеры и Вычегды, такъ какъ верховья Камы близки къ этимъ рѣкамъ, и во время разлива, вѣроятно, эти рѣки соединяются. Говорятъ, что рѣка Мылва, вытекающая изъ одного болота, соединяется съ нѣкоторыми рѣчьками, текущими въ Вычегду и сама впадаетъ въ Каму; такимъ образомъ въ эту рѣку лѣтомъ изъ Волги заходятъ чехонь и бѣшенка. Бѣшенка лѣтомъ въ жару дохнетъ и выбрасывается на берега Камы въ огромнымъ количествѣ. Осетры и стерляди ловятся на крючки, но бѣлорыбицу, лосей и осетровъ ловятъ перебойками (езъ), т. е., рѣку перебиваютъ сваями, промежутки между которыми загораживаютъ сѣтьми съ мотнями. На озорахъ здѣсь ловятъ все лѣто.

Изъ Сарапуля Палласъ отправилъ одного студента водой въ Царицынъ съ вещами, а самъ рѣшился ѣхать въ южныя степи между Яикомъ и Волгою для изслѣдованія растительности. Палласъ рѣшился ѣхать въ Яицкій городокъ отъ Камы малоизвѣстной дорогой.

21 апрѣля онъ пустился въ путь; дорога шла превосходными полями, перерѣзываемыми еловыми лѣсами съ цвѣтущими травами.

„Мало въ Россіи странъ, говоритъ Палласъ, гдѣ бы такъ прилежно занимались земледѣліемъ, какъ въ Казанской губерніи, въ мѣстностяхъ прилежащихъ къ Волгѣ и Камѣ. Здѣсь русскіе, татары и черемисы превосходятъ другъ друга; по мнѣ кажется, что татары все-таки лучшіе хлѣбопашцы. При деревняхъ огромныя оденья стоятъ по нѣскольку лѣтъ. Страна по Камѣ довольно хорошо населена; крестьяне богаты и сѣютъ много озимой пшеницы, которая, не смотря на холодную и влажную тинистую почву, хорошо родится; они высѣваютъ ее позже ржи, притомъ на гористыхъ по-

суше мѣстахъ. Для осушки полей, а также и для ихъ удобренія, крестьяне оставляютъ не сжатою солому на аршинъ отъ земли и сожигаютъ ее осенью.»

Далѣе на югъ отъ Камы, а также по Сокѣ, Самарѣ и Волгѣ крестьяне сѣютъ по не паханной землѣ: это они называютъ сѣять подъ соху. Это хорошо потому, что земля не сохнетъ въ здѣшнихъ сухихъ мѣстахъ, а сѣмена такимъ образомъ зарываются глубже. Теперь крестьяне по Камѣ начинаютъ разводить воложскій ленъ, привезенный сюда переселенцами изъ Польши: онъ въ Селенгинскѣ растетъ въ сажень и даетъ ленъ лучше обыкновеннаго.

Затѣмъ проѣхавъ быструю рѣку Аксаку, поростую березовымъ и еловымъ лѣсомъ, Палласъ прибылъ на рѣчку Ишъ. Здѣсь находится нѣсколько деревень (Макса, Пахтова и Торга), принадлежавшіе татарскому генералу Теваеву. Обиліемъ и порядкомъ хозяйства онѣ привели Палласа въ восторгъ. Помѣщика не было дома; онъ въ другой деревнѣ праздновалъ татарскій праздникъ Сабанъ (праздникъ сохи). По дорогѣ вездѣ въ почвѣ встрѣчается мѣдная руда.

При устьяхъ рѣки Ика стоитъ большое село. Рѣка Кама здѣсь разливается верстъ на семь. По берегамъ ея еще было мало цвѣтовъ, за то ужей, черныхъ ядовитыхъ змѣй и водяныхъ крысъ было много.

По мѣрѣ удаленія отъ Камы пошли дубовые и березовые лѣса; появилось много цвѣтовъ; всюду раздавалось пѣніе дроздовъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ въ такомъ количествѣ, какъ на Камѣ, въ лѣсахъ обильныхъ можжевельниковъ. Лѣвый берегъ Камы степной, хотя и не въ такой степени, какъ лѣвый берегъ Волги. По рѣкѣ Малой Шильнѣ идетъ степь, покрытая цвѣтущей вѣтренницей, гусиной травой, адонисомъ и другими цвѣтущими травами. Въ кустарникахъ была птичка—пестрый кузнечикъ, не встрѣчающаяся въ другихъ мѣстахъ Россіи; между Камой и Самарой повсюду попадались садовыя овсянки.

Рѣка Мензела населена татарами; они держатъ много пчелъ; землю обрабатываютъ тяжелымъ сабаномъ. Отъ Мензелинска идетъ черноземная степь съ невѣроятнымъ множествомъ сусликовъ. Татары изъ суевѣрнаго страха не истребляютъ ихъ и даже кормятъ; но не терпятъ ихъ въ домѣ или саду, считая, что они приносятъ съ собою несчастіе; они даже бранятся такъ: «желаю тебѣ въ домъ суслика».

Отъ рѣчки Чалпы, скрывающійся въ землѣ, пошла волнообразная степь. Отсюда видна гора Шапиръ-Тау, содержащая руду; около этой горы въ теплыхъ долинахъ цвѣли вишни, бобовникъ, ракитникъ и другія растенія. Такимъ образомъ Палласъ пріѣхалъ въ Бугульминскъ и вступилъ въ страны близкія къ Уральскимъ горамъ. Гористая рѣчка Шайтанка была покрыта цвѣтущей растительностью: ракитникомъ, таволгой, Onosma echinoides, Carduus cyanoides и др., но красивыя цвѣтки растущаго здѣсь Hedysarum grandiflorum еще не распускались; особенно было много здѣсь цвѣтущаго бобовника. Вообще эта близкая къ Уралу страна была покрыта горами и рощами. Такъ между рѣками Сакмарою и Бѣлою идетъ значительный горный хребетъ.

1 мая Палласъ отправился вдоль Кандыса къ Кинелю открытыми плодоносными возвышенностями. Вправо виднѣлся текущій Богурусланъ, черезъ который онъ переправился близъ одной мордовской деревни. Оставивъ Бугурусланъ влѣво, онъ поѣхалъ по возвышенной странѣ покрытой прекрасными кустарниками и дубовыми лѣсами въ слободу Бугурусланъ на Кинели. Каменистыя и глинистыя горы Кинеля были покрыты снизу до верху цвѣтущимъ шалфеемъ, который растетъ по всѣмъ открытымъ угорьямъ Урала. Степи, идущія за Кинелемъ, точно также наполнены различными цвѣтущими кустарниками, а на низменныхъ мѣстахъ далѣе къ Самарѣ показалось множество цвѣтущихъ касатиковъ и желтыхъ тюльпановъ, а около пашенъ—барбарея. Мѣстность повсюду была необыкновенно красива. По рѣкѣ Току лежитъ множество небольшихъ озеръ, наполненныхъ черепахами и такими же кричащими лягушками, какъ на Яикѣ. Эта рѣка мѣстами очень глубока и тиниста и обилуетъ сомами. Берега ея были покрыты цвѣтущими кустарниками.

Рѣка Токъ подобно Камѣ, Кинелю, Самарѣ и Волгѣ, имѣетъ правый берегъ гористый, а лѣвый низменный, покрытый тополемъ, песчанныя же берега его покрыты мать-и-мачихой. Черезъ рѣчку Малую Бобровку, обильную весьма крупными раками, Палласъ доѣхалъ до Нижняго Урана. Отсюда идутъ низменности къ рѣкѣ Самарѣ, поросшія кустарникомъ, покрытыя озерами, болотами, гдѣ безчисленное множество соловьевъ и всякой водяной дичи, а ночью отъ лягушекъ и черепахъ такой шумъ, что отъ него, а также и отъ обилія комаровъ, нельзя было заснуть всю ночь. Въ этихъ

низменностяхъ, вдоль Самары, поросшихъ бобовникомъ, степной вишнею и различными стручковыми кустарниками, составляющими прекрасныя въ ростъ человѣка живыя изгороди, одни цвѣтущіе кустарники всю весну смѣняютъ другіе! Ибо какъ скоро станетъ снѣгъ—разцвѣтетъ бобовникъ, затѣмъ распускается дикая вишня, затѣмъ различные стручковые кустарники. Эти растенія, да различныя таволги, терновникъ и неклёнъ, одни могутъ служить въ Россіи прекрасными живыми изгородями для садовъ и полей, говорилъ Палласъ, да и вообще сибирскіе кустарники могутъ служить отличнымъ украшеніемъ садовъ Россіи.

Страна между Большимъ Ураномъ и Уранчикомъ наполнена высокими холмами. «Нигдѣ, говоритъ Палласъ, я не видалъ въ такомъ великолѣпіи и обиліи цвѣтущихъ Hedysarum grandiflorum, а также Ascragalus depressus, Verbascum, различныхъ шалфеевъ и другихъ растеній». Палласъ разбилъ палатку и остановился противъ Бузулукской крѣпости. Сюда привели ему пойманнаго дикаго жеребенка—тарпана.

Тарпаны, дикія лошади, нѣсколько лѣтъ тому назадъ появились въ здѣшней степи, потому что страны между Яикомъ и Волгой почти теперь необитаемы. Эти животныя лѣтомъ заходятъ далеко къ сѣверу, спасаясь отъ оводовъ и засухи. «Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, говоритъ Палласъ, что эти лошади въ Яицкихъ и Донскихъ степяхъ, а также и въ Барабѣ, есть ничто иное, какъ одичалыя лошади какого-нибудь кочеваго народа, быть можетъ, калмыковъ или киргизовъ. Онѣ большею частію буланыя, гнѣдыя или рыжія. Пойманный жеребенокъ отличался отъ обыкновеннаго жеребенка тѣмъ, что былъ крѣпче, голову имѣлъ больше, около губы—крупные волосы. Уши онъ загибалъ болѣе назадъ, имѣлъ гриву гуще, хвостъ черный, копыты у него менѣе и острѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ жеребятъ; шерсть курчавая, особенно къ заду. Кулоны, встрѣчающіеся у киргизовъ и калмыковъ, отличаются отъ тарпановъ и джегетаевъ; они болѣе похожи на ословъ и имѣютъ на плечахъ и крестцѣ полосы, какъ у всѣхъ ословъ. Это, вѣроятно, настоящіе дикіе ослы, онагры древнихъ. Кулоны ходятъ въ Приаральскихъ степяхъ огромными косяками.

8-го мая Палласъ вступилъ въ юговосточную Яицкую степь—голую, сухую и возвышенную, гдѣ проходятъ отлогіе холмы, такъ называемый Общій Сыртъ, поросшій дубовыми и березовыми ро-

щами. На верху этой плоской возвышенности лежатъ меловыя горы, откуда вытекаетъ много ручьевъ. За рѣкою Иртекомъ степь вдругъ измѣняется въ голую и солончаковую. Эту рѣзкую перемѣну на югъ отъ Сырта, Палласъ и прежде замѣтилъ. Крутые берега Иртека были совершенно желты отъ растущаго здѣсь гороховаго кустарника. Вдали въ степи видны были козы и дикія лошади. Изъ растеній показалась Ornithogalum Narbonense, растущая всюду отъ Яика до Дона: луковицы ея вырываютъ обыкновенно вороны. Въ поляхъ видны повсюду стада ржанокъ. 13 мая выпалъ довольно сильный снѣгъ, но Палласу теперь изъ Яицкаго Городка слѣдовало ѣхать въ степи къ Волгѣ; погода стояла мокрая и бурная. Въ степи встрѣчалось множество мертвыхъ щурковъ. Степь чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ становилась песчанѣе, солончаковѣе, и чаще попадались морскія раковины. Изъ растеній особенно много полыни и Campharosma; но встрѣчаются и прекрасныя растенія, напр., Crambe orientale, Astragalus cicer, морской левкой, Cachrys, корень котораго употребляется противъ зубной боли и т. п.

Отъ Зундаевскаго форпоста Палласъ направился на юговостокъ въ степь. Въ этой сухой степи расли по ложбинамъ Astragalus alopes, распространяя запахъ фіалки, Astragalus salsol, вышиною до двухъ аршинъ, Rindera и др. Берега по рѣчкѣ Кучуму кишели всякаго рода ящерицами. Кучумъ наводняется водами Урала, лѣтомъ пересыхаетъ и вода въ немъ поэтому вонючая. Въ степяхъ при Кучумѣ бродитъ множество степныхъ козъ или сайгаковъ. На Уралѣ на нихъ охотятся изъ-за ихъ роговъ и мяса. Казаки лѣтомъ или сами бьютъ этихъ животныхъ или же собираютъ рога палыхъ, заѣденныхъ волками, и продаютъ въ Китай. Здѣсь эти рога стоятъ 10—16 к. ас., а на китайской границѣ 50 и 60 к. Уральскіе казаки, бьющіе ихъ въ большомъ количествѣ, разсказывали, что иногда сайги попадаются съ тремя рогами, иногда же только съ однимъ рогомъ или же съ рогами сросшимися на крестъ. Здѣшнія степи покрыты множествомъ морскихъ раковинъ, вѣроятно потому, что Каспій нѣкогда покрывалъ все это пространство. Отъ Кучума до Узеня степь безводна и попадаются только мелкіе тамариксы.

Рѣка Узень впадаетъ въ Камышсамарское озеро; она поросла значительнымъ кустарникомъ. Берега ея круты и иловаты, имѣютъ лег-

кую кривизну, покрыты тополемъ и осокоремъ, вода въ ней мутная и гнилая. Узень и Камышсамарское озеро богаты рыбой; особенно щуками и сазанами. Яицкіе казаки ее ловятъ, солятъ и вялятъ.

Отъ Большаго Узеня степь становится еще песчанѣе, и здѣсь попадается лишь полынь и камфаросма. Между Малымъ и Большимъ Узенемъ въ узкой полосѣ лежитъ соленое озеро. Вдоль Большаго Узеня видны слѣды древняго водопровода; это такъ называемые копалы (арыки) для поливанія садовъ; этихъ арыковъ здѣсь много. По всей вѣроятности здѣсь нѣкогда жили нагайцы, хотя и трудно предположить, чтобы добровольно здѣсь въ сухой степи жилъ народъ, когда недалеко находится обильный Уралъ; всего вѣроятнѣе, что сюда приходили для рыбной ловли. Малый Узень течетъ необыкновенно извилисто; онъ покрытъ рѣдко тамариксомъ, сѣрымъ и густымъ, на которомъ живетъ весьма красивый долгоносикъ. Обѣ рѣки весной наполняются снѣжной водой, стекающей съ Общаго Сырта. Комышсамарское озеро имѣетъ въ окружности двѣсти верстъ; оно не имѣетъ истока. Въ камышахъ здѣсь гнѣздятся дикія свиньи; въ сухой степи было множество кобылокъ. Въ тридцати верстахъ къ западу отъ Узеня находятся три большихъ кургана, при подошвахъ которыхъ растетъ рѣдкое Mollucela tuberosa.

Наконецъ, Палласъ вступилъ въ наносные Рынь-Пески. Нельзя описать удовольствія, говоритъ Палласъ, когда мы изъ сухой солончаковой степи попали въ зеленѣющую и цвѣтущую страну, гдѣ, между песчаными холмами, поросшими тростниками и кустарникомъ, мы имѣли хорошую защиту отъ бурь и свѣжую воду. Здѣсь Палласъ собралъ много растеній.

3. Степь Нарынъ или Рынь-Пески. — Холмы Арышъ. — Саджи. — Гора Чапчачи. — Дорога къ Волгѣ.—Племя Кундуру. — Развалины на Ахтубѣ.—Дорога въ Царицынъ.—Сарепта.—Жизнь менонитовъ.—Дно древняго моря.

Эту степь калмыки назюваютъ Нарынь, а русскіе Рынь-Пески.

Въ тотъ же вечеръ путешественники услыхали пѣніе черныхъ жаворонковъ (Al. tatarica); они летали по одиночкѣ или попарно. Пѣніе и полетъ ихъ напоминаютъ степнаго жаворонка (Al. calandra). Они водятся по всей песчаной степи, но особенно ихъ много по разсѣяннымъ солончакамъ; лѣтомъ они отсюда никуда не улетаютъ, но

подъ исходъ зимы въ бури укрываются къ Волгѣ. Здѣсь попадаются ядовитые сѣнокосцы (Phalanga orientalis) и большой жукъ Carabus buccida. У калмыковъ есть повѣріе, что отъ Meloe умираетъ скотъ.

Степь Нарынъ начинается между Большимъ Узенемъ и Элтонскимъ озеромъ; она къ югу гораздо песчанѣе и идетъ между Волгой и Ураломъ до Каспія, въ который упирается, образуя островъ, изобилующій сусликами. Рынь-Пески состоятъ изъ песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ зеленью; холмы эти лежатъ на глинѣ; степь окружена небольшими горами, въ южной части которыхъ есть прекрасные луга, а между горами обильно растетъ тростникъ и кустарники. Какъ ни странно, что песокъ покрытъ прекрасной зеленью, но дѣло въ томъ, что здѣсь всюду ключи и почва обильна водой. Калмыки по всей степи нарыли множество колодцевъ. Всюду встрѣчающіяся раковины, ясно доказываютъ, что здѣсь было море. Я полагаю, говоритъ Палласъ, что вода здѣсь скопляется изъ Общаго Сырта, хотя и невысокаго, но обильнаго ключами; на сѣверѣ лежащія горы также отдаютъ воду сюда. Въ Нарынѣ встрѣчается много рѣдкихъ травъ. Лежбины между обширными наносными холмами покрыты тростникомъ и осокой и издали кажутся лѣсомъ. Изъ кустовъ здѣсь находится рѣдчайшій и удивительный, безлистый долгоколѣнчатый тонкій кустарникъ Calligonum polygonoides: онъ находится только на песчаныхъ холмахъ къ югу, у Волги, у устьевъ Кумы и у подошвы Арарата, гдѣ его описалъ Турнефоръ *). Оно цвѣтетъ въ маѣ бѣлыми цвѣтами, плоды его имѣютъ вкусъ кисловатыхъ яблокъ; калмыки ѣдятъ его отъ жажды. Въ настоящее время кусты были покрыты зрѣлыми плодами, придающими растенію особую красоту; корень его идетъ на нѣсколько саженей. Здѣсь также растетъ цытварное сѣмя (Arthemisia Santonica), достигающее величины сажени. Ложбины между холмами мѣстами пріятно покрыти узколистной ивой, логомъ ((Eleagnus) и небольшими тополями. На равнинахъ растетъ воловій языкъ съ большими бѣлыми цвѣтами, какія попадаются по Иртышу, затѣмъ перекаты поле, прекрасныя Dianthus prolifer, Orobanchus major съ свѣтло-синими

---

*) Во 2 ч. Палласова путешествія это растеніе описано подъ именемъ Pterococcus. *Прим. автора.*

цвѣтами, синефіолетовая Scabiosa и множество полыни и другихъ цвѣтущихъ растеній.

«Когда мы ѣхали этими долинами, говоритъ Палласъ, покрытыми роскошными цвѣтами, воздухъ былъ наполненъ лимоннымъ благоуханіемъ, чего я нигдѣ не встрѣчалъ». Изъ животныхъ здѣсь много волковъ, лисъ и корсаковъ, немного сайгаковъ, затѣмъ кабановъ, сусликовъ, земляныхъ зайцевъ; близь источниковъ—горныя утки, уже съ большими утятами,—множество полевыхъ и черныхъ жаворонковъ, воробьевъ и балабановъ, вьющихъ гнѣзды въ низкихъ деревьяхъ; змѣй мало, но за то много ящерицъ, травоядныхъ лягушекъ съ зелеными пятнами (R. mutabilis); онѣ икру свою кладутъ въ близлежащіе колодцы. Изъ насѣкомыхъ здѣсь часты Tenebrio echinotus и Scarabaeus Ammon: первый живетъ на холмахъ, послѣдній по ночамъ выходитъ на пастбища лошадей. Необыкновенное обиліе домашнихъ сверчковъ. Курлукъ (Colligonum) былъ покрытъ гусеницами, изъ которыхъ затѣмъ выходятъ ночныя бабочки. 31 мая путешественники остановились ночевать въ долинѣ, благоухавшей цвѣтущимъ мхомъ, и въ глубинѣ этой долины попадался во множествѣ цвѣтущій Cynanchum acutum, а около него росъ родъ скорціонера съ пріятными на вкусъ корнями.

Затѣмъ переѣхавъ значительный песчаный хребетъ Арышъ (дышло), идущій до Каспія, поѣхали солончаками и достигли конца песчанаго хребта Арташи, гдѣ цвѣла Verbascum Boerhavii; это растеніе встрѣчается и въ южной части Волги. На всѣхъ холмахъ попадаются ивы, лохъ, турлукъ даже толщиною въ руку, кожевенное дерево Rhus cotinus; на безлѣсныхъ холмахъ—родъ дрока, высокорастущій безлистный Spartium aphylum, умирающій ежегодно до самаго корня, но снова въ одно лѣто подымающійся въ цѣлую сажень. На песчаныхъ холмахъ Арыша живетъ ящерица, превосходящая величиною и красотою всѣхъ европейскихъ: она имѣетъ при углахъ зѣва два лепестка, которые она можетъ надувать; она водится также между Кумой и Терекомъ и около крѣпости Черноярска (L. mystacea). Она сѣродымчатаго цвѣта сверху, брюхо имѣетъ бѣловатое, на груди и на концахъ подхвостья черные пятна. Далѣе дорога шла то по восхитительной долинѣ, то солончаками, покрытыми полынью, гдѣ были ящерицы и фаланги очень крупные; пріѣхали въ Минанъ, т. е. сто холмовъ. Въ глубинѣ долины росли перекати-поле, на каждомъ растеніи сидѣли богомолы рѣдкаго вида:

они скрывались подъ густыми вѣтвями, подкарауливая бабочекъ; по цвѣту ихъ трудно было отличить отъ листьевъ самаго растенія.

4 іюня наши путешественники пріѣхали ночевать къ полосѣ холмовъ Табунъ-Тологой, гдѣ увидѣли прекрасныхъ куропатокъ (саджъ), которыя потомъ встрѣчались путешественникамъ вездѣ до самой Волги. Онѣ имѣютъ острыя крылья и летаютъ какъ голуби; изъ всѣхъ куропатокъ ноги ихъ самыя короткія; они пьютъ часто, отъ воды никогда не отходятъ и, когда здѣсь пересыхаютъ лужи, живутъ у Волги, питаются растущими здѣсь во множествѣ сѣменами Astragali cicer et alopecuroides, а весной сѣменами солянковыхъ растеній. Летаютъ по одиночкѣ и попарно, а весной небольшими стадами, подымаясь съ земли издаютъ крикъ на подобіе скрежета и летаютъ безъ всякаго шума; мясо ихъ вкусно, но жестко. Я думаю, что онѣ, говоритъ Палласъ, поздно прилетаютъ изъ южныхъ странъ, ибо только теперь насиживаютъ яйца, бѣлыя, величиной почти съ куриныя *).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кочующіе калмыки открыли здѣсь каменную соль и назвали это мѣсто Чапчачи. Здѣсь недалеко по болотамъ множество черныхъ куликовъ и другихъ водяныхъ птицъ. Гора эта каменистая, мѣстами голая и сухая, около нея много кургановъ. Вся страна имѣетъ сходство съ Индерскими горами; здѣсь встрѣчается Molucella tuberosa, ревень и др. Всѣ здѣшнія растенія легко отламываются отъ корня, и такимъ образомъ сѣмена ихъ разносятся по степи; кромѣ того сѣмена многихъ здѣшнихъ растеній снабжены еще крылатками. Здѣсь же растетъ дикій макъ. Не было недостатка и во вредныхъ насѣкомыхъ. На голыхъ холмахъ гнѣздились орлы. Соль здѣшняя прекрасная, прозрачная и хотя отсюда Волга только въ 80 верстахъ, но дорога идетъ непроходимыми песками. Зимой же отсюда соль легко возить на волахъ, которые по дорогѣ найдутъ себѣ кормъ въ тростникахъ.

Отъ Бурлухудука путешественники ѣхали красными песками самой тяжелой дорогой. Холмы Соонъ-Худукъ лишены растительности, исключая цытварнаго сѣмя и молочая. Такимъ образомъ путешественники доѣхали до Ахтубы, затѣмъ переѣхавъ песчанныя горы Барханы, отъ которыхъ до Волги идутъ пески, покрытые раз-

---

*) Эти птицы изучены хорошо только въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда они появились въ Европѣ. *Прим. автора.*

личными астрагалами, ревенемъ, отцвѣтшими уже центавріями, чеснокомъ (Allium), который во второй части путешествія по ошибкѣ описанъ былъ какъ Crinum caspium, затѣмъ Onosma и другими растеніями.

Наконецъ, Палласъ увидѣлъ и самую Волгу, широко разлившуюся. Очутившись теперь изъ безводной пустыни на берегахъ многоводной рѣки, Палласъ прибавляетъ: «ничто такъ не научаетъ познавать цѣну свѣжей воды, какъ долгое томленіе въ пустынѣ, гдѣ пьешь только одну затхлую воду».

Во время этого путешествія Палласъ познакомился съ татарами манкатами, живущими подобно цыганамъ; они кубанскаго происхожденія и были прежде подвластны калмыкамъ. Они сами себя называютъ кундуру; ихъ только одна тысяча душъ. Это, вѣроятно, древніе гамоксовиты. Юрты ихъ устроены иначе, чѣмъ у другихъ азіатскихъ народовъ: онѣ не разбираются, а ихъ перевозятъ поставивъ прямо на арбу, такъ что онѣ на подобіе зонта покрываютъ телегу. Съ виду манкаты дики, загорѣлые и похожи на индѣйцевъ. Молодыя женщины ихъ красивы и носятъ черезъ ноздрю кольцо. У нихъ много скота. Кажется, крымскіе кочевые татары во всемъ съ ними сходны.

По берегамъ Ахтубы цвѣла зловонная Harmala, на щебнѣ вездѣ росъ солодковый корень и Bromus tectorum. На Ахтубѣ находятся развалины Селитренаго Городка (Чигита). Остатокъ прежнихъ зданій указываютъ на великолѣпіе и красоту, какой Палласъ прежде не встрѣчалъ нигдѣ въ татарскихъ развалинахъ; стѣны были украшены разноцвѣтными фигурами и прекрасными изразцами. Отсюда остатки всего этого цѣлыми судами перевозилися корыстными людьми въ Астрахань. Около города находятся священные магометанскіе кургана. Нигдѣ нѣтъ столько змѣй, какъ здѣсь на Ахтубѣ между развалинами старыхъ татарскихъ городовъ.

Отсюда Палласъ отправился на почтовыхъ въ Астрахань, гдѣ засталъ Гмелина, собиравшагося въ Персію; извѣстно, что Гмелинъ погибъ во время этого путешествія. Палласъ направился къ крѣпости Черноярской для изученія растительности. Отсюда онъ посылалъ къ соленому озеру Богдо-Добассунъ; около озера цвѣла въ это время между прочимъ морская Asclepias, которая также растетъ и около Эльтона; другія растенія едва еще выходили изъ земли. Нигдѣ нѣтъ такого обилія Statice frigona и Polycnemum monandrum,

какъ около Черноярска. Отсюда Палласъ поѣхалъ на Царицынъ. По дорогѣ расло много восточной капусты, казаки ѣдятъ молодые побѣги ея и называютъ бѣлымъ катраномъ, а Statice называютъ краснымъ катраномъ и употребляютъ на дубленіе кожъ. Поймы по Волгѣ живописно поросли ивой, лознякомъ и особенно терновникомъ. Проѣхавъ Соленые Буераки, началась соленая степь до Сарпы съ тамариксомъ и солянковыми растеніями. Къ югу отъ Соленыхъ Буераковъ до Царицына почва мыловатая глина. Около Царицына эта глина годится на гончарное дѣло: изъ нея военноплѣнные турки въ Царицынѣ дѣлаютъ мелкую посуду и трубки.

На рѣкѣ Сарпѣ восемь лѣтъ уже моравскіе братья основали селеніе, давъ ему библейское названіе, Сарепта. Такъ какъ поднялась ужасная гроза и потомъ ливень, то Палласъ остановился въ Сарептѣ.

Сарепта основана въ 1765 году пятью моравскими братьями; затѣмъ сюда начали стекаться братья изъ Голландіи и Германіи, а теперь ихъ 250 душъ обоего пола. Они еще обстраиваются, но уже есть хорошія деревья, дома и мазанки; поставлена прекрасная каменная церковь съ часами; около нея два дома— одинъ для холостыхъ братьевъ, другой для незамужнихъ сестеръ, которыя по правиламъ братства очень поздно выходятъ замужъ. Кромѣ того устроены фабрики чулочная, слесарная, перчаточная, серебряная и другія. Есть фабрика полушолковыхъ платковъ, бумажныхъ и льняныхъ матерій и по примѣру всѣхъ гернгутерскихъ братствъ издѣлія продаются по высокой и постоянной цѣнѣ. Кромѣ того есть аптека, свѣчная, мыловаренная и табачная фабрики и пильная мельница. Уже колонистами разведены свои табачныя плантаціи. Колонія укрѣплена валомъ и шестью батареями. За версту отъ селенія стоятъ скотные дворы и находится ключъ, изъ котораго вода трубами проведена въ дома. Но мѣстность здѣсь сухая, неудобная для хлѣбопашества. Однако ленъ, какъ и въ Донскихъ степяхъ, растетъ здѣсь дико. Изъ хлѣбовъ, говоритъ Палласъ, слѣдовало бы здѣсь сѣять жито. Луга по Волгѣ и Сарпѣ хороши; по разсѣлинамъ растетъ немного дубу; по берегамъ много птицъ, а весной и осенью много дикихъ гусей и утокъ.

Братство управляется выборными изъ себя членами, получающими жалованіе. Для наблюденія за холостыми братьями и сестрами учреж-

дены особые надзиратели; затѣмъ избираются помощники главныхъ начальниковъ и учители. Каждый мѣсяцъ у нихъ собирается общій совѣтъ, гдѣ всякій членъ можетъ говорить. Общему совѣту ежегодно во всемъ дается отчетъ. Ихъ духовныя собранія бываютъ или публичные или только для причащающихся. Ежедневно въ семь часовъ они собираются для чтенія (часы чтенія) Священнаго Писанія. По вторникамъ, четвергамъ и субботамъ собираются на моленіе одни готовящіеся причащаться, при чемъ поютъ духовныя пѣсни. Лѣтомъ вмѣсто вечера духовныя собранія бываютъ въ восемь часовъ утра. Кромѣ того и лѣтомъ и зимой въ девять часовъ собираются на часы пѣнія. Въ воскресеніе собираются на проповѣдь. Каждый мѣсяцъ послѣ строгаго исповѣданія причащаются. Ежемѣсячно бываетъ праздникъ (трапеза любви): въ это время въ церковной залѣ пьютъ чай, бываетъ духовное пѣніе и играетъ музыка. Таковыя духовныя упражненія, конечно, способствуютъ ихъ жизни въ страхѣ Божіемъ.

Колонія находится при обширномъ устье Сарпы. Сарпа течетъ изъ обширной сухой степи между Волгой и Дономъ и на своемъ теченіи образуетъ многія озера и глубокіе заливы, поросшіе тростникомъ. На двухъ озерахъ лѣтомъ устраиваются спуски для мельницъ. Вверхъ по теченіи Сарпы идутъ высокія мѣста. Вдоль по Сарпѣ много долинъ и углубленій. По рѣкѣ Елшанкѣ идетъ крутая возвышенность, наполняющая все пространство между Дономъ и Волгой.

Губы, мысы, солончаки, глинистые поймы, безчисленное множество раковинъ — все это даетъ право предположить, что нѣкогда здѣсь было дно моря, соединявшагося далѣе съ нынѣшнимъ Чернымъ моремъ. Турнефоръ полагаетъ, что нѣкогда Черное море отдѣлилось въ свою очередь отъ Средиземнаго. Разсѣянные по Яицкой, Волжской и Калмыцкой степямъ остатки черепокожихъ, сходныхъ съ нынѣ живущими въ Каспіи,—затѣмъ повсюду глина, илъ, соленая почва, необъятное множество соленыхъ озеръ — все это доказательство того, что прежде здѣсь были воды Каспія. Соленыя растенія, которыя содержатъ въ себѣ соли болѣе, чѣмъ землистыхъ частей, не могли образовать здѣсь чернозема и произвести лѣса. Слѣдовательно возвышенность между Дономъ и Волгой по теченію Сарпы, а далѣе Общій Сыртъ суть ничто иное, какъ древніе берега Каспія. Мѣстами на берегахъ этихъ успѣлъ уже образоваться толстый слой дерна и чернозема.

Отчего же отхлынулъ Каспій? Вся эта страна, которая идетъ отъ устьевъ Дона до Арала стоитъ теперь на сажень выше теперешняго его уровня. Турнефоръ полагаетъ, продолжаетъ Палласъ, что горы фракійскаго Босфора нѣкогда соединялись и образовали плотину, отдѣлявшую Черное море отъ Средиземнаго. Черное море вслѣдствіе прилива водъ изъ такихъ быстрыхъ и большихъ рѣкъ, какъ Дунай, Днѣпръ, Днѣстръ и Кубань, обратилось какъ бы въ обширное озеро и стало выше уровня Средиземнаго моря. Быть можетъ вслѣдствіи землетрясенія или просто отъ напора водъ Черное море съ великимъ стремленіемъ излило свои воды въ Средиземное. При этомъ наводненіи, вѣроятно, часть Греціи и Архипелага были опустошены. Этимъ, кажется, ясно можно объяснить уменьшенія водъ Каспія.

Разсматривая берега Сарпы, Моныча и далѣе простраяства до Крыма и Кавказа, мы можемъ принять ихъ за берега древняго моря. Восточная приволжская степь являетъ слѣды Каспійскаго моря; она соединяется поемными мѣст ми съ крымскою степью и съ другими степями лежащими къ Черному морю: все это пространство имѣетъ общій характеръ. Если Черное море дѣйствительно стояло на нѣсколько саженей выше теперешняго уровня, то вѣроятно весь Крымъ, Кума, Волга, Яикъ, великая Татарія, даже пространства за Araломъ были покрыты моремъ; оно узкимъ каналомъ, котораго слѣды являетъ Манычь, обтекало сѣверный кряжъ Кавказа и въ нынѣшнемъ Понтѣ и Каспіи оставило намъ два огромныхъ залива. Въ это-то время тюлени, осетры и другія рыбы (игла рыба) могли уйти въ Каспій, ибо онъ теперь такъ далеко отстоитъ отъ прочихъ морей, что животныя эти не могли изъ нихъ перейти. Лишь только Черное море черезъ Пропонтъ ушло въ Средиземное, какъ берега его стали соленою степью. Каспій, соединявшійся мелкимъ проливомъ съ Понтомъ, обмелѣлъ. Тогда же, вѣроятно, пресѣклось соединеніе Каспія съ Араломъ. Прежнія мели обратились въ наносные холмы (Нарынъ), а острова образовали возвышенности (Индерская гряда), изъ многихъ глубокихъ мѣстъ образовались озера. Вода же въ Каспіи и теперь уменьшается, иначе трудно объяснить себѣ, почему такія рѣки, какъ Волга, текущія по плоской равнинѣ, имѣютъ высокіе берега *). Во время соединенія Чернаго и Каспійскаго морей Волга и Донъ имѣли различныя

*) Современные ученые (Бэръ) объясняютъ это иначе. *Прим. автора.*

устья. Есть и другія менѣе крупныя доказательства того, что по Сарпѣ были прежде берега моря.

Изъ минеральныхъ богатствъ на Сарпѣ встрѣчаются цѣлые холмы желтоватой охры, которую калмыки жгутъ для окраски войлоковъ. Мѣстами берега покрыты красиво ракитникомъ и гороховымъ деревомъ.

4. Путешествіе студента Соколова изъ Царицына въ Куманскую степь.—Поѣздка Палласа вверхъ изъ Царицына.—Селеніе Дубовка и Антиповка.—Рѣка Еруслапъ.—Нѣмецкія колоніи.—Саратовъ.—Озеро Эльтонъ-Царицынъ.

26-го іюля Палласъ направился вдоль Волги къ Царицыну, гдѣ рѣшился провести осень, занимаясь естественно-историческими наблюденіями. Такъ какъ здѣсь между Дономъ и Волгой кочевали калмыки, то Палласъ, изучая ихъ, дополнилъ свои прежнія свѣдѣнія объ нихъ.

Прежде посланный изъ Красноярска на Кубанскую степь Соколовъ возвратился въ Царицынъ еще 7-го марта и засталъ здѣсь самые лучшіе весенніе дни.

15 апрѣля Соколовъ отправился въ Куманскія степи, слѣдуя вдоль пустынныхъ береговъ Сарпы, затѣмъ по Ирґеню, холмы котораго покрыты были курганами и болванами, по Состу-Ширу, источнику протекающему по глубокой падинѣ и впадающему въ Сарпу; вдоль источника Состу-Ширу растетъ много дикой шелковицы. Вообще къ югу отъ Сарпы идетъ глинистая степь, прорѣзанная глубокими оврагами съ протекающими ручьями; хотя мѣстами попадались ясеневые лѣса, бѣлые тополи и дикія яблони. Но вся же эта степь по большей части суха и гола. Весной на песчаныхъ холмахъ цвѣли низкорослый ирисъ, Cheiranthus montanus, а на мѣстахъ съ черноземомъ были Hesperis tristis, Astragalus cicer, бѣлый тюльпанъ и другія растенія; здѣсь также было множество змѣй и ящерицъ. За грядой Яшилъ-ту начинается травянистая степь, ибо земля здѣсь уже не такъ пропитана солью. Не далеко отсюда идутъ озера Холусанъ-Норъ, тянущіяся до Сарпы, поросшія тростникомъ, а далѣе къ югу пойдутъ сухіе буераки съ красной глиной, а затѣмъ степь становится еще суше и песчанѣе. Затѣмъ Соколовъ проѣхалъ обширную долину Яшкулъ, обильно покрытую Astragalus physodes. За восемьдесятъ верстъ отсюда возвышенная дорога сильно понижается и степь постепенно склоняется къ обширной долинѣ, изъ которой течетъ въ Донъ рѣка Манычъ. Около ста верстъ далѣе, вдоль по

Манычу, лежатъ такъ называемые казаками Святыя Озеры, куда донцы ѣздятъ за солью. Самое обыкновенное и самое замѣчательное растеніе Маныча это Geranium moschatum. Съ того мѣста, гдѣ Калаусъ впадаетъ въ Манычъ, начинается гористая страна, покрытая лѣсомъ, который и тянется полосой между Манычемъ и Кумой. Съ этого хребта и стекаютъ воды Кумы, а издали по ту сторону Терека видны снѣжныя горы Кавказа.

Слѣдуя къ югу отъ истока Маныча, Соколовъ черезъ сутки прибылъ на Куму. Теченіе ея быстро, берега сырые, покрытые тростникомъ, среди котораго гуляютъ красивые фазаны; казаки ихъ за пѣніе называютъ маджарскими пѣтушками. Отсюда пойдутъ дубовыя лѣса, осинникъ, карагачъ, кизиль, терновникъ и свидина (Periploca graeca). Къ истокамъ же этой рѣки изъ горы Бишъ-Тага лѣса становятся еще обильнѣе; здѣсь являются чинары, кленъ, ясень, дикіе сливы, виноградъ и другія дерева, растущія при Терекѣ. Всюду было множество сиво-воронокъ, иволгъ, щуровъ и другихъ птицъ, дѣлавшихъ страну весьма пріятною. По обѣимъ сторонамъ рѣки видно много кургановъ; а при устьяхъ Байбалинскаго озера находятся развалины города Маджара. Все это доказываетъ, что страна эта нѣкогда была населена. Долина Кумы всюду плодородна и можетъ быть хорошо заселена. Между Кумой и Терекомъ ~~лежитъ солон~~чаковая и песчаная степь, съ такъ называемыми бурунами, т. е., песчаными холмами, поросшими полынью и Rhus cothinus, гдѣ также было много ящерицъ съ лепестками (L. aurita). Далѣе къ Моздоку степь идетъ песчаными полосами, гдѣ растетъ прекрасный Hedysarum и Papaver corniculatum. Такимъ образомъ Соколовъ проѣхалъ поперекъ степи отъ Царицына до Моздока. Отсюда вдоль Терека, покрытаго дикими и фруктовыми деревьями, Соколовъ пріѣхалъ въ Астрахань.

Страну же по Тереку описалъ подробно Гюльденштетъ.

---

4 августа Палласъ поѣхалъ вверхъ по Волгѣ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть нѣмецкія колоніи. Вездѣ на поляхъ, въ открытой степи зрѣли арбузы и дыни; но послѣднія здѣсь не бываютъ такъ хороши, какъ южнѣе къ Астрахани. Возвышенныя берега рѣкъ до Дубовки пригодны для воздѣлыванія винограда; а на Мечетнѣ уже четыре года, какъ разведенъ виноградъ. Страна между верхнею и нижнею Мечетнею имѣетъ развалины какого-то татарскаго

города. Верхняя Мечетня имѣетъ крутые берега; по ней находятся огороды съ арбузами и огурцами; по всѣмъ огуречнымъ бороздамъ растетъ портулакъ, который такъ любятъ армяне. На Мечетнѣ и на южной Волгѣ растетъ Trifolium resupinatum. На всѣхъ ручьяхъ южной Волги обыкновенно растетъ девесилъ и особый сортъ мать-и-мачихи, по холмамъ — Carduus cyanoides, по берегамъ-рѣдкая Chenopodium scoparia, высокорослый катранъ (Statice), перекати-поле, украинка (Scabiosa), Xeranthemum annumu, Eryngium campestre, которая весьма обильно растетъ между Царицыномъ и Дубовкой.

Деревня Дубовка возникла вслѣдствіе переселенія сюда донскихъ казаковъ. Въ началѣ столѣтія ихъ было болѣе тысячи, но многія ушли отсюда къ Гребенскимъ казакамъ и ихъ теперь осталось всего пятьсотъ. Дубовскіе казаки богаты; по Иловнѣ и Волгѣ у нихъ построены хутора для скота. Пашни ихъ лежатъ между Иловнею и Медвѣдицей; они торгуютъ лѣсомъ и лодками, а также ведутъ большую торговлю деревянной посудой, которую скупаютъ на судахъ, приходящихъ сюда съ верховьевъ Волги. По берегамъ Оленьева ручья много лѣсу; здѣсь находятъ рога оленя, который жилъ въ прежніе времена до самаго Кавказа.

Затѣмъ Палласъ посѣтилъ значительную деревню Антиповку, населенную также казаками. Замѣчательно, что главныя соляныя жилы озера Эльтоны имѣютъ свои истоки близъ Антиповки. Здѣсь же Палласъ видѣлъ всходы арбузовъ отъ упавшихъ зеренъ осенью, но такіе арбузы не достигаютъ зрѣлости, ибо всходятъ весьма поздно по спаденіи воды въ Волгѣ. Посѣтивъ крѣпость Камышенку, отъ которой при Петрѣ былъ начатъ англичаниномъ Перри каналъ къ Дону, Палласъ переправился на лѣвый берегъ Волги, чтобы осмотрѣть Еруcланъ; черезъ селеніе Никольское и рѣчку Куру путешественники пріѣхали въ глубокую ложбину, поросшую камышами и ведущую къ Еруслану (по калмыцки Улустану). Вдоль по Еруслану много полыни, которая привлекаетъ сюда сайгаковъ. Берега и дно Еруслана песчаны, вода его чиста, есть и рыба; но мѣстъ удобныхъ для поселеній нѣтъ. Мѣстами берега его состоятъ изъ чистаго песку. На пути вездѣ видно было много дудаковъ и жаворонковъ. Здѣсь осенью черные жаворонки летаютъ стадами и попадаются по всей дорогѣ изъ Эльтона къ Саратову.

По Волгѣ растетъ много полыни, имѣющей сходство съ Бухар-

скимъ цытварнымъ сѣмемъ. По Еруслану идетъ степь съ курганами и солончаковыми растеніями, въ низменностяхъ же есть сѣнокосы.

Отъ Еруслана Палласъ направился къ Таргуку по совершенно безплодной степи; берега его покрыты Statice tataricum, солончаковыми растеніями и ворсовальными шишками; изъ насѣкомыхъ были богомолы и до самой глубокой осени летающія здѣсь бабочки (герміонъ): ими питаются богомолы. Степь эту покрываетъ мягкій илъ, который лѣтомъ при малѣйшемъ вѣтрѣ образуетъ облака пыли.

Вверхъ по Волгѣ до Иргиза идутъ колоніи, основанныя Борегардомъ: онѣ тянутся отъ Волги до Иргиза. Здѣсь поселились нѣмцы, французы и голландцы. Страна здѣсь сухая; кромѣ того посѣвамъ приносятъ большой вредъ дикіе гуси: они во время созрѣванія хлѣбовъ спускаются на нивы огромными стадами и часто истребляютъ цѣлыя десятины.

Колонисты разводятъ табакъ, который сбываютъ калмыкамъ; были также посажены тутовыя деревья, но зайцы все поѣли въ первую зиму. Здѣсь изъ дикорастущей вайды приготовляютъ краску, кромѣ того дѣлаютъ сыры, а изъ молочной сыворотки посредствомъ заквашиванія дрожжами приготовляютъ уксусъ. Близость Саратова дѣлаетъ удобнымъ сбытъ здѣсь всякихъ продуктовъ.

Саратовъ расположенъ въ крутыхъ берегахъ Волги. Торговля его большая, ибо одни товары идутъ внизъ по Волгѣ, а другія вверхъ. Такимъ образомъ изъ Астрахани идутъ кожи, соль, рыба персидскія товары, а въ Астрахань—хлѣбъ, лѣсъ, деревянная посуда и прочее.

По правую сторону Волги колоніи расположены по рѣкамъ Карамышу, Иловлѣ и Медвѣдицѣ; всѣ онѣ лютеранскія.

18 августа Палласъ вернулся изъ Саратова въ Царицынъ. Дорога шла вдали отъ Волги, прорѣзанная глубокими оврагами, затѣмъ по прекрасному ручью Таловкѣ. Къ западу отъ Карамыша мѣстность пошла еще лучше; мѣста въ истокахъ Иловли отличаются прекраснымъ положеніемъ и плодородіемъ. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ разводятъ виноградъ, а также занимаются выдѣлкой суконъ.

Желая изучить соленыя растенія, Палласъ направился въ степь

къ озеру Эльтону, по калмыцки Алтанъ-Норъ, т. е., золотое озеро. Названіе это дано ими ради краснаго цвѣта, который озеро принимаетъ отъ лучей солнца. Озеро это по величинѣ мало уступаетъ Индерскому и имѣетъ видъ продолговато-круглый; его можно все пройти въ бродъ. Въ озеро впадаетъ степная рѣчька Солянка, а съ сѣвера его находится тростниковое болото и впадаетъ нѣсколько другихъ рѣчекъ. Озеро это можно считать на вѣки неисчерпаемымъ. Какъ толстъ слой дна озера—неизвѣстно. Въ сухіе годы соли садится болѣе. Сквозь соленую кору со дна озера бьютъ ключи. Соль здѣсь ломаютъ желѣзными ломами, нагружаютъ на лодки и по прорытымъ въ соли канавамъ вывозятъ на берегъ. Прежде за фуру въ 70 или 120 пудовъ платили на мѣстѣ отъ 25 до 60 к. ас. До Саратова отсюда 180 верстъ. Въ казну берутъ одну денежку съ фуры. Работники здоровы, живутъ въ землянкахъ и терпятъ только отъ тарантуловъ.

Соленая роса около озера здѣсь явленіе обыкновенное. Всѣ роды соленыхъ растеній находятся здѣсь въ обиліи. Берега и буераки покрыты ими. Здѣсь растутъ различныя Salsola, приморскій хеноподій, желтокорень татарскій, чепыжникъ, заманиха, соленая серпуха, Aster trifolium, лебеда, похожая на портулакъ, травянистая саликорнія, шишковатая саликорнія съ густыми вѣтвями и проч.

25 августа Палласъ направился отъ Эльтона къ Волгѣ на юго-западъ, по весьма хорошей равнинѣ, гдѣ нѣтъ уже соленой почвы.

Изъ степи были видны Золотовскія горы, гдѣ лежитъ нѣмецкая колонія Кочетное. Всѣхъ же колоній, расположенныхъ недалеко отъ Волги, здѣсь шестнадцать: колонисты есть и католики изъ Франконіи и лютеране. Селеніе Кочетное называется Нейендорфъ. Во всѣхъ этихъ колоніяхъ есть люди изо всѣхъ частей Германіи и всевозможныхъ религій. Нѣмецкія колоніи находятся подъ надзоромъ Леруа и Пиктета.

28 августа Палласъ вернулся въ Царицынъ, гдѣ провелъ осень, дѣлая небольшія экскурсіи для изученія растительности. Палласъ провелъ здѣсь зиму 1772 года, подробно изучилъ этотъ городъ, его положеніе, климатъ, произведенія и прочее.

Царицынъ лежитъ тамъ, гдѣ начинается обильная травами возвышенность между Волгой и Дономъ. Она примыкаетъ съ одной

стороны къ безводной, соленой пустыни, съ другихъ достигаетъ Каспія, Яика и Урала.

Послѣ Астрахани это самое древнее поселеніе въ нижней Волгѣ. Напротивъ города на Волгѣ находится Денежный островъ. Страна эта удобна къ разведенію винограда. Начиная отъ Дубовки много растетъ дикой груши и тутовыхъ деревъ. Отсюда уже начинаетъ показываться тамариксъ, восточный клематисъ и дикая слива при Манычѣ и Кумѣ, Scandix cerefolium и чепурникъ (Lepidium Sativum) по Сарпѣ. Изъ Китая былъ высланъ Палласу Phaseolus radiatus, который посѣянный далъ плоды. Возвышенности и острова между Волгой и Ахтубой представляютъ прекрасныя пастбища, а низкія мѣста даютъ хорошіе сѣнокосы.

Иногда осень здѣсь стоитъ такая теплая, что сливы и дикій персикъ цвѣтутъ вторично. Особенно вся эта страна представляетъ много удобствъ для разведенія шелковицы.

В. ПУТЕШЕСТВІЯ 1774 ГОДА.

1. Царицынъ. — Климатъ его. — Пролетныя птицы. — Четвероногія. — Насѣкомыя. — Окрестная растительность. — Минеральные источники. — Страна между Дономъ и Волгой.

Палласъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ изучалъ климатъ Царицына.

Въ генварѣ здѣсь стоятъ большею частію сильные постоянныя морозы; но въ воздухѣ бываетъ тихо, что умѣряетъ жестокость морозовъ. Въ февралѣ погода бываетъ измѣнчивая: то морозы при тихой погодѣ, то бури съ сѣверозападными мятелями, и мѣсяцъ этотъ оканчивается югозападными теплыми вѣтрами и таяніемъ, такъ что къ концу мѣсяца снѣгу уже не бываетъ на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ 1774 году весь февраль былъ прекрасный и теплый, такъ что къ 15 числу прилетѣли мелкія птицы, а къ концу мѣсяца появились лебеди, утки, луговики, большая часть водяныхъ птицъ, чепуры и даже куропатки. Draba muralis начала цвѣсти и показались тюльпаны. 25 февраля нижняя Волга очистилась ото льду, ибо нынѣшнюю зиму былъ не толстый ледъ.

Въ этотъ же день сдѣлался сильный холодъ въ нижней Волгѣ и продолжался до 11 марта, такъ что рѣка вверхъ отъ Царицына вновь покрылась льдомъ, и чрезъ Волгу можно было переправляться на лошадяхъ. Впрочемъ, обыкновенно въ мартѣ дуютъ юго-западные теплые вѣтры, и воды сильно текутъ въ лощинахъ. Въ этомъ мѣсяцѣ всегда взламывается ледъ на Волгѣ при сильныхъ западныхъ и сѣверозападныхъ вѣтрахъ.

Апрѣль въ здѣшней сторонѣ самый пріятный, лучшій и самый постоянный мѣсяцъ. Дождей нѣтъ; вѣтеръ умѣряетъ жару, но дуютъ сильные вѣтры съ порывами, преимущественно изъ восточныхъ степей: вѣтеръ обыкновенно начинаетъ въ полдень и дуетъ до вечера. Эти вѣтры начинаются иногда въ концѣ марта и свирѣпствуютъ непрерывно недѣль шесть; они страшно сушатъ землю и суть главная причина неурожаевъ. Поэтому, чтобы воспользоваться влажностью земли, арбузы сѣютъ въ началѣ апрѣля. Эти же вѣтры сильно подымаютъ воду въ Волгѣ и теченіе ея сильно ускоряется. При этихъ вѣтрахъ здѣсь господствуютъ весной лихорадки и кровавые поносы. Въ концѣ апрѣля вѣтеръ поворачивается къ югу или къ юго-западу; въ это время выпадаютъ теплые ночные дожди. Такое хорошее время продолжается недѣли три или четыре, а затѣмъ снова начинаютъ сильные южные и юговосточные вѣтры: это продолжается десять—двѣнадцать недѣль и производитъ страшную засуху. Въ іюлѣ дѣлается нѣсколько сноснѣе, пока вода въ Волгѣ стоитъ высоко, ибо въ это время падаютъ сильныя росы; но небо весь мѣсяцъ совершенно безоблачно.

Но самый жаркій и несносный мѣсяцъ—это іюль; въ это время дуютъ изъ сухой степи, какъ изъ горячей печи, и съ моря юго-восточные и восточные вѣтры. Обыкновенно вѣтеръ начинается въ два часа пополудни и дуетъ до полуночи. При такихъ вѣтрахъ падаютъ часто овцы, какъ мухи; онѣ харкаютъ кровью, пухнутъ, и падаль здѣсь необыкновенно какъ быстро гніетъ. Иногда, впрочемъ, такая жара происходитъ отъ пожаровъ, охватывающихъ степь на нѣсколько сотъ верстъ, какъ было въ 1774 году въ Куманской степи. Раскаленный, колеблющійся воздухъ представляетъ издали холмы и высокія травы цѣлыми горами и лѣсами. Въ концѣ іюля поспѣваютъ арбузы и виноградъ.

Въ августѣ дуютъ съ юга и юго-запада за Волгу бури, направляясь на сѣверъ и затѣмъ поворачивая къ морю, такъ что обра-

зуютъ полудугу. Иногда эти вѣтры сопровождаются градомъ и сильнѣйшимъ ливнемъ; но большею частію бури бываютъ сухія. Въ августѣ же приходятъ ужасные вихри, подымая цвѣточную пыль съ лебеды и степной полыни: свѣтъ дневной помрачается и кажется, что стоишь въ густомъ темножелтомъ дымѣ. Обыкновенно трудно повѣрить, какъ внезапно среди яснаго дня налетаетъ съ жестокимъ вѣтромъ дымный столбъ и уносится за Волгу.

Въ сентябрѣ дни ясны и умѣренны, вѣтры дуютъ перемѣнные съ юга, юго-востока и сѣвера.

Въ октябрѣ все еще стоитъ теплая погода. Въ этомъ мѣсяцѣ Волга, вступившая въ іюлѣ въ свое обычное ложе, начинаетъ прибывать, ибо въ это время въ верхней Волгѣ и на Камѣ идутъ дожди; но вода въ это время мутна и причиняетъ болѣзни.

Ноябрь—мѣсяцъ дождей; иногда же въ теченіе его бываютъ морозы и бури и въ Волгу наноситъ льду.

Волга замерзаетъ въ декабрѣ; ледъ несется дней восемь или четырнадцать, пока восточный вѣтеръ его не сопретъ и не заморозитъ. Начинаются сѣверные бури съ морозомъ и метели, которыя продолжаются недѣль шесть или восемь, но вѣтеръ весь снѣгъ сметаетъ въ пади. Настоящая же зима здѣсь обыкновенно стоитъ въ декабрѣ и генварѣ. Около же Царицына зима вообще умѣренная: на мельницахъ всю зиму живутъ утки, жаворонки и даже куропатки не покидаютъ страну, а спускаются въ низменности, гдѣ сметаетъ снѣгъ и есть зерна и защита отъ бурь.

Въ сентябрѣ и октябрѣ здѣсь множество куропатокъ; даже въ ноябрѣ ихъ ловятъ цѣлыми стадами, разставивъ сѣти. Охотникъ прячется за бѣлую парусину, натянутую между двумя шестами и, постепенно двигаясь впередъ, загоняетъ стадо куропатокъ къ рукаву сѣти. Въ ноябрскіе морозы сюда прилетаютъ съ сѣвера подорожники и живутъ въ южной Волгѣ всю зиму въ обществѣ полевыхъ и хохлатыхъ жаворонковъ; черный жаворонокъ также всегда проводитъ здѣсь зиму. Въ сентябрѣ собирается здѣсь много пролетныхъ птицъ и остаются здѣсь до морозовъ; онѣ кормятся сѣменами лебеды, гусиныхъ лапокъ и проч. Особенно бываетъ много здѣсь желтобрюшекъ, выѣдающихъ осоковыя шишки, затѣмъ овсянокъ, юрковъ, лѣсныхъ и степныхъ куликовъ, бѣлыхъ журавлей—все это останавливается здѣсь на пролетѣ къ югу. Сѣверные гуси появляются только въ концѣ сентября, направляясь гро-

мадными стадами на западъ. Но морскія птицы, не улетающія далеко на сѣверъ, но вьющія гнѣзда въ здѣшней теплой странѣ и проводящія все лѣто здѣсь, только подвигаются на югъ въ концѣ августа, это, напр. бѣлыя и красныя чепуры, кваквы, остроносые кулики, степныя курицы, малые дудаки, бакланы, красноголовые нырки; они въ это время уступаютъ свое мѣсто другимъ птицамъ, налетающимъ съ сѣвера.

Весной же еще въ половинѣ февраля появляются здѣсь стада пролетныхъ птицъ. Въ началѣ февраля летятъ на сѣверъ подорожники и пеночки, а за ними овсянки. Къ пятнадцатому числу появляются коноплянки, потомъ скворцы вмѣстѣ съ красноголовыми утками, а также и водяныя птицы. Къ 20-му февралю на Сарпѣ и на Ахтубской низменности появляются обѣ породы лебедя, особенно же кликуны съ желтымъ на носу концомъ, а также дикіе гуси, бакланы и луговики, по сухимъ же тростникамъ—воробьи, камышевки и князки.

Въ исходѣ февраля горитъ степь и почти весь мартъ выжигаются старыя травы. При этомъ погибаетъ много драгоцѣннаго здѣсь лѣса.

При наступающихъ мартовскихъ утренникахъ прилетѣвшія птицы кроются по болотамъ въ густомъ тростникѣ и по рѣчному мелколѣсью. Эти холода удерживаютъ на цѣлый мѣсяцъ прилетѣвшихъ позднихъ весеннихъ птицъ, и только 25 марта появляются болотные и большіе кулики, степныя курицы, бѣлая трясогузка, черныя и бѣлыя плѣшанки и коршуны. 3 апрѣля прилетѣли ласточки и, не смотря на холодный восточный вѣтеръ, играли насѣкомыя. Почти въ то же время пролетѣли дикіе полевые голуби, кукушки, сивоворонки, щурки и потатуйки. Между 6 и 9 опустилась близь Сарпы цѣлое стадо сѣверныхъ красногорлыхъ гусей (An. pulchricollis); но они вскорѣ улетѣли. Въ это же время прилетѣли зяблики и сѣрыя коноплянки, поздніе кулики, между которыми встрѣчались и кривоносые и еще нѣкоторыя другія рѣдкія птицы.

Изъ звѣрей, живущихъ по ту сторону Волги въ сухой степи, весьма обыкновенна сайга (антилопа); она на зиму уходитъ на югъ; затѣмъ небольшая степная лисица—корсакъ. Въ гористыхъ мѣстностяхъ между Дономъ и Волгой водится въ большомъ количествѣ красная лисица и зайцы, которые здѣсь и зимой сѣры,—затѣмъ слѣпыши, множество ласокъ, горныхъ хорьковъ, на Иловлѣ

перегузка, на дубнякѣ въ поймахъ вьетъ гнѣзда Mus coercinus, называемая здѣсь полячкой. Земляныхъ зайцевъ водится три или пять сортовъ, есть суслики, отличающіеся полосами и сѣраго цвѣта.

Что касается насѣкомыхъ, то въ этихъ жаркихъ странахъ много вредныхъ. Самое вредныя насѣкомыя—это Phalangium araneoides, заползающій въ дома, большія стоножки (Scolopendra morsitans) и мелкіе летучіе муравьи. Дома близъ поемныхъ мѣстъ кишатъ блохами, которыя совершенно покрываютъ спины лошадей; точно также здѣсь обиліе таракановъ, слѣпней и комаровъ.

Окрестности Царицына довольно богаты растительностью; но только лишь весенними растеніями, ибо уже въ маѣ всѣ травы въ горахъ засыхаютъ, а осенью въ концѣ августа послѣ осеннихъ дождей вновь тронутся только полынь, лебеда и гусиная лапа. Эти обильныя соками растенія противустоятъ засухамъ и сильной жарѣ и осенью снова зацвѣтаютъ.

Въ половинѣ марта весна украшается ранними цвѣтами: Draba muralis, Ornithogalum luteum, а мѣста защищенныя кустарникомъ—покрываются Scila bifolia: ихъ голубые цвѣты представляютъ очаровательный видъ. Въ падяхъ, наполненныхъ снѣжной водой, появляется Bulbocodium vernum, имѣющій большое сходство съ шафраномъ; при ручьяхъ распускается мать-и-мачиха, въ кустахъ-Fumaria, на мокрыхъ мѣстахъ—жабникъ. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля цвѣтутъ бѣлый и желтый тюльпанъ, который далѣе цвѣтетъ на глинистомъ черноземѣ, гдѣ совсѣмъ не растетъ бѣлый тюльпанъ. На сухихъ песчаныхъ мѣстахъ цвѣтетъ красивый Ornithogalum bulbiferum: корни его выходятъ на поверхность земли. Около 10 апрѣля изъ земли показывается настоящій садовый тюльпанъ T. Gesneriana. Онъ цвѣтетъ всего девять дней, но придаетъ холмамъ и полямъ необыкновенную красоту; темнокрасные экземпляры самые рѣдкіе, еще рѣже розовые и темнопурпуровые; бѣлыхъ же и пестрыхъ никогда не бываетъ; дѣти собираютъ луковицы и ѣдятъ ихъ. На всѣхъ буеракахъ растетъ Rindera tetraspis; листья его варятъ и ѣдятъ: они довольно вкусны.

Во второй половинѣ апрѣля вдругъ распускается такое множество цвѣтовъ, что трудно наблюсти порядокъ въ ихъ разцвѣтаніи. Палласъ даетъ списокъ семидесяти пяти растеній, расцвѣтающихъ въ апрѣлѣ, а затѣмъ списокъ растеній расцвѣтающихъ въ те-

ченія всего лѣта, а именно: для мая—тридцать три растенія, и собственно лѣтнихъ-пятьдесятъ.

Осенью всего болѣе произрастаютъ соляныя травы, полынь и Scabiosa ochroleuca.

Нагорный берегъ близъ Царицына состоитъ изъ горизонтальныхъ слоевъ песчанника съ охрой; внизу этого слоя лежитъ сѣрая глина: изъ этихъ береговъ бьютъ холодные ключи, вода которыхъ вредна для зубовъ. Вода же въ рѣчкѣ Елшанкѣ производитъ рвотное дѣйствіе.

Донъ соединить съ Волгой, говоритъ Палласъ, гораздо удобнѣе близъ Камышинки, чѣмъ около Царицына. Страна здѣсь вдоль Царицына столько является возвышенной, что Царица протекаетъ въ глубокой ложбинѣ; берега ея повсюду состоятъ изъ песчанника и глины. Въ двадцати верстахъ отъ Волги встрѣчаются глубокіе буераки; всѣ вытекающіе отсюда ручьи впадаютъ въ Царицу, сама она впадаетъ въ Карповку, а эта послѣдняя въ Донъ. Страна между Царицей и Червоннымъ Буеракомъ верстъ на шестьнадцать вся возвышена и пустынна; но на этомъ пространствѣ много глубокихъ лощинъ, въ разстояніи верстъ шести одна отъ другой. Отъ Карповки къ Дону тридцать верстъ, здѣсь всюду достаточно воды. Царица направляется къ Сарпѣ, а рѣчка Саль, начинающаяся не далнко отъ Сарпы, изливается въ Донъ.

2. Ахтуба.—Дикая шелковица.—Гора Богдо.—Озеро Богдоинъ-Дабассу.—Растительность здѣшнихъ странъ.—Возвратный путь въ Петербургъ и конецъ путешествій.

Разославши своихъ спутниковъ изслѣдовать флору Поволжья, самъ Палласъ, промедля немного въ Царицынѣ для пополненія свѣдѣній о калмыкахъ, направился къ Ахтубѣ осмотрѣть развалины древняго татарскаго города, столицы ихъ на Ахтубѣ, а также подробнѣе изучить степи за Ахтубой.

24 апрѣля Палласъ переправился за Волгу. Острова и песчаныя мели между Волгой и Ахтубой покрыты были дубнякомъ и терномъ въ полномъ цвѣту; въ глубокихъ поемныхъ мѣстахъ обильно расли астрагалы и цвѣла во множествѣ дикая спаржа, а вдоль Ахтубы верстъ на двадцать вездѣ расло тутовое дерево.

Ежегодные пожары, причиняемые по Ахтубѣ калмыками и ка-

заками, выходящими сюда на лебединую охоту, истребляютъ здѣсь много деревьевъ. Вообще же внизъ по Волгѣ, Тереку и Кумѣ можно завести громадное шелководство, которое здѣшнюю сухую и безводную страну могло бы сдѣлать богатой. Въ іюнѣ поспѣваютъ здѣсь плоды тутовыхъ деревъ; изъ ягодъ ихъ можно дѣлать очень хорошій спиртъ.

Внизъ по Ахтубѣ находится такъ называемый Нижнеахтубскій городокъ, иначе называемый *Безроднымъ*, потому что первые жители его сошлись со всѣхъ сторонъ Имперіи, скрываютъ свое происхожденіе. Они занимаются рыбной ловлей по Волгѣ и скотоводствомъ.

Изъ Безроднаго Палласъ поплылъ 25 апрѣля внизъ по Ахтубѣ; не далеко отсюда находится озеро обильное рыбой и тростникомъ. Верстъ восемь далѣе находится рукавъ Ахтубы—*Заплавный*, а отъ него на востокъ отдѣляется другой—*Подстепной Ерикъ*. Возлѣ этого Ерика живетъ необъятное множество черепахъ. По нѣкоторымъ соленымъ мѣстамъ растетъ сѣрый астрагалъ (As. cicer), который уже имѣлъ большіе стручки; когда они незрѣлы и сочны ихъ охотно поѣдаютъ овцы, ребятишки его называютъ *хлопунчикомъ*, потому что онъ трещитъ, когда по немъ ѣдутъ. Затѣмъ проѣхали рѣчки Терновку съ прѣсной водой и Царевку съ соленой, мимо развалинъ города, гдѣ все разбросано въ безпорядкѣ и разрыто; осенью здѣсь много бываетъ соленыхъ растеній и змѣй. Верстахъ въ шести отсюда находится ручей *Солянка*, изъ котораго можно бы было добывать соль. Здѣсь также много щебня, изразцовъ, что указываетъ на огромныя зданія; среди камней много змѣй. Степной жаворонокъ очень обыкновененъ (Al. calandra) вдоль Ахтубы по возвышеннымъ мѣстамъ, какъ и по Сарпѣ. Здѣсь есть много удобныхъ низинъ для сѣнокосовъ и для хлѣбовъ. Вдоль по Ахтубѣ до Чернаго Яра вездѣ можетъ расти шелковица. Рѣка Балухта течетъ отъ Эльтонскаго озера глубокими буераками и впадаетъ въ Ахтубу. Близъ Куркина-Затона находится соленая пристань; здѣсь на крутомъ берегу растетъ много рѣдкихъ растеній напр. Secale prostratum, Poa bulbosa, Anchusa orientalis и др.

Палласъ во время своего путешествія описалъ всѣ соленые источники и озера. Теперь ему оставалось осмотрѣть Бускунчакское озеро недалеко отъ горы Богдо, считающееся у калмыковъ священнымъ. Калмыки разсказывали много чудесъ о горѣ Богдо.

Палласъ поѣхалъ къ этой горѣ чрезъ глинистую, покрытую травой степь, съ возвышенностями окружающими озеро. Верстъ черезъ пятнадцать степь становится возвышеннѣе, и вся страна напоминаетъ прекрасныя долины Нарына. Здѣсь растетъ обильно восточная капуста (C. orientalis), Anthirrinum съ фіалковымъ запахомъ, очень высокій Astragalus trogacantoides, по солончакамъ обильно встрѣчаются Cachrys съ гладкими сѣменами и рѣдкій Laserpitium. Въ этой степи много вырыто колодцевъ (копани); при этихъ колодцахъ живутъ степные тетерева саджи (T. arenaria); они каждое утро пролетаютъ попарно пить воду. Въ жаркіе дни они пьютъ часто и жадно подобно голубю, опуская носъ въ воду по самое горло, и однимъ духомъ напиваются. Въ травѣ было много жуковъ—Scarabaeus Ammon.

При подошвѣ Богдо лежитъ широкое травянистое углубленіе и глубокая проточина, поросшая камышемъ. Въ половинѣ мая Палласъ былъ вторично у этой горы и нашелъ здѣсь три новыхъ растенія. Это было удивительная Miagrum rigidum, которая тогда уже отцвѣтала и имѣла сѣмена, и маленькая замѣчательная трава съ булавчатыми сѣменами (Koelpinia linearis). Палласъ далъ этому растенію названіе Koelpinia въ честь друга своего Кольпини въ Штетинѣ; третье растеніе было Erysimum cornutum, уже отцвѣтшее. Вмѣстѣ съ этими растеніями были еще два не менѣе замѣчательны: это Pastinaca orientalis съ шишковатымъ корнемъ и Plantago minuta.

Богдо-Оола (высочайшая, священная гора у калмыковъ) лежитъ въ плоской степи. Если къ ней подъѣзжать съ запада, то она издали кажется плоскимъ хребтомъ. По виду съ восточной стороны калмыки сравниваютъ ее съ лежащимъ львомъ (Арсланъ-Ула). Съ востока гора круто подымается, на сѣверѣ она осыпалась глыбами, изрыта, крута и имѣетъ разсѣлину, пролегающую къ каменистому хребту. Вершина горы отстоитъ отъ подошвы на пятьдесятъ пять сажень и состоитъ изъ рыхлаго известковаго сланца. Известнякъ ломается большими плитами съ окаменѣлостями и амонитами. Подъ этимъ слоемъ идетъ опока и глина, толщиной въ 22 сажени. Въ этомъ слоѣ есть соль и гипсъ, а тоже въ срединѣ горы много дыръ, разсѣлинъ и промоинъ. Прежде въ горѣ была огромная дыра, куда калмыки бросали деньги, кольчуги и прочее. Теперь она осыпалась. Подъ опокою идетъ хрящевой слой:

въ этомъ слоѣ много овраговъ и разсѣлинъ, пріятно поросшихъ кустарниками. На востокѣ углубленія имѣютъ видъ пещеръ, которыя, вѣроятно, ничто иное какъ промоины, образовавшіяся нѣкогда отъ прибоя морскихъ волнъ. Когда въ эти пещерѣ дуетъ вѣтеръ, то стоящему на верху горы слышенъ шумъ и крикъ. Калмыки приписываютъ этотъ шумъ голосу духа горы или бѣлому старику, у котораго бываетъ шумное собраніе святыхъ, молящихся и поющихъ. На югѣ горы растетъ черенковый ревень. А здѣсь идетъ невысокій хребетъ и переходитъ въ пространное алебастровое поле, наполненное падями, въ которыхъ разбросаны гипсовые и ноздреватые камни; нѣкоторыя пади поросли кустарникомъ. Алебастровые холмы идутъ также и на востокъ.

На верху хребта калмыки поставили каменные столбы, видные издали. Около горы находится пресное озеро. Въ полуверстѣ отъ горы лежитъ неисчерпаемое соленое озеро, которое кажется образовалось изъ вымываемой изъ горы каменной соли. Это озеро Богдоинъ-Дабассу; оно имѣетъ въ длину пятнтдцать верстъ, въ ширину четыре, а въ окружности сорокъ. Отъ Ахтубы оно лежитъ въ тридцати верстахъ. Вокругъ озера степь составляетъ крутой утесистый берегъ; озеро мелко. Если смотрѣть на озеро при солнцѣ вблизи, то оно имѣетъ прекрасный зеленоватый цвѣтъ, издали же кажется серебрянымъ. На днѣ его ежегодно соль осѣдаетъ вершка на три. Эта соль лучше Эльтонской. Черноярскіе жители обыкновенно изъ него брали соль. Дорога къ нему имѣетъ болѣе пастбищъ, чѣмъ къ Эльтону. Можетъ быть въ окрестностяхъ Богда есть и каменная соль.

Около Богдо растетъ много ревеня. Калмыки очень цѣнятъ его, такъ какъ онъ растетъ въ священной для нихъ странѣ. Замѣчательное растеніе этой страны—Tragopagon crocifolium, съ пурпуровыми цвѣтами, растущій обильно на глинистой почвѣ; рядомъ съ нимъ растетъ много различныхъ видовъ астрагаловъ, затѣмъ Camphorosma, Atraphatis, различныя солянки, а на сѣверномъ берегу озера Богдо ерусалимская верба (Eleagnus).

Къ сѣверо-востоку въ восьми верстахъ отъ озера въ степи лежитъ большое прѣсноводное озоро; въ двадцати пяти верстахъ отъ озера лежитъ каменистый холмъ Малый Богдо (Моо-Богдо). Здѣсь среди кучъ камней бѣгали скорпіоны, подобные персидскимъ. Здѣсь

также находятся гипсовые камни, а вѣроятно, есть и каменная соль.

Если отсюда ѣхать на востокъ, то далѣе вдоль западнаго края Нарына тянутся верстъ на девяносто топкія болота въ ширину на тридцать верстъ.

21 мая Палласъ вторично поѣхалъ на Богдо, такъ какъ калмыки утверждали, что тамъ есть каменная соль. Во время этого вторичнаго путешествія онъ видѣлъ замѣчательную иву—бѣлолозъ. Она растетъ всюду отъ устьевъ Сарпы до Астрахани. Другой видъ ивы здѣсь извѣстенъ подъ именемъ *чернотала*. Черноталъ распускается здѣсь въ концѣ мая, т. е. спустя полтора мѣсяца послѣ обыкновенной ивы. Но тополь еще позже распускается именно, когда вода въ Волгѣ начинаетъ сбывать; онъ растетъ здѣсь кустарникомъ въ двѣ сажени вышиною, безъ пня, корни пускаетъ по песку, имѣетъ множество побѣговъ, почему очень хорошъ для укрѣпленія береговъ.

Каменной соли близъ Богдо, Палласъ здѣсь не нашелъ, несмотря на то, что калмыки сильно убѣждены въ существованіе ея.

25 мая онъ вернулся въ Царицынъ, а 4 іюня пустился въ обратный путь. Въ тридцати верстахъ за Царицынъ Палласъ остановится въ Грачевкѣ, гдѣ были прекрасныя раки, какъ вообще во всѣхъ притокахъ Дона. Переѣхавъ Иловлю, за Дономъ встрѣтились ему новое растеніе Anchusa undulata и также много другихъ.

По другую сторону Дона уже начинаются меловыя горы, сопровождаемы высокими холмами (Кременская подстава).

За Кременской идутъ песчаные холмы, трудные для ѣзды; вершины ихъ подобно шпалерѣ обросли *артышемъ* (можжевельникъ), простирающимъ свои вѣтви часто на нѣсколько саженей. Эти горы спускаются къ Улановой станицѣ, откуда начинаются пріятныя березовыя рощи; на возвышенностяхъ здѣсь растутъ астрагалы (Ad. mycrophyllus) съ зеленоватыми цвѣтами до самаго Хопра.

Отъ Клецкой станицы идетъ черноземная плодородная полоса до самой Медвѣдицы. На этой пестрой отъ цвѣтовъ равнинѣ встрѣчается австрійскій ракотникъ (Cytisus austriacus), растущій кустомъ весьма обильно въ этой странѣ Отъ Ольховской станицы начинается настоящая низменность Медвѣдицы, устья который находятся въ тридцати верстахъ отсюда; вся эта низменность представляется прекраснымъ лугомъ. Затѣмъ достигли Бузулука; правый берегъ

этой рѣки состоитъ изъ меловыхъ и известковыхъ горъ, составляющихъ здѣсь продолженіе известковыхъ горъ между Волгой и истоками Суры. На этихъ горахъ до Урюпина много шалфея, а также дикой рѣдьки, такъ обыкновенной на Окѣ. Въ этой песчаной гористой странѣ много сурковъ или, какъ ихъ называютъ на Дону, байбаковъ; по Хопру же много земляныхъ черепахъ.

Изъ Урюпинской станицы Палласъ направился на Тамбовъ, дѣлая дорогой наблюденія. 13 іюля онъ прибылъ въ Москву и 30 іюля возвратился въ Петербургъ, «имѣя, говоритъ Палласъ, на тридцать третьемъ году сѣдые волосы, но болѣе здоровымъ, нежели былъ въ Сибири и исполненный благодарности Провидѣнію, избавившему меня отъ безчисленныхъ опасностей...

Jamque hoc immensum spatiis confecimus aequor,
Et jam tempus equum fumantia solvere colla.

Virgil. Georg.

C) Путешествія Палласа въ 1793—94 годахъ по Южной Россіи и Крыму.

1. Предисловіе Палласа къ «Путешествію по южной Россіи». —Путь отъ Петербурга до Царицына. — Москва. — Приключеніе въ дорогѣ.—Пензенская губернія.—Путешествіе по Южной Волгѣ. — Весна въ степи.—Астрахань. — Путешествіе на Кавказъ и т. д.

Еще въ первое свое большое путешествіе Палласъ посѣтилъ нѣкоторыя области Южной Россіи, которыя теперь пришлось ему вновь осмотрѣть. Путешествіе это посвящено Императору Павлу I. По изяществу рисунковъ и всего изданія—это самое роскошное изъ всѣхъ сочиненій Палласа. Путешествіе это было предпринято имъ на свой собственный счетъ; его сопровождали художникъ, жена и дочь; путешествіе продолжалось три года.

Въ предисловіи къ этому сочиненію Палласъ говоритъ, „что всѣ наблюденія произведенныя имъ теперь тѣсно связаны съ наблюденіями перваго его путешествія. Но и теперь ему удалось собрать множество новыхъ фактовъ, которые могутъ служить къ познанію неизвѣстныхъ до сего времени областей Россіи. Поэтому, продол-

жаетъ онъ, я вхожу здѣсь въ подробности только тогда, когда дѣло идетъ о новыхъ фактахъ. Второй томъ этого путешествія занятъ подробнымъ описаніемъ Крыма; оно сопровождается рисунками изображающими различныя сцены и живописныя мѣстности этого удивительнаго полуострова. Я уже прежде написалъ общее обозрѣніе Крыма, теперь же издаю подробное его описаніе. Рисунки сдѣланы на мѣстѣ талантливымъ художникомъ Гейсслеромъ. Они вѣрны мѣстной природѣ и тщательно исполнены."

„Хотя это послѣднее путешествіе, продолжаетъ Палласъ, дало мнѣ не малую зоологическую и ботаническую жатву, однако я не далъ въ немъ полнаго описанія наблюденныхъ мною растеній и насѣкомыхъ, ибо я сохраняю этотъ матеріалъ для подробнаго описанія и изображенія въ томъ естественно-историческомъ сочиненіи, надъ которымъ я тружусь столько, сколько позволяетъ мнѣ плохое состояніе моего здоровья (Палласъ здѣсь говоритъ о своей знаменитой Zoographia Rosso-Asiatica). Это, вѣроятно, будетъ уже мой послѣдній трудъ, который я надѣюсь представить на судъ ученому міру, ибо какъ говоритъ поэтъ:

Близко время моего увяданія!
Близко буря, которая сорветъ съ меня листву!
И на-утро пришедшій въ поле странникъ
Тщетно станетъ искать меня глазами.
Тщетно! Меня уже болѣе не найдетъ онъ!"

И во время этого путешествія Палласъ наблюдаетъ и записываетъ все: метеорологическія явленія, нравы жителей, торговлю, земледѣліе и проч. и проч. Первая часть путешествія заключаетъ въ себѣ описаніе Приволжскихъ степей и Прикаспійскія страны до Кавказскихъ горъ; вторая часть посвящена Крыму.

Выѣхавъ изъ Петербурга рано весной въ 1793 году, чтобы воспользоваться весной на Волгѣ, Палласъ проѣхалъ Тверь, Торжокъ и другіе города, весьма улучшившіеся со времени перваго его путешествія. Зима въ этомъ году была теплая. 22 февраля въ ночь было видно сѣверное сіяніе.

Въ Москвѣ также онъ нашелъ большую перемѣну за послѣднія двадцать лѣтъ: здѣсь все сильно вздорожало; особенно усилилась роскошь. Палласъ говоритъ, что здѣсь только и дешево, что фрук-

ты и овощи, благодаря развитію садоводства. Москва уже и тогда снабжала Петербургъ различными ранними овощами, преимущественно же спаржей. Лѣтомъ въ Москвѣ, говоритъ Палласъ, очень дешевы бываютъ сливы, персики, абрикосы, вишни и яблоки; даже появились ананасы, которые здѣсь были очень рѣдки до 1770 г. Всѣ эти фрукты превосходны и не уступаютъ англійскимъ. Садоводство здѣсь очень много обязано Демидову, привезшему сюда впервые изъ-заграницы различныя плодовыя деревья. Ему Россія также обязана и введеніемъ многихъ полезныхъ полевыхъ растеній. Его ботаническій садъ въ Москвѣ, который я описалъ въ 1782 году, упалъ послѣ его смерти; рѣдкія растенія, привезенныя имъ изъ Англіи съ большими издержками и завѣщенныя имъ Московскому Университету, теперь уничтожены.

Все въ Москвѣ кажется громаднымъ, продолжаетъ Палласъ, какъ она сама. Громадные дома наполненны сотнями слугъ. Воспитательный домъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ филантропическихъ учрежденій. Многіе барскіе дома устроены съ царскою роскошью; особенно обращаетъ на себя вниманіе домъ дворянскаго собранія, гдѣ собираются тысячи публики, а дамы отличаются роскошью одежды.

По дорогѣ изъ Москвы съ Палласомъ было непріятное приключеніе: благодаря оттепели, Палласъ на Клязмѣ долженъ былъ выйти изъ саней, чтобы указывать дорогу лошадямъ; ледъ былъ тонокъ и Палласъ провалился въ полынью и мокрый долженъ былъ, завернувшись въ шубу, проѣхать станцію слишкомъ въ тридцать верстъ. Это непріятное приключеніе имѣло гибельное вліяніе на его здоровье.

Проѣзжая изъ Арзамаза въ Пензу, Палласъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на безжалостное уничтоженіе повсюду прекрасныхъ дубовыхъ лѣсовъ, изъ которыхъ доски не выпиливались, а вырубались просто топорами. Говоря о важномъ значеніи лѣсовъ для Россіи, Палласъ прибавляетъ: „Я написалъ по порученію правительства постановленіе о лѣсоразведеніи, состоящее изъ 66 пунктовъ; оно было разослано по Россіи.“

Пензенская губернія обратила на себя особенное вниманіе Палласа. Онъ описываетъ ея жителей, животныхъ, лѣса, погоду, рѣки, земледѣліе. Онъ замѣчаетъ, что домашнія птицы здѣсь крупнѣе, гуси похожи на китайскихъ. Здѣсь же онъ нашелъ особый видъ

домашней кошки: свѣтлокоричневая, съ черной мордой, съ такими же ушами, ногами и хвостомъ. Замѣчанія его о сельскомъ хозяйствѣ также многочисленны. Однимъ словомъ все путешествіе его испещрено массою собранныхъ разнообразныхъ фактовъ, такъ что передавать все ихъ содержаніе весьма трудно.

Отсюда Палласъ отправился въ Саратовъ, куда прибылъ къ самому началу весны. Здѣсь, говоритъ онъ, всѣ явленія, сопровождающія весну, рѣзко очерчены. „Первыя прилетныя птицы здѣсь— утки, скворцы и дикіе гуси, прилетѣли еще въ февралѣ и теперь непоказывались болѣе. Вслѣдъ за ними показались птицы, летающія по-парно; красныя горныя утки плавали въ полыньяхъ между льдинъ, хищныя птицы пролетали по одиночкѣ. Снѣжныя подорожники и снѣжные жаворонки оставались здѣсь до 2 апрѣля, а потомъ потянули на сѣверъ. Съ нарожденіемъ новаго мѣсяца установилось, наконецъ, пора тихихъ облачныхъ дней безъ морозовъ; вѣтеръ повернулъ къ востоку; оттепель продолжалась первые дни апрѣля; снѣгъ на высотахъ, обращенныхъ на востокъ и югъ началъ быстро таять, отчего надулись быстрые потоки и обратились въ Волгу: ледъ на Волгѣ растрескался во многихъ мѣстахъ и ее нельзя было уже переходить. Всѣ породы пролетныхъ птицъ, особенно хищные, а также лебеди, различныхъ породъ гуси, скворцы пролетали тамъ и сямъ.“

4 апрѣля увидѣли первыхъ ласточекъ и много другихъ птицъ, направлявшихся на сѣверъ. 6 апрѣля снѣгъ на горахъ почти совсѣмъ растаялъ, возвышенности начали быстро сохнуть и на нихъ всюду показались тюльпаны, Bulbocodium vernum, и пробудились первые жесткокрылыя и Citillus. 7 апрѣля началъ показываться Charadrius gregarius и тронулся ледъ на Волгѣ, чему сильно помогъ теплый дождь.

Теперь растительность такъ быстро пошла въ ходъ, что 8 апрѣля въ долинахъ и на пригоркахъ совершенно разцвѣли Fumaria bulbosa, Viola odorata, Ranunculus ficaria, Ornitogalum luteum, Scilla amara, fillara и Bulbocodium vernum. 9 апрѣля убили за рѣкой бѣлаго журавля (Grus leucogeranus), по здѣшнему, *стерхъ*; у него перья вначалѣ спины и на концахъ крыльевъ были золотистожелтыя: должно быть это была очень старая птица.

Наконецъ, Палласъ отправился далѣе внутрь страны, продолжая свои наблюденія.

Между Царицыномъ и Сарептой онъ встрѣтилъ на поляхъ бѣлую горчицу, которую тогда, только что стали сѣять въ Россіи въ имѣніи Бекетова. Зерна ея растирали на ручныхъ мельницахъ, а масло выжимали по англійскому способу. Это прекрасное масло, говоритъ Палласъ, не уступаетъ англійскому; зерно горчицы даетъ урожай самъ шестьдесятъ. Затѣмъ онъ вновь посѣтилъ знаменитую Сарепту, о которой говоритъ подробно.

Пріѣхавъ въ Астрахань, онъ отправился во внутреннюю степь, въ такъ называемую пустыню Салтанъ-Муратъ. Она представляетъ печальный видъ; разбросанные по ней оазисы покрыты ковылемъ и прочею степною растительностію. Изъ птицъ ему здѣсь встрѣчались: Ardea virgo, Otis tarda et tetrax, Alauda nigra, calandra, arvensis et cristata, нѣсколько породъ сусликовъ, Mus jaculus; но всего этого было въ небольшомъ количествѣ. Зато было множество удивительно быстрыхъ ящерицъ (Locerta velox) и желтопузиковъ (Coluber jaculator), достигающихъ иногда величины сажени. Это пресмыкающееся не имѣетъ ядовитыхъ железъ, но храбро защищаются, когда его преслѣдуютъ: онъ подымается и бросается на лошадь и всадника. Затѣмъ Палласъ еще разъ отправился на Богдо.

Въ Астрахани онъ занимался наблюденіемъ надъ разведеніемъ винограда и шолка, описалъ образъ жизни и обычаи Астраханскихъ армянъ и т. д.

Изъ Астрахани Палласъ отправился на Кавказскую линію, гдѣ произвелъ множество любопытныхъ наблюденій надъ строеніемъ горъ, надъ обычаями Кавказскихъ племенъ, особенно черкесовъ, надъ мѣстными растеніями и животными.

По рѣкѣ Кумѣ онъ встрѣтилъ по рощамъ и тростникамъ большія стада кавказскаго фазана. Эта прекрасная куриная порода птицъ, замѣчаетъ Палласъ, кажется имѣетъ предпочтеніе ко всему Кавказу, потому что она здѣсь встрѣчается всюду по берегамъ Терека и Кубани, по всѣмъ берегамъ Каспія, покрытымъ тростникомъ. Фазаны здѣсь такъ многочисленны, что среди этихъ тростниковъ пробиваютъ дорожки, бѣгая взадъ и впередъ. Жители разставляютъ силки по этимъ дорожкамъ и неосторожныя птицы попадаютъ въ нихъ.

Затѣмъ Палласъ отправился въ Черкаскъ и Таганрогъ, а оттуда въ Крымъ, гдѣ остановился у извѣстнаго знатока Крыма, Габлица.

Съ начала мая 1794 года до іюля, Палласъ употребилъ на объѣздъ полуострова, а въ сентябрѣ вернулся въ Петербургъ и издалъ „Картину Крыма“; изъ этого сочиненія мы приводимъ извлеченія. Впослѣдствіи онъ издалъ полное описаніе Крыма въ своемъ „Путешествіи въ южныя области Россійской Имперіи.“

Палласъ описываетъ Крымъ подробно во всѣхъ отношеніяхъ: въ историческомъ, бытовомъ, въ естественно-историческомъ и проч.

Эта часть его путешествія украшена множествомъ прекрасныхъ картинъ. Еще прежде этого Палласъ путешествовалъ въ Крыму и былъ приведенъ имъ въ восхищеніе. Мы не будемъ слѣдовать за Палласомъ въ его вторичномъ путешествіи по Крыму, гдѣ онъ рѣшился, наконецъ, на всегда поселиться, чтобы провести остатокъ дней своихъ въ уединеніи среди поэтической природы юга. Приводимъ въ извлеченіи его первоначальное „Изображеніе Крыма“.

2. Крымъ. — Горы и ихъ строеніе. — Долины Крыма. — Растительность. — Четвероногія, птицы и рыбы.

Еще ранѣе Палласа Габлицъ, о которомъ мы упоминали выше, сдѣлалъ описаніе Крыма.

„Таврическій полуостровъ, говоритъ Палласъ, представляетъ для изученія физической географіи и минералогіи замѣчательную страну на земной поверхности. Горы здѣсь подымаются на высоту болѣе тысячи саженей. Вдоль всего южнаго берега, гдѣ море очень глубоко, онѣ стоятъ почти прямыми утесами. Напротивъ того къ сѣверу онѣ спускаются въ началѣ постепенно, а наконецъ нечувствительно понижаются и переходятъ въ отлогіе скаты, а затѣмъ теряются въ обширной равнинѣ, лежащей нѣсколько выше поверхности моря и составляющей самую большую часть полуострова.“

Разсматривая строеніе Крымскихъ горъ, Палласъ предполагаетъ *), что различные слои этихъ горъ образовались въ разное время. Древнѣйшій ихъ слой состоитъ изъ известняковъ, затѣмъ идутъ сланцы, песчаники и щебень. Эти четыре породы составляютъ *первый этажъ горъ.* Затѣмъ разсмотрѣвъ другіе породы Крымскихъ горъ, Палласъ заключаетъ, что въ нихъ нѣтъ ни гранита, ни гнейса,

*) Не надо забывать при чтеніи этихъ страницъ, что въ его время геологія не существовала. *Пр. ав.*

ни полеваго шпата, и почти нѣтъ окаменѣлостей, слѣдовательно онѣ принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ.

Второй этажъ горъ большею частію состоитъ изъ мягкихъ меловыхъ формацій, въ которыхъ по Сальгиру и Карассу попадаются чаще окаменѣлости, напр., устрицы необыкновенной величины и тяжести. Этотъ рухляковый слой Палласъ разсматриваетъ и въ отношеніи къ растительности, животнымъ и земледѣлію, что показываетъ его необыкновенную проницательность.

Третій этажъ состоитъ изъ недавнихъ морскихъ осадковъ, — крупнаго хряща, перемѣшаннаго съ раковинами и связаннаго известковымъ цементомъ. Это-то и служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что этотъ этажъ образовался изъ самыхъ недавнихъ морскихъ осадковъ, ибо здѣсь находимыя раковины принадлежатъ тѣмъ породамъ мягкотѣлыхъ, которая и теперь живутъ въ Черномъ морѣ. Онъ полагаетъ, что эти пласты образовались прежде, чѣмъ Черное море открыло себѣ выходъ черезъ Дарданелы и соединилось съ Средиземнымъ. Затѣмъ онъ естественно переходитъ къ разсмотрѣнію соленыхъ озеръ Крыма и грязныхъ изверженій Керчи и Тамани (сопокъ) и подробно ихъ описываетъ. Палласъ полагаетъ, что подъ Таманскомъ полуостровомъ уже нѣсколько вѣковъ горитъ каменный уголь, результатомъ чего является каменно-угольный пепелъ. Проникающая же черезъ трещины земли морская вода, обращается внутри земли въ пары, соединяется съ пепломъ перегорѣлаго каменнаго угля, ищетъ себѣ исходъ и выбрасывается вонъ въ видѣ грязи.

„Теперь я приступаю, говоритъ Палласъ, къ описанію самыхъ прекрасныхъ долинъ Крыма, образуемыхъ утесами высокихъ горъ. Долины эти лежатъ полукругами, на подобіе амфитеатровъ, вдоль южнаго берега. Ихъ климатъ такой же счастливый, какъ климатъ Анатоліи и Малой Азіи, такъ что зима въ нихъ едва чувствительна. Бѣлая буковица и весенній шафранъ появляются здѣсь въ февралѣ, а иногда и въ январѣ; дубъ часто покрытъ круглый годъ зеленой листвой.“

„Эти долины составляютъ въ ботаническомъ и хозяйственномъ отношеніи самую важную часть Таврическаго полуострова, а можетъ быть и всего государства. Здѣсь царство всегда зеленѣющаго лавра, такъ счастливо растущаго вмѣстѣ съ муроносною маслиной, затѣмъ смоковницы, гранатнаго дерева, каркаса (Celtis

orientalis), курмы (Diospyrus lotus), все это остатки быть можетъ древняго садоводства грековъ; маннаносная ясень, скипидарное и кожевенное дерево (сумахъ), ладонникъ съ шалфейными листьями, пузырное (Colutea) и клубничное дерево (Arbutus Androchre) Малой Азіи— растутъ вездѣ на открытомъ воздухѣ. Въ особенности послѣднее, растущее на самыхъ утесистыхъ приморскихъ скалахъ, какъ своими прекрасными вѣчно зелеными листьями, такъ и красною корою толстаго своего пня служитъ въ зимнее время лучшимъ украшеніемъ для скалъ. Грецкій орѣшникъ нерѣдко составляетъ въ этихъ долинахъ цѣлый лѣсъ. Во многихъ мѣстахъ по морскимъ берегамъ обильно растутъ никѣмъ не сѣянные каперсовые кустарники. Дикій и насажденный виноградъ, наперерывъ вьются вверхъ по самымъ высокимъ деревьямъ, потомъ спускается внизъ и опять подымается и вмѣстѣ съ разцвѣтающей буковиною составляютъ цвѣточныя сплетенія и бесѣдки безъ всякаго усилія для этого рукъ человѣка. Съ одной стороны прекрасный и вмѣстѣ приводящій въ ужасъ видъ возвышающихся до облаковъ горъ и разрушившихся громадныхъ горъ, съ другой сады обильные зеленью, естественные фонтаны и водопады, текущіе со всѣхъ сторонъ, наконецъ, необозримая даль разстилающагося моря—все это дѣлаетъ изъ этихъ долинъ такія живыя и пленительныя картины, которыхъ самое высокое поэтическое воображеніе не въ состояніи ни представить, ни описать. Простая жизнь добродушныхъ горныхъ татаръ, населяющихъ эти райскія долины, ихъ хижины, разбросанныя по скату горъ, покрытыя землею и наполовину высѣченныя въ горѣ, почти не видны за чащею окружающихъ ихъ деревъ. Стада козъ и небольшихъ овецъ, разсѣянныхъ по скатамъ, стоящихъ въ безмолвіи скалъ, мирно пасутся и только звуки пастушечей свирѣли раздаются между ними. Словомъ все представляетъ здѣсь золотой вѣкъ природы, все вливаетъ любовь къ простой, сельской и уединенной жизни. Эти мѣста возраждаютъ привязанность къ свѣту, который омраченъ ужасами войны *), и отвратительное лицемѣріе и роскошь большихъ городовъ, вмѣстѣ съ неразлучными съ нею пороками, дѣлаютъ жизнь почти невыносимою для человѣка просвѣщеннаго, оставившаго свѣтскую суету."

„Въ этихъ прекрасныхъ долинахъ могутъ быть для блага Россіи

---

*) Палласъ говоритъ это по поводу тогдашнихъ войнъ въ Европѣ. *Пр. ав.*

заведены самыя полезныя растенія южной Европы и Малой Азіи, напр., красильныя, торговыя (кунцутъ), аптекарскія, лучшіе сорты оливокъ и фиговыхъ деревьевъ, апельсины, лимоны, особенно такъ называемыя бадрянки: они крѣпче. Кромѣ того можно бы было развести также и породы съ крѣпкой древесиной, отличающія цвѣтомъ и цѣнныя въ столярныхъ работахъ. Затѣмъ здѣсь будутъ расти хорошо кипарисъ и пробковое дерево; даже сахарный тростникъ могъ бы съ успѣхомъ родиться на нѣкоторыхъ приморскихъ долинахъ."

„Дикихъ четвероногихъ животныхъ въ Крыму мало, зайцевъ, дикихъ козъ и лѣсицъ здѣсь много; медвѣдей нѣтъ. Но птицъ дикихъ гораздо болѣе: самая обыкновенная здѣсь птица—это сѣрая куропатка, а во время отлета—перепелъ, слетающійся осенью на южный берегъ, чтобы отсюда перебраться стадами въ Анатолію. Зимой же много дудаковъ и стрепетовъ, летающихъ небольшими стадами. Горные журавли часто попадаются около соленыхъ озеръ, но большіе журавли напротивъ рѣдки. Въ пещерахъ скалъ гнѣздятся совы и сычи: они ночью крикомъ своимъ оглашаютъ всѣ долины. Воронъ, галокъ (они здѣсь нерѣдко попадаются бѣлыя), скворцовъ, дроздовъ, щурокъ—весьма много. Соловьи же и другія насѣкомоядные птицы здѣсь бываютъ только на пролетѣ, а не вьютъ гнѣздъ. На Таврическомъ полуостровѣ нѣтъ ни фазановъ, ни тетеревей, хотя обѣ породы тетерева доходятъ до Азовскаго моря, а фазанъ водится по всей Кубани до Тамани. Рѣчныхъ рыбъ также не много."

„Въ каменистыхъ и быстрыхъ рѣчкахъ мало рыбъ, кромѣ форелей; напротивъ у морскихъ береговъ много всякой рыбы. Самыя многочисленныя—это кефаль, сельдь и нѣкоторыя породы салакушки."

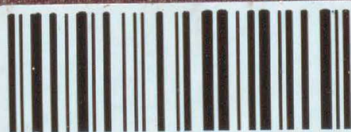
На Таврическомъ полуостровѣ мало насѣкомыхъ, особенно бабочекъ; это тѣмъ болѣе странно, что здѣсь богатая растительность. Палласъ нашелъ здѣсь только тридцать новыхъ родовъ, которыхъ нѣтъ въ южной Россіи. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ насѣкомыхъ быть можетъ живутъ въ Анатоліи, на Кавказѣ и въ Молдавіи. Между развалинами скалъ на южномъ берегу множество маленькихъ скорпіоновъ. У береговъ Чернаго моря ловится много вкусныхъ морскихъ раковъ.

Затѣмъ перечисливъ още нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, Палласъ переходитъ къ описанію домашнихъ животныхъ. Онъ замѣ-

чаетъ, что быки здѣсь мелки, буйволовъ держатъ не много, изъ верблюдовъ замѣчательны бѣлые и проч.

Относительно растительности Палласъ дѣлитъ Таврическій полуостровъ на три полосы: 1) растительность равнины; 2) растительность известковой полосы; 3) растительность южная. По известковой полосѣ проходятъ вездѣ рѣчьки и вездѣ растетъ виноградъ. Затѣмъ Палласъ разсматриваетъ множество полезныхъ дикорастущихъ здѣсь растеній, наполняющихъ собою долины горной части полуострова.

КОНЕЦЪ.

2007334326